

Протуберанцы мужества и надежд

(1-ая и 2-ая делегации советских немцев в 1965 г.)

В этом году исполняется 40 лет с того времени, как в Москву были посланы первые две делегации российских немцев по вопросу о полной реабилитации и восстановлении государственности нашего народа. Делегации добились немыслимого даже по критериям сегодняшнего времени успеха: приёма, причем дважды, на высшем уровне за полгода. Они сыграли большую роль для национального движения и в последующем. Однако до сих пор о том времени, о тех событиях, о проявленном тогда мужестве практически никому ничего не известно: в те годы писать об этом было нельзя, а сегодня уже мало кто из участников тех событий остался в живых.

Данная работа - не научное исследование. Но и не просто воспоминания. Это, с одной стороны, описание тогдашних событий, с другой – попытка осмыслить их, исходя из сегодняшней информированности. Это практически и первый материал о начальном важнейшем этапе движения российских немцев, этапе, который и мою лично жизнь определил всю, по сегодняшний день.

Хотел бы выразить этими воспоминаниями своё глубокое уважение поколению наших отцов, показавших нам тогда высокий пример исполнения своего долга перед своим народом.

*Автор
Январь 2005 г.*

Прошло уже сорок лет с тех дней, когда - впервые после ликвидации АССР НП, депортации всех российских немцев, после многих трудармейских лет за колючей проволокой, после окончания войны, после страшных геноцидных указов и режима спецкомендатуры, - среди российских немцев сформировался актив, перешедший от молчаливого терпения и индивидуальных инициатив к коллективным действиям для решения главных вопросов народа: полной его реабилитации и восстановления государственности. Скрытно, тайно, чтобы не узнали власти, собирались в разных регионах страны, где проживали российские немцы, подписи под требованием восстановить Автономию, и деньги, чтобы послать с этим требованием в Москву делегацию.

Судьба моя сложилась так, что я был и среди тех, кто готовил эти делегации, и в составе обеих делегаций. Поэтому всё проходило острейшим образом через сердце, оставив в нем след навсегда.

Но не только в сердце и памяти остались события тех дней. Я был также избран постоянным секретарем обеих делегаций, а затем членом Комитета по координации нашей работы уже после делегаций. Я вел хронику работы первой делегации, участвовал в подготовке документов обеих делегаций, сохраняя все варианты и копии, и имел затем активную переписку с другими членами Комитета – руководством тогдашнего национального движения.

После обеих делегаций нужно было как можно шире ознакомить людей с выработанными документами. Тогда не было такой множительной техники как сейчас – в лучшем случае 4 копии на пишущей машинке; тогда и не могло быть в личном

пользовании множительной техники – даже пишущая машинка регистрировалась; тогда размножение каких-либо материалов было уголовно наказуемым; и тогда вообще нельзя было говорить о проблеме советских немцев. Но, несмотря на всё это, мы в узком кругу актива немцев Алма-Аты (алма-атинской группы) решили подготовить брошюру «Материалы 1 и 2 делегаций советских немцев».

Это тоже пришлось делать мне, естественно, подпольно – я печатал ее на одолженной пишущей машинке, одновременно в ходе работы осваивая машинопись, и затем мы размножили ее в каком-то институте на каком-то устройстве типа гектографа в количестве 1000 экземпляров и распространили среди активистов-немцев по всей стране. До конца перестройки это был фактически единственный источник информации о состоявшихся делегациях, и то нелегальный. В дальнейшем публикации материалов делегаций делались по текстам именно этой брошюры.

Естественно, в брошюру не могло войти всё, что было тогда наработано, – не только из-за объема, но и потому, что обо многом тогда просто нельзя было сказать: это были внутренние проблемы нашего движения. Поэтому и до сих пор доступны, в какой-то степени, лишь «официальные» документы делегаций. Остальное многие годы не могло быть ни опубликовано, ни куда-либо передано – по понятным причинам. Вот почему несколько папок материалов и писем ездили со мной, куда бросала меня жизнь после тех событий: из небольшого поселка в горах над Алма-Атой, где я работал учителем, в Целиноград, куда меня пригласили в редакцию немецкой газеты «Фройндшафт», в Рязанскую область, куда я ненадолго попал после Целинограда, и наконец в Москву, куда я был приглашен после окончания института на работу в редакцию газеты «Нойес лебен».

Понятно, что папки эти всегда хранились в самом укромном месте. Но, даже работая в Москве, в газете, выходившей в издательстве «Правда», никто из нас не был защищен от внимания соответствующих служб; скорее наоборот – каждый твой шаг был здесь еще больше на виду. И когда в середине 70-х я вернулся из первого в моей жизни нормального отпуска домой, меня пригласила к себе наша домоуправ и сказала, что ко мне приходили с обыском, но вот – не застали. Наверное, придут еще.

Как позже выяснилось, обыски прошли у активистов немецкого движения сразу по всей стране. Поводом были какие-то инициативы в Киргизии, а причиной, насколько можно было понять, непрекращающиеся попытки новых поездок в Москву, а также упорные акции-требования разрешить выезд в Германию.

На следующий день, когда я пришел на работу, обнаружилось, что у другого сотрудника редакции, Иоганна Варкентина, тоже члена обеих делегаций, обыск уже состоялся. Моя первая реакция была: как спасти документы, единственный экземпляр которых был у меня? В конце концов я передал их одному из своих коллег, а тот, как выяснилось позже, без согласования со мной передал их своему брату, выезжавшему в Германию. Более двадцати лет мне не удавалось получить их обратно. И только два года назад это удалось сделать – буквально «на краю»: их уже хотели вообще выбросить.

Так вернулись ко мне опять эти папки, и теперь можно говорить о тех событиях не только по воспоминаниям и по памяти сердца, но и по сохранившимся строчкам, по написанным чернилами, карандашом или на машинке материалам и письмам, рождавшимся прямо из горячих событий и прошедшим через руки и души тех, кого уже почти никого не осталось в живых.

1. Положение советских немцев и причины подготовки делегаций

Всякое явление, всякое событие, как материя по Ломоносову, не возникают из ничего и не превращаются в ничто. Они всегда, с одной стороны, результат, с другой –

причина. Результатом они являются, как правило, очень многих причин, и причиной могут быть очень многих результатов.

Результатом чего были делегации 1965 года?

Тогда, во время этих событий, мне было 26, я был далек от большой политики, и как многие мои сверстники, да и те, кто постарше, был далек от какой-либо общественной жизни, хотя и был членом КПСС. Я относился к тем, кто вступил в нее по убеждениям. По убеждениям, которые были сформированы школой, армией, работой, всей жизнью страны; по убеждениям, альтернативы которым тогда в обществе не допускалось и фактически не было. Потому что не было выбора между идеологиями, партиями и убеждениями – была одна идеология, одна партия и допускались только одни убеждения.

И допускалась только одна цель – строительство коммунизма. Что означало посвятить свою жизнь и работать не на собственное благо – это очень важно отметить особенно сегодня, - а на благо будущих поколений и на благо всех людей на Земле. И отсюда думать о собственных интересах, о личном благополучии, когда речь должна идти о будущем страны, человечества и мира, было как-то даже неприлично. Тем более действовать в личных интересах.

В этом смысле тогдашняя идеология, отрицавшая всякую религию, сама была близка к христианской религии: счастье она обещала не сегодня и не на Земле, а в форме светлого будущего без нас, в прекрасной жизни грядущих поколений. То есть идеология, как и религия, требовала в значительной мере самопожертвования – ради блага других. Как писал Маяковский, «Пусть нашим общим памятником будет построенный в боях социализм».

Полагаю, что такие высокие идеалы религии или идеологии могут привлекать только порядочных и честных людей – до тех пор, пока эти религии и идеологии связаны именно с самопожертвованием, с отказом от личных благ, а не с получением личных благ. Когда же религия или идеология становятся источником этих благ; более того, когда вне этой религии или идеологии становится практически невозможно добиться этих благ, то на этом святость идеалов и религии, и идеологии заканчивается. И если они еще и используются как знамя, то, как правило, уже в нечестных руках: стимулы борьбы за удобное место у кормушки далеки от стимулов борьбы за всеобщее счастье и за светлое будущее грядущих поколений.

Когда я вступал в партию, высокие, светлые идеалы в ней были еще живы. И в партии было еще много честных, порядочных людей, для которых эти идеалы были внутренним категорическим императивом. И партия была еще носителем этих идеалов. То есть всё лучшее, всё самое высокое – в целях, в делах, в морали – связывалось у многих еще с партией. Или – в другой, почти нелегальной части жизни общества, - с верующими того времени, когда религия была гонима и трактовалась как антипод всего светлого и доброго, как мракобесие и темнота.

Но религия тогда ограничивалась в основном стенами церквей или молельных домов, была загнана в семью. Ее идеалы и мораль передавались в основном на личном, семейном уровне. С жизнью страны и общества жизнь верующих конкурировать не могла, поэтому религия не могла и так привлекать к себе, особенно молодежь: чтобы придти к религии, требовалось сначала дистанцироваться от общей жизни, замкнуться в тесном мирке, где получить, в основном от родителей, эти идеалы, эту мораль как пример или как принуждение.

В общем, борьба за благо других, за народное счастье, за торжество справедливости, что на языке тогдашней государственной идеологии называлось «за торжество ленинских принципов» (Ленин для членов партии, как Христос для верующих, был непререкаем, его дела и слова не обсуждались, а изучались), в том числе и в национальной политике, была

не простой декларацией, а нормой поведения, обязанностью «строителя коммунизма». Как и нетерпимость к недостаткам, непримиримость к идеологическим противникам, как воинствующий коммунизм (вспомним: Церковь воинствующая). И отступление от этих принципов было преступлением перед партией, а значит, перед народом, перед страной. И как в религии самое страшное наказание было отлучение от церкви, так и здесь исключение из партии означало мгновенный крах во всей жизни, вплоть до ухода из нее, нередко добровольного.

Но когда в обществе, в стране только одна партия, и эта партия – партия власти, то она делает всё, чтобы других партий не было, а значит, чтобы не было и других идеологий. Однако ни одна идеология не может охватить собой всё разнообразие жизни. А значит, в результатах деятельности любой партии всегда будут недостатки. И значит, удержаться у власти одними прекрасными идеями уже невозможно – тем более при общей установке нетерпимости к недостаткам. А значит, нужны и другие стимулы для обеспечения поддержки партии и ее руководства, в том числе и для самих членов партии. Другими же стимулами, равными или даже для многих превосходящими по силе, являются личные блага. А личные блага имеют способность вызывать привыкание к ним и стремление к их сохранению и приумножению. И так как самые большие блага были у тех, кто был на самом вершине, то стремление сохранить всё как есть было наверху главным. И чтобы обеспечить это, требовалось выстроить пирамиду благ как скелет пирамиды власти. После Сталина это делалось всё более откровенно, и перерождение партийных функционеров, а значит, и перерождение власти, играло в сравнении с «ленинскими принципами» всё большую роль. Это тоже было уже всем и давно видно.

Говорю об этом, чтобы отметить важнейшее условие действий наших делегаций: эти действия могли проходить только в рамках официальной идеологии; формы этих действий и содержание требований делегаций должны были полностью соответствовать правовым нормам тогдашнего государства; и делегации на деле выступали не против «ленинских принципов», а за их соблюдение, за их восстановление, в частности, в государственной национальной политике.

Знание этих принципов, следование им, ***убежденность в их верности и в том, что по отношению к российским немцам они грубо нарушены***, во многом придавали участникам делегаций ощущение правоты, внутренней силы и стойкости – несмотря на весь трагический опыт народа, несмотря на личный тюремный и лагерный опыт многих членов делегаций, несмотря на жесточайшее пресечение властью подобных инициатив, тем более в национальном вопросе, и тем более у российских немцев.

Но мы знали также, что в 1956 году прошел XX съезд КПСС, потрясший основы всей жизни страны и осудивший культ личности Сталина, на которого партия списала практически все преступления прежних десятилетий, в том числе массовые репрессии и депортации народов. То есть, ликвидация АССР НП, выселение российских немцев вполне могли теперь трактоваться как антипартийное, антиленинское преступление времен культа личности, которое теперь надо исправить. И пусть борьба с «культом личности» Сталина шла очень сталинскими методами (правда, без крови), надежда всё же была.

Мы знали и то, что после XX съезда другие репрессированные народы получили обратно свою государственность. Только немцы да крымские татары остались без своих автономий. Почему? Это ведь явное нарушение «ленинских принципов» и новой послесъездовской политики партии. И долг члена партии, долг любого советского человека – добиться, чтобы исправить эти недостатки.

Наконец, в октябре 1964 года состоялся также знаменитый Пленум ЦК КПСС, на котором был снят Н.С.Хрущев - за всё, что было названо тогда новым и непонятным словом «волюнтаризм». Очередным главой партии, а значит, и государства, стал

Л.И.Брежнев. Смена власти всегда несет в себе по крайней мере один положительный момент: все недоработки и недостатки жизни сваливаются на прежнее руководство, а значит, можно предположить, что новое руководство сделает, наконец, то, что не сделало прежнее. Если съезд партии признал депортацию народов преступлением, и если до сих пор это преступление по отношению к российским немцам не исправлено, и если допустившие такое безобразие сняты, то новое руководство наверняка сделает всё как надо. Это тоже вызывало надежды.

То есть идеологическая, правовая, официально-политическая база под нашими предстоящими действиями и требованиями была солидной.

Но одно дело закон и декларируемые принципы, и совсем другое – практика государственной жизни. Ведь в то время любое обращение в ЦК мгновенно становилось причиной серьезного преследования: если письмо успевали изъять еще на месте, то бесконтрольную инициативу проявляли местные органы; если с кем-то передавалось в Москву и там сдавалось в приемную ЦК – то «поговорить с товарищем» приходилось местным властям уже по указанию из центра, что было часто еще хуже, потому что был вынесен сор из избы.

Еще большим преступлением было коллективное письмо – это как групповое преступление в уголовном кодексе подводилось уже под другую «статью». А делегация в Москву – это было вообще беспрецедентным явлением; если такое удавалось организовать и осуществить, значит, прохлопали на местах все – и партийные, и советские органы, и местком с парткомом, и милиция, и КГБ. А значит, все они потом должны были «провести работу» по рассмотрению такого чрезвычайного явления и принять меры для недопущения подобного впредь. И это мы тоже знали.

Уже после снятия Хрущева нам стало известно еще одно важное обстоятельство: оказывается, еще 29 августа 1964 года, т.е. еще при Хрущеве, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым все обвинения, выдвинутые в Указе 1941 года, с российских немцев были сняты, однако вопрос о восстановлении государственности так и не был решен. (Позже меня уверяли, будто Хрущев хотел после возвращения из своего последнего отпуска решить вопрос и о восстановлении АССР НП, что вообще-то не противоречит его политической практике). Этот факт имел теперь, однако, не только положительный, но и отрицательный аспект.

Положительным было то, что «партия и правительство» занимались нашим вопросом, они признали необходимым исправить наше положение и сделали в этом направлении первый серьезный шаг – сняли с нас несправедливые обвинения. Но, как известно, новое руководство никогда не любит идеи старого руководства, тем более снятого таким методом и обвиненного в «волюнтаризме». А это значит, что если Хрущев действительно намеревался решить нашу проблему, то Брежнев будет дистанцироваться от этого как от волюнтаристской идеи. И даже то, что Указ был принят совсем недавно, делало маловероятным повторное возвращение к нашему вопросу так скоро. В общем, всё было очень неоднозначно.

Но об Указе пока были только приглушенные слухи. Ознакомиться же с его текстом нам удалось впервые на совещании актива газеты «Нойес лебен», которое собрали в ЦК КП Казахстана, когда в Алма-Ату приехал заведующий отделом пропаганды газеты В.Медведев. Собственно, разговор на встрече должен был идти о делах газеты, но кто-то из участников поднял вопрос об Указе, начальство заявило, что его в ЦК нет, и только после долгих и всё более категоричных требований Указ был «найден». Естественно, после этого разговор пошел уже о том, почему Указ, правильно сняв обвинения, оставил наказание за эти необоснованные обвинения, и что Автономии на Волге нужно восстановить. Но вопрос этот решался, конечно, не в ЦК КП Казахстана, поэтому мы еще более укрепились в необходимости ехать в «большой» ЦК.

Таковы были идеологические, правовые, официальные моменты опорной базы намечаемых наших действий. Эти моменты были чрезвычайно важны для защиты предстоящих действий от неизбежных обвинений и преследований. Но их было явно недостаточно для осуществления самих действий. Ведь если бы представителям других национальностей, также знающим всё это, предложили начать бороться за восстановление АССР немцев Поволжья, вряд ли нашелся бы хоть один русский или казах, который осмелился бы здесь сказать даже слово.

Одного стремления к справедливости недостаточно, чтобы бороться за ее восстановление. Да и не может национальный вопрос одного народа быть кровным делом представителей другого народа. Это всегда кровное дело только самого народа. Если есть в нем личности, для которых будущее народа, его достоинство, справедливость по отношению к нему дороже их собственной жизни, значит, будет кому начать и вести борьбу. Нет таких – и народ покорно, безгласно и тупо исчезнет с арены истории.

То есть в народе должны быть люди, которые знают, чем был народ до обрушенных на него несправедливостей, в каких условиях он находится сейчас и что ему нужно, чтобы вообще выжить. И эти люди должны быть убеждены, что альтернативы борьбе за будущее нет, что исчезновение народа – это гораздо раньше их собственная смерть, и что большей потери, чем потерять народ, для них не может быть.

Несмотря на все репрессии тридцатых годов, несмотря на все ужасы депортации и трудармии, на спецкомендатуры и дискриминацию, несмотря ни на что - народ продолжал жить. И надеяться. И бороться. И старшее поколение помнило еще жизнь в дореволюционных немецких колониях, среднее поколение помнило жизнь в довоенных национальных районах и в республике, и эта прошлая жизнь была, невзирая на всё пережитое, - *национальная* жизнь, жизнь народа. И от этой жизни нас отделяло не 60 с лишним лет, как сейчас, а всего лишь 23 года. И у очень многих всё было еще свежо в сердце и памяти.

Даже поколение двадцатилетних еще успело впитать в себя эту национальную жизнь, которая по инерции продолжалась даже в изгнании, в ссылке, даже под спецкомендатурой – в семейном укладе, в строгой морали, в обычаях и традициях, в языке и культуре, в общении между родными и близкими, между соседями и друзьями, продолжалась в постоянных живых воспоминаниях старших о прежней жизни, о том, как было «дома». И всё, чем продолжал жить народ, было тем дороже, чем оно всё больше было под угрозой исчезновения, да вдобавок еще запрещалось и преследовалось. И всё это от каждого требовало защиты. И понимание этого превращалось в долг действовать.

Таким образом, основа для действий была прямо-таки могучая. При наличии чувства долга, при понимании справедливости и законности требований, всегда найдется какое-то количество людей, которые смогут преодолеть в себе и страх перед неизбежными опасностями. А о том, какие опасности могут ожидать, всем тоже было хорошо известно.

Так, еще в 1957 году в редакции первой в стране послевоенной немецкой газеты «Арбайт» (Барнаул, Алтай) было подготовлено письмо в ЦК по вопросу о восстановлении государственности российских немцев. Каким-то образом об этом стало известно за пределами узкого круга авторов. Реакция была скорая: газету закрыли. Объяснить это тем, что в Москве создавалась центральная газета «Нойес лебен» и поэтому на Алтае газета больше не нужна, невозможно: одновременно были открыты две районные немецкие газеты на том же Алтае. Значит, не нужна была именно *такая* редакция.

В январе 1963 года, т.е. еще до Указа 1964 и за два года до первой делегации, я написал письмо Н.С.Хрущеву – о проблеме российских немцев, о необходимости восстановить их Автономию. Написал в стихах – проза для этого мне казалась тогда

недостаточно выразительной. Перед тем, как отправить, показал его И.Варкентину – он всё же поэт, да и поопытней меня был; кстати, он был и одним из авторов того письма, подготовленного в «Арбайт».

Варкентин сам не решился сказать, отправлять или нет письмо, и переправил его в Новосибирск Виктору Клейну – наиболее известному тогда нашему писателю, поэту, душе нашей литературы, одному из лучших знатоков и её, и нашей национальной жизни, педагогу, заведующему отделением немецкого языка и литературы в пединституте, где готовились преподаватели для российских немцев и откуда вышло потом хорошее литературное пополнение. Клейн был тогда, пожалуй, самой крупной и авторитетной фигурой среди российских немцев. Он был связан тесной дружбой с очень многими.

Ответа от него долго не было. Потом пришел: пока отправлять лучше не надо. (После этого я отправил письмо сам, в наивной вере, что оно действительно дойдет до адресата и не сможет оставить его равнодушным к судьбе так несправедливо наказанного народа.)

То есть опасности, сопряженные с борьбой «за торжество ленинских принципов», нам всем были хорошо известны. Но люди, готовые ради своего народа постоять за эти «принципы», находились среди российских немцев всегда.

В трудармии они добивались права работать не для «искупления вины перед Родиной», а под лозунгом, под которым работала вся страна: «Всё для фронта, всё для победы!»

С подконвойной работы в тайге и на шахтах они бежали с риском расстрела на фронт, чтобы там, под чужой фамилией, воевать против врага и доказать этим, пусть в случае смерти лишь одному себе, всю несправедливость обвинений против российских немцев.

После отмены спецкомендатуры они отказывались подписывать бумаги о том, что не имеют права возвращаться в места прежнего проживания.

Позже в народе возникла, во многом как защитная реакция, невероятная по массовости в тех условиях немецкая художественная самодеятельность.

Такие люди направляли свои письма в Москву с требованием восстановления справедливости.

Некоторые даже рисковали поехать в Москву, чтобы лично попытаться донести до высоких чиновников чаяния народа – неизбывная вера в царя и высокое начальство, которые якобы не знают правды, и только поэтому людям живется плохо.

Но всё это были действия одиночек. Требовалось что-то более значимое, более массовое. ***Требовалась делегация, представительная и уполномоченная народом.***

2. Первая делегация

(Январь 1965 г.)

В разных регионах страны – в Красноярском крае, в Поволжье, в Казахстане, в Киргизии - начался сбор подписей под требованием восстановить Автономию, и сбор средств для поездки. Естественно, делалось это максимально скрытно.

В Москву был послан Отто Гертель – преподаватель из Фрунзе. Он должен был разведать обстановку и условной телеграммой дать потом знать, ехать или нет. Поездка планировалась на самое начало января – на время школьных каникул, чтобы в делегации смогли принять участие и преподаватели.

Когда телеграмма от Гертеля – «*Свадьба состоится*» – пришла, мы быстро купили билеты на самолет, и вот мы уже в пути. Из Алма-Аты нас летело трое: И. Варкентин, из крымских меннонитов, писатель, преподаватель немецкого языка в вузе; Яша Ольферт – розовощекий комсомолец, 19-летний учитель немецкого языка в сельской школе под Алма-Атой; и я, успевший еще за три года до выселения родиться на Волге, тоже школьный учитель – немецкого языка и физкультуры. Мы вылетели 2 января, чтобы максимально использовать время каникул.

Самым импозантным из нас выглядел Яша: ему не в чем было лететь, и Варкентин дал ему свое шикарное бордовое зимнее пальто с серым каракулевым воротником. (Позже, в Москве, после обеда в каком-то кафе, когда мы стали одеваться, гардеробщик ему одному из нас помог надеть его пальто и в почтительном ожидании замер. И дождался: Яша, не привыкший к такому классу обслуживания, вместо чаевых искренне сказал ему «спасибо».)

Первая встреча делегатов состоялась 4 января утром в редакции газеты «Нойес лебен», издававшейся в Москве для советских немцев с 1957 года. Отнеслись к нам в редакции достаточно приветливо, выделили даже один из кабинетов. Гораздо позже я пришел к мысли, что наше пребывание в редакции наверняка было оперативно согласовано с соответствующими органами, как и во время второй делегации: зачем давать нам возможность собираться где-то, когда здесь мы были все и слышимы, и видимы, и все готовившиеся нами материалы также были сразу доступны? Предположить, что редакция по собственной инициативе решила укрыть у себя делегацию немцев и помогать ей, трудно даже сейчас.

Всего должно было приехать 11 человек. Кроме нас троих к первой встрече прибыло еще пятеро: Генрих Кайзер из Красноярского края, пенсионер, бывший экономист; Константин Борнеман из Волгоградской области, персональный пенсионер, член партии с 1918 года, участник гражданской войны; Рейнгардт Кёльн из Краснодарского края, бывший партработник в АССР НП, член партии с 1924 года, прошедший 20 лет в лагерях, писатель; Николай Дельва из Свердловской области, рабочий, тоже член партии; и из Красноярска Доминик Гольман, пенсионер, бывший педагог, член партии, известный впоследствии писатель. Все они были из немцев Поволжья. Делегация из Киргизии прибыла к концу следующего дня: Иван Бруг, тоже из немцев Поволжья, пенсионер и беспартийный; Отто Гертель, педагог, член партии; и Георг Михель, инженер, беспартийный.

Кроме того, к делегации присоединились сотрудница редакции «Нойес лебен» Мария Фогель, работавшая и до войны в газете в АССР НП, мать всемирно известного потом композитора Альфреда Шнитке; и Вольдемар Шнайдер, инженер из Красноярского края, беспартийный, находившийся в это время в Москве.

Привожу эти данные, чтобы показать, что делегация составлялась продуманно: в ней были заслуженные члены партии, комсомольцы и беспартийные, интеллигенция и рабочие, немцы Поволжья и другие немцы. Это означало представительность и позволяло претендовать на прием не только в советских, но и в партийных органах. В том числе в ЦК. Тогда это имело большое значение. К тому же делегация имела с собой 662 подписи под обращениями с просьбой восстановить немецкую Автономную республику.

Официально мы называли себя «Инициативной группой советских немцев, прибывших в Москву по вопросу о восстановлении немецкой автономной республики».

Обращаю внимание на очень важный момент в этом названии: прибыли по вопросу восстановления не АССР НП, а немецкой автономной республики. Ниже будет объяснено, почему.

Итак, 4 января мы впервые собрались вместе. Работа началась с того, что заслушали проект Заявления в Президиум ЦК КПСС, подготовленный Р.Кёльном. Проект содержал историческую справку о советских немцах и заявление, в котором выражались неудовлетворенность Указом 1964 года, требование полной реабилитации советских немцев через отмену всех дискриминационных указов и распространение на немецкое население страны прав, предоставленных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1957 года другим репрессированным народам.

Было решено принять этот проект за основу и внести в него поправки, суть которых – считать единственным требованием, отвечающим интересам советских немцев, восстановление их автономии, и отразить в документе интересы не только немцев Поволжья, но и украинских, крымских, кавказских и др. То есть с самого начала удалось договориться о том, что главная наша цель – восстановление республики, а не другие связанные с этим вопросы, и что выступать мы должны от имени не одних немцев Поволжья, а всех советских немцев.

На следующий день работа началась с того, что было зачитано несколько приветствий, уже поступивших с мест. В частности, Г.Келер из Красноярска писал:

«Ваше дело народное и справедливое, и поэтому нужно действовать серьезно. Alle wollen Heim. Но только при таких условиях, как были у калмыков... Я был из первых, кто писал в ЦК КПСС о восстановлении Немреспублики, и поднимая людей для этой цели, хочу быть и из первых, кто пожелает вам успехов в нашем святом вопросе... Желаю вам также быть очевидцами быстреешего восстановления Немреспублики на прекрасной реке Волге!»

Кто находился в подобных ситуациях, тот знает, какое большое значение имеют такие письма. Иногда даже одно письмо. Ведь поддержка, понимание того, что кто-то душой с тобой, так нужны...

В этот день шла работа над документами, а 6-го нас ждала еще одна радость: нам принесли свежий номер газеты «Нойес Дойчланд» из Берлина, где был практически полностью опубликован ... Указ Президиума ВС СССР от 29 августа 1964 года! Было ли это простое совпадение, или это была оперативная реакция советской стороны на появление нашей делегации в Москве, и можно ли было позволить себе воспринимать это как шаг на пути к тому, зачем мы приехали – в любом случае, это было важно...

После окончательного обсуждения проекта заявления оно было отпечатано на машинке и приобрело такой вид.

***Первому Секретарю Центрального Комитета КПСС
тов. Брежневу Л.И.***

***Председателю Президиума Верховного Совета СССР
тов. Микояну А.И.***

от инициативной группы коммунистов, комсомольцев и беспартийных, прибывших из разных областей РСФСР, Казахской ССР, Киргизской ССР по вопросу о полной

реабилитации советско-немецкого народа и восстановлении советско-немецкой автономной республики.

1. Мы выражаем Партии и Правительству нашу искреннюю благодарность за снятие с советско-немецкого народа тяжкого, необоснованного обвинения в пособничестве германскому фашизму в годы Великой Отечественной войны.

2. Поскольку Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”» снимает с советско-немецкого населения обвинения в помощи фашизму, то и все последствия этого обвинения, а именно:

а) ликвидация республики немцев Поволжья;

б) насильственное выселение всех немцев, проживавших на Волге и к западу от нее;

в) запрет возвращения в родные места –

должны быть исправлены как последствия обвинения неправильного.

Полностью должны быть отменены указы от 28 августа 1941 г., от 26 ноября 1948 г. и 13 декабря 1955 г. Это будет соответствовать духу и букве программных положений партии и Советской Конституции, принципам ленинской национальной политики.

3. Мы считаем своим долгом обратить внимание ЦК КПСС на то, что ряд утверждений, содержащихся в указе от 29 августа 1964 г., пока еще не соответствует действительности или же реализуется явно неудовлетворительно. Так, например, у нас нет национальных школ для немецких детей, нет своих представителей в Совете Национальностей, крайне неудовлетворительно поставлено или вовсе отсутствует преподавание немецкого языка как родного, а также политико-воспитательная и культурно-массовая работа на родном языке.

Все попытки и усилия по проведению этой работы чрезвычайно сложны в условиях разбросанности, распыленности немецкого населения, повсеместно наталкиваются на глухую стену сопротивления, вызывая обвинения в “национализме”, “самоизоляции” и т.п. Участие советских немцев в общественной жизни страны никак не соответствует их численности и вносимому ими вкладу в строительство коммунизма.

4. В этом противодействии законному и естественному стремлению к сохранению и развитию своей национальной социалистической культуры сказывается вредное, антиленинское представление о том, что советские немцы якобы являются осколком германского, австрийского или швейцарского народов.

Мы - один из многих народов Советской Отчизны и решительно отвергаем теорию о том, что советские немцы в настоящее время не имеют своей национальной государственности якобы по той причине, что “основная часть немцев проживает за пределами СССР”. (См. книгу “Население СССР”, Госполитиздат, 1961 г., стр. 108.)

Самым убедительным опровержением этого порочного тезиса является изданный в тяжелую годину Гражданской войны, подписанный 19 октября 1918 г. Лениным декрет о создании Трудовой коммуны немцев Поволжья. Опровергается

этот тезис всей практикой социалистического строительства в АССР НП и других национальных немецких районах СССР в довоенное время.

Возвращение советско-немецкому народу всех конституционных прав есть вопрос внутренней национальной политики, ни в коей степени не связанный с решением германского или какого бы то ни было иного вопроса международной политики. Советская Россия – страна наших отцов, и мы хотим быть равноправными ее сынами.

5. Мы считаем, что выразим общее мнение не только советско-немецкого населения, но и всех братских народов нашей страны, заявляя честно и открыто перед ЦК КПСС следующее.

Единственно возможным, единственно справедливым и действительно соответствующим ленинской национальной политике решением проблемы советских немцев мы считаем обязательное восстановление немецкой автономной республики и возрождение социалистической советско-немецкой нации. Только восстановление немецкой автономной республики может разом решить все наболевшие и неотложные вопросы о культуре, школах, театрах, борьбе с религией, сектантством и т.д. Только восстановление немецкой автономной республики может остановить духовную, нравственную деградацию не имеющего культурной и языковой связи советско-немецкого населения. Только восстановление немецкой автономной республики может отвечать программному положению КПСС “полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР”. (Программа КПСС, М., “Правда,” 1961, стр.114).

6. Мы убедительно просим дать нашей группе как можно быстрее определенный ответ.

Москва, 9 января 1965 г.

Подписи.

Приложения: 1. Справка в Президиум ЦК КПСС на 10 страницах.

2. Список участников инициативной группы.

Историческую справку, приложенную к письму, существенно доработали, дополнив ее разделом о текущем положении советских немцев, О.Гертель и особенно И.Варкентин.

Когда всё было готово, четыре человека во главе с К.Борнеманом, которого мы избрали руководителем Инициативной группы, поехали сдать заявление в приемную ЦК. Через 40 минут ожидания нас направили к заведующему приемной Строганову. Этот «прием» длился всего минут пять, но сказать нам хозяин кабинета смог за это время много:

- Вы Указ читали? Что же вам еще нужно? Там всё сказано: никакой республики вам не будет... ЦК не может каждый день собираться, чтобы обсуждать вопрос о немцах... Вы пришли не к директору рынка... Меня партия посадила сюда не для обсуждения указов... А что, вы недовольны Указом? Что, вам Советская власть не нравится? - и т.д.

После такого «приема» мы сдали наше Заявление в бюро пропусков ЦК. О результате мы должны были позвонить на следующий день.

7-го нам ответили, что наше письмо передано в секретариат Л.Брежнева, и нам следует позвонить туда завтра после 12 часов.

Готовясь к приему, мы распределили темы, назначили основных выступающих и дублеров, решили также, чтобы в случае отказа восстановить автономию на Волге не дать закрыть вопрос о республике вообще, не упираться на приеме на то, что республика на Волге – это единственный вариант, а ставить вопрос о восстановлении государственности в принципе. Было также решено отпечатать для каждого Декрет 1918 года о создании Автономной области немцев Поволжья, Указ 1941 года и другие указы – ведь эти документы невозможно было нигде достать. Затем решили сфотографироваться и, если будет свободное время, сходить посмотреть Панораму Бородинской битвы.

8-го мы позвонили в секретариат Л.Брежнева, его помощнику Цуканову. Он ответил нам, что Л.Брежнев принять нас не может, потому что не имеет времени, что вопрос еще не созрел, что вопрос очень сложен и что вопрос изучают. На приведенный нами аргумент, что Ленин находил время принимать ходяков даже одиночек, а нас всё-таки 13 человек и мы приехали, имея с собой 660 подписей от людей, Цуканов ответил: «История о Ленине уже написана, а о нашем времени еще только будет написана». Он посоветовал обратиться к другим секретарям ЦК, порекомендовал поехать домой, передав имеющиеся у нас документы в ЦК, и сказал, что при необходимости нас пригласят.

После этого мы решили отправить Брежневу, Микояну и Председателю Совета Министров Косыгину телеграммы с просьбой о приеме, что вечером и было сделано - для надежности с Центрального телеграфа.

9-го с утра мы разделились на группы: одна отправилась в ЦК для передачи всего комплекта документов (Письмо на имя Л.Брежнева, Историческая справка и привезенные нами требования с подписями людей); другая поехала в Приемную Президиума Верховного Совета, «приемную Калинина», как нередко называли ее ещё и тогда. (Как часто, спустя годы и уже живя в Москве, я проходил мимо дверей этого здания на углу проспектов Маркса и Калинина, вспоминая наши хождения сюда в том всё дальше уходящем в прошлое 1965 году!).

Была суббота, но тогда в субботу все работали. В приемной мы были уже в 10 утра. Выяснилось, что отправленная вечером телеграмма на имя А.Микояна всё еще не поступила. Тогда группа попросила принять ее по вопросу Указа 1964 года. Прием был обещан, но не раньше 13 часов. К этому времени подошла и группа, ходившая в ЦК, её тоже включили в список на прием.

В 14.30 всех пригласили наверх, а еще через 15 минут - в просторный кабинет заведующего приемной М.П.Склярова. Как заранее договорились, И.Варкентин изложил цель приезда инициативной группы и сформулировал ряд вопросов: означает ли Указ, что будет осуществлена полная реабилитация, будет восстановлена автономная республика, будут сняты все ограничения, и что можно ожидать улучшения удовлетворения духовных потребностей советско-немецкого народа на родном языке?

Ответ был жесткий: на все эти вопросы Указ дает ясный и исчерпывающий ответ. Вы ставите вопрос об автономии? Этот вопрос в Указе не затрагивается, и я на него ответить не могу.

В дальнейшем М.Скляров снова и снова повторял: я могу дать разъяснения только по Указу. О том, что лежит за пределами Указа, я не берусь и не могу говорить. Президиум Верховного Совета много занимался вопросом советских немцев, хорошо ознакомился с состоянием дел, знает всё, о чем писали и говорили советские немцы. В ближайшее время Президиум не намерен вновь заниматься этим вопросом. Если есть на местах беззакония по отношению к советским немцам, надо об этом говорить, и они будут устранены.

И дальше произошло то, чего некоторые из нас очень опасались и что затем резко усилило расхождение в тогдашнем национальном движении. Видимо, отчаяние от

безнадежного ответа на главный вопрос вызвало стремление попытаться добиться хотя бы чего-то по частным вопросам. Кроме того, идея восстановления республики явочным путем, т.е. через возвращение на ее территорию в индивидуальном порядке, воспринималась некоторыми членами делегаций как вполне реальная (она была живуча и через 30 лет), а для этого требовалась хотя бы отмена запрета на прописку.

И вот, вопреки всем нашим договоренностям о том, что мы будем ставить вопрос только о восстановлении государственности и полной реабилитации, и ни в коем случае не опускать его до снятия ограничений в прописке на Волге, до возврата конфискованного при выселении имущества («курятников», как это называли противники этих устремлений), и вообще до мелких, частных вопросов, - вопреки всему этому члены делегации начали говорить именно о таких вещах:

«Когда немцы приезжают на Волгу, им предлагают уехать в 24 часа – будет ли это изменено?».

«Я был в родном селе, там нужны рабочие, но немцев там не прописывают, потому что они немцы».

«Когда будут сняты запреты и рогатки, чтобы советские немцы были опять равноправными с другими народами?».

«Культура советских немцев гибнет, национальных школ нет, так называемая расширенная программа изучения немецкого языка – это фикция, она ведется лишь в части школ при большом недостатке учителей и учебников».

«Немцы живут слишком распыленно, и нет даже возможности составить в школах группы немецких детей для их обучения родному языку».

Был задан и вопрос о том, что после возвращения из Москвы участники делегации могут быть подвергнуты на местах преследованиям.

Скляр по ходу выступлений делал себе заметки. По последнему вопросу он заверил, что никаких преследований не будет. А по вопросу о прописке четко заявил: мы не можем заняться массовым переселением немцев на Волгу, там тоже живут люди, нельзя совершать новую ошибку. (Каким живучим оказался этот тезис! Мне потом приходилось не раз его слышать даже в начале 1990-х годов, на гораздо более высоком уровне). И завершая, добавил, что он обо всем доложит Микояну, и что любой из членов делегации может в любое время по любому вопросу обратиться в Приемную.

Весь разговор длился 45 минут.

Хотя все затронутые вопросы были вполне актуальны, решение их не вело к решению главного вопроса – восстановлению автономии. Если же был бы решен главный вопрос, то эти вопросы были бы решены автоматически. Поэтому говорить о них, когда нет ещё принципиального решения по главному вопросу, значило дать возможность и свести всё к этим частным вопросам, пообещав что-то сделать, улучшить, поправить, не меняя ничего по сути. Что впоследствии и произошло. Конечно, произошло не потому, что мы говорили и о таких вопросах, но такое нарушение всех договоренностей уже на встрече низшего уровня не могло не осложнить обстановку в делегации.

Между тем следующий день был воскресенье, 10 января, а еще через день уже заканчивались школьные каникулы. И никаких надежд на прием на более высоком уровне. И – горькая мысль о том, можно ли вообще чего-то достичь, если на первых же шагах люди забывают о главном.

На следующее утро мы, алма-атинская группа, поехали купить билеты на самолет, на ночной рейс, чтобы успеть на работу к началу занятий после каникул. Готовились уехать также О.Гертель и Д.Гольман. Мы с Яшей Ольфертом – самые молодые члены делегации,

– решили сходить в Третьяковскую галерею, а затем пошли еще и в Музей изобразительных искусств им. Пушкина. Ведь мы впервые были в Москве, и упускать такую возможность нельзя было никак. Этот день остался в памяти как праздник невероятной красоты...

И.Варкентин после приема был вне себя. Это было естественно: поездка, в которую было вложено столько сил, времени и переживаний, заканчивалась безрезультатно, да еще и таким серьезным «проколом». И если еще учесть, что он сам по себе человек крайних эмоций, находящийся в постоянном напряжении и готовый взорваться по малейшему поводу, причем вдобавок довольно мнительный, и что его реакции доходят нередко до исступления, - было даже хорошо, что после приема мы все расстались и что впереди был выходной день: Варкентин ушел куда-то в гости, вечером не вернулся, и утром мы выписались из гостиницы и поехали уже с вещами в редакцию. Он тоже приехал туда. По его виду можно было заключить, что ни выходной, ни пребывание в гостях его не разрядили, и взрыв неминуем.

Собственно, переживали все: пора уезжать, и каждый ясно представлял себе реакцию на такие итоги тех, кто ждал нашего возвращения. Это ведь и удар по всем надеждам, по дальнейшим усилиям. И так как у победы много отцов, а поражение всегда сирота, то естественно, что в таких случаях не только никто не признаёт виновником неудачи себя, а мало кто удержится от того, чтобы не увидеть несомненных виновников в других...

Р.Кельн, когда все собрались, спросил: что будем делать? Классический в российской истории вопрос был и для нас основной.

Решили еще раз позвонить в ЦК, в Президиум Верховного Совета и после обеда очередной группе пойти в Президиум.

Сидевший всё время молча, мрачный И.Варкентин наконец не выдержал: он встал и, всё больше теряя самообладание, резко стал говорить обо всём, что произошло. «Я обвиняю!» - с этих слов он начинал каждый свой пассаж: и о «прописке», и о «курытниках», и о стремлении “Наам” («домой»), и о забвении главного, о предательстве дела республики. «Я обвиняю!», «Я обвиняю!» - звучало уже на грани истерики среди гнетущей тишины.

Надо сказать, что И.Варкентина уважали многие. Он был самым образованным не только из нас, но, пожалуй, один из самых образованных вообще из советских немцев; во всяком случае, он был лучшим знатоком немецкого языка, владел английским (читал позже лекции по Шекспиру), знал французский, церковнославянский, преподавал когда-то в мединституте латынь, прекрасно владел своим родным «платдойч», что было близко к голландскому (он даже по паспорту был голландец, что позже в Союзе писателей Казахстана отмечалось с гордостью: у нас такой многонациональный Союз, есть даже один голландец!). И он хорошо был знаком не только с немецкой и русской, но и с мировой литературой.

Вряд ли кто из слушавших теперь его филиппику знал, что рефреном повторяющееся «Я обвиняю!» взято у Эмиля Золя, из его известного памфлета-протеста против знаменитого дела Дрейфуса».

Лексические, литературные, смысловые ассоциации вообще имеют большое значение не только в языке и творчестве И.Варкентина, но и в его поведении, в его жизни – об этом обязательно надо помнить будущим исследователям жизни и творчества этого незаурядного человека, который немало сделал в своей жизни, но мог бы сделать гораздо больше хорошего и избежать причинения многих обид и несправедливостей другим, если

бы имел иной характер. При этом он мог быть и бесконечно добрым и милым и буквально растворяться в заботе о других...

Как секретарь, я записывал и это выступление. Через некоторое время Г.Михель возмутился и сказал, что *такое* нам записывать не надо. И вообще - по какому праву здесь кто-то взял на себя роль обвинителя?

Варкентин, с бледными от ненависти глазами, прервался, выхватил у меня лист бумаги, изорвал его, бросил опять на стол и продолжал. Я собрал клочки и положил в карман, но было решено, что и эти клочки должны быть уничтожены, чтобы нельзя было по ним восстановить выступление.

После Варкентина встал наш старый, с совершенной белой головой, Кельн, по-крестьянски мудрый и добрый, несмотря на пережитые 20 лет лагерей, и произнес:

- Мы думаем, что Иван Абрамович сказал всё это сгоряча, от боли. Примем это к сведению. Предлагаю: по этому вопросу – о наших разногласиях – дискуссию не открывать.

Так всем нам был преподан хороший урок того, как подняться над эмоциями и думать о пользе общего дела.

Закончили мы наше последнее совместное заседание тем, что твердо договорились: остающиеся в Москве никаких изменений в совместно выработанные документы не вносят, в своих действиях соблюдают выработанные положения и принципы, и оперативно информируют уехавших о происходящем.

Мы сфотографировались еще с работниками редакции, потом отдельно делегацией. А после обеда Г.Михель позвонил в ЦК и в Президиум ВС и сказал нам, что наше письмо туда еще не поступило.

В седьмом часу вечера мы, алма-атинская группа, поехали в аэропорт. Когда добрались, заканчивалась уже посадка в самолет, и нам пришлось бегом бежать по летному полю (в те времена это еще было возможно), чтобы успеть...

13 января вечером мы получили в Алма-Ате телеграмму от Р.Кельна, что делегация была 12-го утром принята Микояном. Варкентин позвонил в Москву М.Фогель, и та сказала, что о приеме стало известно еще 11-го, что Д.Гольмана, который тоже уезжал в этот вечер, еще успели задержать, нас нет. На приеме был поставлен вопрос о восстановлении автономной республики на Волге, и Микоян ответил: нельзя, там всё заселено. Тогда был поднят вопрос о прописке на Волге, Микоян обещал разрешить, и все были обрадованы.

Еще она передала, что перед приемом ей коллегами было сказано: в случае несогласия с действиями группы – молчать. Тут чувствовались уже методы Г.Кайзера.

Мы были в отчаянии: свершилось то, чего мы так опасались и против чего Варкентин так резко на прощание выступал – вместо республики прописка! Мы решили: отправить А.Микояну телеграмму с просьбой еще раз рассмотреть вопрос о восстановлении государственности, т.к. он остался нерешенным; и еще мы решили обратиться к Д.Кунаеву – первому секретарю ЦК КП Казахстана, с предложением, чтобы он, если нельзя восстановить республику на Волге, поднял вопрос о создании такой республики в Казахстане, где проживает около миллиона немцев, - мотивируя это экономическими интересами Казахстана. Телеграмма А.Микояну – 90 слов – была на следующий день отправлена.

Варкентин позвонил о приеме у Кунаева его помощнику, и тот попросил представить ему сначала документы, которые делегация выработала в Москве, что и было

на другой день сделано. Вскоре нам сказали, что прием ожидается 19 января, однако, забегая вперед, скажу, что он после нескольких переносов так и не состоялся.

Между тем пришли письма от участников встречи с Микояном, первое – от Г.Михеля, который по договоренности должен был после моего отъезда вести Хронику работы делегации дальше. Он описал встречу так (привожу его письмо полностью, потому что до сих пор нигде отчета об этой первой в истории встрече советских немцев с одним из руководителей государства не публиковалось, а она была очень важной, даже по своим отрицательным итогам).

«В 9 часов вечера (11 января, т.е. в день нашего отъезда. – Г.В.) из приемной Президиума Верховного Совета позвонили в Ярославскую гостиницу, но из-за вашего отъезда им пришлось позвонить в гостиницу «Заря». Нам сказали, что 12 января мы все должны быть в 9 час. 30 мин. в приемной».

Тут сразу возникают вопросы. Во-первых, откуда оставшимся стало известно, что звонили в гостиницу «Ярославская», где останавливались только мы, алма-атинцы, и где мы выписались еще утром этого дня? Во-вторых, трудно себе представить, чтобы встречу главы государства, тем более с приезжими, проживающими в гостиницах, готовили таким образом: вечером в 9 часов из приемной Президиума Верховного Совета страны начинают разыскивать по гостиницам тех, с кем глава государства рано утром назначил встречу. То есть после всего, что произошло, у нас возникли довольно сильные подозрения, что нас просто «кинули», говоря сегодняшним языком, и слова М.Фогель о том, что о приеме было уже известно 11-го, никак не означали 11-го поздно вечером. Не исключено, что информация была получена еще днем, в рабочее время, но после выступления И.Варкентина решили не задерживать нас, чтобы на встрече добиться если не восстановления республики на Волге, то хотя бы снятия там запрета на пропуск. Подтвердятся ли наши подозрения? Ведь от этого будет зависеть очень многое для всех наших дальнейших действий.

Но далее по Михелю:

«12 января в 9.30 мы были в приемной Президиума Верховного Совета СССР. Нас немедленно принял тов. Скляр М.П., переписал присутствующих и выслушал наши заявления и просьбы. В 11.10 мы были в приемной А.И.Микояна в Кремле. Встретил он нас очень вежливо и спросил, кто будет говорить? Говорил Михель, который от имени всей группы поблагодарил ЦК, Президиум Верховного Совета СССР и Советское Правительство за политическую реабилитацию и попросил от имени присутствующих и всех советских немцев выслушать наши предложения по полной реабилитации и восстановлению автономной республики советских немцев».

Обратим внимание: не АССР НП, а **автономной республики советских немцев**, т.е. вопрос ставили так, как ставила его алма-атинская группа и как мы все договорились его ставить. Действительно ли это было соблюдением наших договоренностей, или так писалось только для нас – об этом мы могли только гадать.

«Ответ А(настаса) И(вановича): Вопрос естественный и сложный. При существовании немецкой республики в ней было 350 тысяч немцев. На Украине тоже жили немцы. Собрать их и создать автономию практически невозможно. Можно сохранить немецкую культуру для тех, кто хочет (!!)-ГВ). Территория Немреспублики заселена, также как и территория крымских татар. Можно создать немецкие средние школы, выпускать литературу на немецком языке, брать литературу из ГДР. Ваш язык изучается почти во всех школах».

Тогда в советских школах действительно изучался, как правило, немецкий язык – но как иностранный, и далеко не всегда именно там, где учились немецкие дети. Пример из событий через пару лет: в газете «Фройндшафт», созданной для советских немцев в

Казахстане как один из итогов делегаций, была опубликована статья под многоговорящим заголовком: “Warum lernt Peter Französisch?” о том, что в немецком селе даже иностранным языком ввели очень редкий тогда в школах СССР французский. Газета тут же получила серьезнейший нагоняй, а автору – единственному русскому соббору, причем, как позже выяснилось, бывшему сотруднику КГБ, пришлось вскоре уйти...

«Борнеман К.К.: Мы ставим вопрос о национальной государственности. О восстановлении республики советских немцев (Опять в полном соответствии с договоренностью! – Г.В.). Чем объясняется снятие обвинения, не снимая наказания? (Я стараюсь максимально соблюдать идентичность текста, поэтому стиля не трогаю. – Г.В.). До сих пор нет прописки советских немцев в местах, где они жили до выселения. (Вот так быстро и перешел вопрос с республики на прописку! – Г.В.). Указ от 29 авг. 1964 г. держат в секрете; какая же цена такому указу? Разве другие народы Советского Союза не должны знать правду о советских немцах?»

Микоян А.И.: А разве Указ не опубликован в немецкой газете? Опубликуем. Насчет прописки можно вопрос решить. Восстановить автономию не можем.

Кёльн Р.Р.: Имеем ли мы право на автономное самоуправление?

Микоян А.И.: У вас нет территории.

Кёльн Р.Р.: Находятся теоретики, которые утверждают, что мы не имеем государственности лишь потому, что наше национальное большинство находится за границей. (Микоян взял из его рук текст, прочел, велел своему помощнику немедленно найти книгу Подъячих и сказал, что это несправедливо и глупо). В учебнике истории за 9-ый класс под редакцией проф. Панкратовой двадцать лет преподносилось молодому поколению в багаж жизни, что немцы Поволжья были наиболее зажиточной частью населения, враждебно относившейся к русскому народу. Всё это делалось для дискриминации советских немцев.

Микоян А.И.: Всё это надо исправить. (Можно представить себе удовлетворенность Микояна развитием разговора в таком направлении! – Г.В.).

Дельва Н.А. – поблагодарил за политическую реабилитацию, но выразил сожаление, что нет советско-немецких школ, издательства, немецких газет и т.д. За 23 года издана только одна книга. Исчезает национальная культура, для ее сохранения необходима автономия.

Микоян А.И.: Мы можем организовать издание книг, брать также книги в ГДР. (Как легко снимаются «аргументы» за восстановление автономии! И причем здесь книги из ГДР, когда речь идет о литературе советских немцев?! – Г.В.).

Кайзер Г.Ф.: Замалчивание существования советских немцев и их дискриминация отражены даже в Большой Советской Энциклопедии, т.50, 1957 год. Там указаны все национальности СССР – на этнографической карте народностей СССР, указаны их издания на национальных языках. Советских немцев нет там нигде.

В печати совершенно не используется термин «советские немцы», о них не пишут вообще. Сохранение Указа 1964 г. в секрете ничего не меняет, его необходимо опубликовать в русских газетах.

Микоян А.И.: Указ будет опубликован в немецкой газете. В центральных будет дан в изложении.

Кайзер Г.Ф.: Создание школ для детей советских немцев при существующей разбросанности проживания немецкого населения практически невозможно. А значит, надо восстановить автономную республику советских немцев.

(И здесь тоже говорится не об АССР НП, а о республике советских немцев, причем это говорит Кайзер - самый, пожалуй, твердокаменный сторонник только Волги. Можно только радоваться? – Г.В.).

Микоян А.И.: Восстановить автономию не можем (В четвертый раз за несколько минут! – Г.В.). Поручу Верховному Совету РСФСР разработать мероприятия по снятию всех ограничений, в том числе в прописке советских немцев в местах их жительства до выселения. Немцы во время войны вели себя хорошо, хорошо трудились, честно трудятся и в настоящее время, мы их заслуженно награждаем. Очень редко рассматриваются дела о преступлениях советских немцев, а преступлений у нас еще очень много.

Товарищи, у меня в 12 часов заседание, до свидания».

Приписка Г.Михеля:

«Беседа длилась 40 минут – с 11.10 до 11.50. Заведующий приемной тов. Скляр М.П., прощаясь с нами, пожал каждому руку и сказал, что в случае плохого отношения к вам на местах пишете на мое имя, я доложу Анастасу Ивановичу.

13 января тов. Кёльн предложил написать письмо А.И.Микояну перед отъездом, см. приложение. Михель звонил в ЦК тов. Цуканову, переданный ему материал он получил, но тов. Брежнев в известность еще не поставил, обещал доложить».

Перед отъездом нам заявил тов. Пшеницин (главный редактор «Нойес лебен». – Г.В.), что получил разрешение ЦК напечатать Указ. «Ваши труды дают всходы» – его слова.

Очень сожалею, что Вы так легко разочаровались и уехали».

Вот такой отчет о приеме был нам прислан Г.Михелем. Последние же его слова нас просто потрясли: оказывается, мы *«разочаровались»* и потому уехали! Было ли это и мнение других? Или это было продолжение реакции на выступление Варкентина, стремление уязвить вдогонку? Или это надо было воспринимать как нескрываемую гордость принятых – они, независимо от результата, *были у Микояна!*

Но впереди нас ждало еще много сюрпризов...

Пришло письмо от еще одного участника встречи, писателя Доминика Гольмана. Он писал (даю текст в переводе, т.к. письмо – от 12 января, т.е. сразу после приема, напечатанное на машинке, видимо, прямо в редакции «Нойес лебен», - написано по-немецки):

«Еще в понедельник мне позвонили по поручению Склярова и пригласили нас к половине десятого во вторник утром к Склярову. Я переоформил свой авиабилет на вечер 12-го и остался».

(Отсюда следует, что позвонить никак не могли в 9 вечера, как писал Г.Михель, потому что до аэропорта надо было добираться от гостиницы минимум 3 часа, а там надо было быть на регистрации за 2 часа до вылета, и даже если предположить, что самолет вылетал в 23.59, надо было в 19.00 уже ловить такси. А тут Д.Гольман успел еще съездить и заблаговременно поменять билет, что перед вылетом делалось тогда не в городе, а только в аэропорту. Значит, звонок был еще днем, и кто-то кроме Д.Гольмана, уже занятого обменом билета, об этом тоже знал. Так предположение, которое мучило нас тогда, почти неопровержимо усиливается сегодня, через 40 лет, после прочтения тогдашних писем не в разное время, а вместе. – Г.В.).

Со Скляровым мы говорили опять минут 40-50. Все высказывания стенографировались. Скляр хотел услышать о конкретных случаях дискриминации: где

запрещали выступления художественной самодеятельности, где нет немецких школ или плохо преподается немецкий язык как родной, где плохое отношение к немцам. Был приведен ряд фактов. Я выступил с довольно продолжительным высказыванием, которое должно было сконцентрировать внимание на принципиальных вопросах. Думаю, вы были бы довольны, если бы тоже были там. Потом все пошло в Кремль к Микояну.

Здесь говорили тоже откровенно. Но и здесь довольно много говорилось о дискриминации, запрете на возвращение, а главный вопрос, хотя и был ясно высказан, стоял не на первом плане. Выступили Борнеман, Кёльн, Дельва; Кайзер то и дело встречал своим твяканьем, потом тоже выступил. Микоян уже сказал, что встреча закончена, но возник еще Михель: «Позвольте мне еще пару минут!», а потом и Кайзер: «И мне две минутки!». Так до меня очередь и не дошла.

Главное, что сказал Микоян: немцы хорошие работники, по статистике у них низок процент преступности. В сфере советско-немецкой культуры будут приняты определенные меры. «О пропуске в Саратовской области мы подумаем, если вы утверждаете, что там требуется рабочая сила». Я привожу эти слова дословно, потому что он сказал не «Об отмене Указа от 13.12.1955», а «О пропуске...».

Указ 1964 года должен быть опубликован в «Нойес лебен» и о нем должно быть сказано в русских центральных газетах. Республику в настоящее время восстановить нельзя - нет реальных возможностей. Немцы живут очень рассредоточенно – невозможно создать Автономию.

Кёльн попытался среди прочего упомянуть про народы малой численности. В конце концов вопрос был поставлен прямо: имеем ли мы как народ право на административную автономию? Микоян: у вас нет территории, вы проживаете рассредоточенно. Нет возможности. Всё!

Товарищи из «Нойес лебен», тем не менее, нас поздравляли «с большим успехом». Потому что прием у Микояна – это всё-таки исключительный случай. Вообще нужно оценивать нашу работу в Москве в целом как успех. Нужно бороться дальше.

Меня гложет мысль, что раскол между «левыми» и «правыми» не был преодолен до конца. В обеих группах царит определенное недоверие друг к другу.

Никто (у Микояна) даже не сделал намека на то, что Автономию можно бы создать в другом месте.

Мария Фогель тоже была со всеми у Микояна.

Извините, что я изложил всё так вперемешку. Спешу в аэропорт.

С сердечным приветом Д.Гольман».

Это письмо также очень важно, особенно сегодня, когда участников той встречи, кроме Г.Михеля, никого не осталось в живых. Оно в основном подтвердило написанное Михелем по содержанию встречи и опровергло написанное им по сути требований и по акцентам: говорили всё же в основном не о восстановлении республики, и совсем не говорили о восстановлении республики советских немцев в принципе, без жесткой привязки к Волге. Позже написанное Гольманом подтвердили также письма Борнемана, Кёльна и других участников встречи. Значит, Михель преднамеренно вводил нас в заблуждение?

Для дальнейших взаимоотношений в движении эта неверность договоренностям и неискренность в описании встречи имели очень негативное значение.

Несколько позже Кёльн также сообщил, что делегация после приёма решила направить ещё письмо Микояну, где выразить своё отношение к сказанному им. Текст этого письма также никогда нигде не публиковался, и неизвестно, существует ли он ещё у кого-нибудь, поэтому привожу его полностью.

**«Председателю Президиума Верховного Совета СССР,
члену Президиума ЦК КПСС**

тов. Микояну Анастасу Ивановичу

*от группы коммунистов и беспартийных,
беседовавших с Вами 12 января 1965 года
о восстановлении немецко-советской
автономной республики.*

Уважаемый Анастас Иванович!

Мы уезжаем из Москвы с чувством глубокой благодарности за то, что Вы, руководитель советского государства, нашли время и возможность принять нас – представителей советско-немецкого населения, по всем вопросам, которые так глубоко волнуют всех советских граждан немецкой национальности.

По приезду на места мы расскажем простым труженикам города и села об этой встрече, являющейся проявлением ленинских партийных и государственных норм.

Наша встреча и беседа с Вами вольёт в души советских немцев чувство признательности и послужит дальнейшему подъёму их трудовой активности.

Нас особенно радует, дорогой Анастас Иванович, что Вы самым решительным и категорическим образом сказали нам, что все ограничения, которые противоречат Советской Конституции, противоречат самому духу марксистско-ленинской национальной политики, оскорбляют и обижают многих людей, - будут отменены. Ведь действительно создаётся нелепое положение: на Волгу может приехать немец, высланный с Украины, а на Украину может приехать волжанин, а если вдруг приехал волжский немец на Волгу, его высылают в 24 часа как преступника. Надо, чтобы советские немцы пользовались всеми правами нашей Конституции, чтобы волжский немец мог вернуться на Волгу, в своё родное место, украинский немец – на Украину, кавказский – на Кавказ и т.д.

Вы правильно сказали, что такое положение дальше существовать не должно. Мы просим, чтобы все ограничения были сняты как можно скорее. Мы твёрдо уверены, что никаких имущественных претензий и никаких трудностей в связи с этим не возникает.

Дорогой Анастас Иванович!

Мы много думали над Вашими словами по главному вопросу – о национальной государственности советских немцев.

Марксистско-ленинская теория требует предоставления всех возможностей для всестороннего развития всех национальностей и национальных групп. В нашей стране все национальные группы, даже малые, такую возможность имеют. Не имеем её только мы – советские немцы.

Созданная Лениным республика немцев Поволжья самим своим существованием и успехами доказала правильность и жизненность марксистско-ленинского учения по национальному вопросу.

В своё время огульно и без основания нас обвинили, республику ликвидировали, сложившийся партийный и советский актив уничтожили и распылили. Сейчас признано, что всё это было сделано неправильно. Обвинения сняты. Советские немцы политически реабилитированы. Преступления перед своей Родиной советские немцы не совершили, а наказание осталось: республика не восстановлена и ограничения остались.

Это противоречит марксистско-ленинской национальной политике. Основная причина, мешающая восстановлению национальной государственности – отсутствие территории, но ведь она была и остаётся (кстати, эта территория до сих пор полностью не освоена из-за отсутствия рабочих рук, а сёла наполовину пустуют).

Восстановление национальной государственности советских немцев является единственно правильным путём решения вопроса в духе марксистско-ленинской теории и практики. Это было бы значительным вкладом в укрепление дружбы и братства всех советских народов, а незначительные материальные затраты с лихвой окупились бы в самые короткие сроки.

Мы, советские немцы, работать умеем честно и по-коммунистически, и в кратчайший срок в нашей республике зацветут поля и сады, задымятся трубы новых заводов. Это будет вдохновенный труд, славящий нашу родную коммунистическую партию и правительство за заботу о простых советско-немецких тружениках.

Москва, 14 января 1965 г.

Подписи: Борнеман, Кёльн, Кайзер, Бруг, Михель, Дельва, Гольман, Шнейдер, Фогель.»

Это письмо и сегодня вызывает противоречивые чувства, а тогда, прочитав его, будущий руководитель 2-ой делегации Ф.Шесслер якобы написал на нём: «Предательство и подхалимаж!». Но Шесслер был за лозунг «Волга или вечная ссылка!», поэтому «предательство» он мог увидеть в том, что в письме ни разу не требуется восстановление АССР НП, а говорится только о национальной государственности, о немецко-советской автономии и просто о республике.

У нас же после отчета Михеля и письма Гольмана не мог не возникнуть вопрос: действительно ли в письме Микояну было написано так, в духе наших договорённостей, или это опять вариант, написанный только для нас?

Что касается тона письма, то он на самом деле неадекватен итогам встречи. Было ли это вызвано всплеском коллективных эмоций от всё же состоявшегося приёма на таком уровне после глубочайших разочарований накануне? Или это было стремление приподнять такой восторженной реакцией результаты встречи?

Вряд ли можно предположить, что это была дальновидная политика: прикинуться восторженными благодарными простачками, чтобы исключить настороженность властей на будущее и обеспечить максимально благоприятные условия для приёма других делегаций. Предположить это трудно, однако сформироваться такое мнение у властей в определенной степени могло, что можно отметить по работе второй делегации.

По-разному можно оценивать итоги работы первой делегации, и при желании можно найти немало моментов для критики. Однако если подняться над второстепенным, то итоги эти предстанут очень важными.

Во-первых, сам факт приема имел большое значение и для советских немцев, и для властей на местах. Он говорил о том, что нашу проблему и наши инициативы не могут просто так игнорировать.

Во-вторых, даже сегодня вызывает удивление, как небольшой группе, впервые за 23 года поднимавшей такой острый вопрос, удалось за такой короткий срок да еще в такое неудобное новогоднее время добиться приема практически на высшем уровне.

В-третьих, нам было отказано в восстановлении республики не потому, что вообще не допускали об этом речи, а потому, что считали территорию бывшей АССР НП заселенной. Отсюда следовало три вывода:

а) если мы докажем, что территория не заселена, то республика может быть восстановлена;

б) если не получится волжский вариант, то есть надежды на восстановление государственности в другом месте;

в) впервые после многих лет репрессий, спецкомендатуры и дискриминации, власти вели с советскими немцами диалог на уровне аргументов.

В-четвёртых, хотя этой первой, маленькой, слабо подготовленной делегации и отказали по неубедительным аргументам в восстановлении республики, ей всё же обещали снятие запрета на прописку, открытие немецких школ, издательств, устранение всяческих ограничений и нарушений, готовность рассматривать различные обращения, а также публикацию важного Указа. Значит, если собрать делегацию побольше, подготовить ее получше, если наши аргументы сделать более неопровержимыми, то мы добьемся большего?

И в-пятых: делегатам на прямо поставленный вопрос дали и прямой ответ: преследований за участие в поездке не будет. А это означало, что у многих будущих активистов страхи и опасения будут сняты, и вторая делегация сможет быть не только более многочисленной, но и действовать смелее, уверенней.

В этом плане всё выглядело довольно неплохо. Значительно хуже было с единством в только-только зарождающемся национальном движении: удастся ли преодолеть принципиальные расхождения в постановке целей?

Как бы то ни было, после первой делегации многое прояснилось. Появилась, казалось, вполне обоснованная надежда, зовущая к действию. Как разведка боем, первая делегация позволила перейти от сомнений и предположений к разработке и выполнению плана главного сражения.

В завершение разговора о первой делегации приведу еще один документ. Дело в том, что перед отъездом мы должны были, естественно, собраться на наше последнее совместное заседание, которое и состоялось 11 января. Накануне вечером оно мне виделось как откровенный обмен мнениями о сделанном и о возникших вопросах. Поэтому я подготовил текст своего выступления, исходя из того, что Варкентин может не прийти и на это заседание, а от нашей группы кто-то должен был выступить. Однако Варкентин пришел, и после его выступления нормальное обсуждение было уже исключено. Так что текст остался неозвученным, и любопытно посмотреть теперь на него из сегодняшнего дня.

«Наша совместная работа заканчивается. Позвольте высказать несколько соображений по сделанной нами работе. Думаю, сегодня необходимо ещё раз сказать и о наших разногласиях, чтобы они не повторились впредь у тех, кто пойдет дальше нас.

У нас в делегации фактически сложились две группы.

***Первая** выдвинула требования: отмена всех указов; снятие для немцев Поволжья запрета на прописку; восстановление республики немцев Поволжья.*

***Вторая** выдвинула одно требование: восстановление республики. И два условия: республика не только для немцев Поволжья, а для всех советских немцев; и если республику невозможно будет восстановить на Волге, то сделать это в другом подходящем месте.*

Как можно оценить все эти требования?

Сначала о первых.

Вопросы снятия ограничений, содержащихся в указах, в том числе и вопрос об отмене запрета на прописку, автоматически решаются при восстановлении республики, поэтому их не надо ставить как отдельные вопросы, причем наравне с главным – о восстановлении автономии. Здесь возникает большая опасность. Правительство может рассудить так: если разрешение на прописку для них равноценно автономии, то давайте дадим это разрешение.

Что тогда получится? Ведь на Волгу поедут не все, а лишь часть немцев Поволжья. Произойдет дополнительное распыление немцев по стране. А главного – автономии, у нас так и не будет. То есть мы сами поставим крест на ней.

Дальше. Можем ли мы требовать автономию только для немцев Поволжья? Думаю, это будет несправедливо по отношению ко всем другим советским немцам. Чем они хуже немцев Поволжья? Разве им меньше досталось невзгод? Разве им легче жилось все эти годы? Разве они не потеряли тоже всё, что имели? Разве они не умирали тысячами в трудармии, как и немцы Поволжья? Разве они не хотят сохранить свой язык, возродить свою культуру, иметь те же права, что и все граждане Советского Союза? Их судьба, их жизнь, их стремления те же, что и у немцев Поволжья. Поэтому требовать республику только для немцев Поволжья по меньшей мере нечестно.

И, наконец, формальный момент: нельзя требовать просто отмены всех указов. Потому что каждый указ содержит и положительную часть. Например, Указ 1955 года отменяет ограничения в правовом положении немцев, в частности, спецкомендатуру. Мы же не хотим возвращения комендантского надзора? Значит, речь должна идти не о полной отмене указов, а об отмене ограничений, содержащихся в указах.

Не буду говорить о требованиях, выдвинутых второй группой. То, что вы согласились с ними и признали их единственно правильными для решения разом всех наболевших вопросов – лучшая их оценка.

Но признать разумом правильность мнения другого – легче, чем признать сердцем. Да, каждому человеку дорого то место, где он родился, тот дом, в котором он вырос. У кого не дрогнет сердце при виде их? Тем более после 23 лет унижений и оскорблений, ограничений в элементарных правах, узаконенного презрения и ненависти со стороны других? После 23 лет надежд на возвращение, надежд на то, что возвращение домой означает и возвращение в прежнюю жизнь?

Но мы должны пересилить своё сердце. Мы должны ясно понимать, что нам нужен не наш развалившийся домик, чтобы замкнуться в нём, не наш старый хлев, чтобы загнать туда корову, а возможность для возрождения и развития нашей

национальной культуры, родного языка, нам нужно, чтобы нас признали равноправными гражданами страны. А всё это возможно только в автономной республике.

Вот почему первым и **единственным** нашим требованием должно быть требование автономной республики. **Единственным!** Так как все дополнительные требования только осложняют и отдаляют решение этого вопроса, а иногда делают его практически невозможным, как, например, требование возврата конфискованного 23 года назад имущества...

Мы собрались здесь впервые. Поэтому у нас ушло много времени на выработку единого мнения и подготовку основных наших документов. Какие общие недостатки можно отметить в организации нашей поездки?

1. Плохая подготовка к поездке на местах: некоторые вопросы, которые пришлось решать здесь, можно было решить до приезда в Москву.
2. Отсутствие тесной связи между членами группы до поездки.
3. Слабая материальная обеспеченность нашей поездки.
4. Неподготовленность для длительного пребывания в Москве.
5. Отсутствие достаточно массовой работы среди советских немцев.

Мы собрались по такому важному вопросу впервые за годы нашего унижительного положения. Но мы убедились в том, что за эти чёрные для нас годы мы не потеряли любви к своему народу, нас не смогли лишить национальной гордости и человеческого достоинства. Тот, кто унижает других – унижает себя. И мы с глубокой горечью должны констатировать, что заветы великого Ленина, нарушенные в период культа личности, еще не являются обязательными и для нынешнего Центрального Комитета КПСС, для нынешнего Правительства. И это, конечно, не делает чести ни Правительству, ни тем более ЦК КПСС как высшему партийному органу, обязанному проводить в жизнь положения именно ленинской политики.

Наша заслуга в том, что мы пришли к единому мнению о необходимости выдвинуть на первый план требование **республики, а не снятие запретов на пропуск и другие требования.**

Наша заслуга в том, что мы выдвинули главным требованием **восстановление республики, а не место её восстановления.**

Мы договорились, что будущая республика должна быть для **всех советских немцев, а не одних немцев Поволжья.**

Мы выработали все **основные документы**, необходимые для этого вопроса, и думаю, мы их выработали правильно, сумев подняться выше личных желаний и интересов. Тот, кто возьмётся теперь за это дело, будет иметь ясную программу действий. Ему не нужно будет начинать всё сначала; ему нужно будет только добиваться осуществления наших требований.

Мы хорошо понимаем, что известие об отъезде нашей группы из Москвы с болью в сердце будет воспринято советскими немцами. Понимаем также, что наша неудача пригасит поднимающуюся волну надежд и деморализует многих. Но мы не можем сделать иначе, у нас нет пока нужной организации дела.

И вряд ли кто может упрекнуть нас в боязни, бездействии или нерешительности. Вряд ли кто может упрекнуть нас в отсутствии преданности делу. Если бы мы могли добиться республики ценой нашей жизни, она бы у нас была уже сегодня...»

Можно только гадать о том, как повернулись бы события, если бы на нашем последнем заседании состоялся спокойный разговор о деле, а не взрыв нетерпимости к коллегам, отстаивавшим общие интересы так, как они их понимали и как умели. Может быть, нам удалось бы остаться всем в рамках диалога и избежать резкого раскола перед подготовкой второй делегации. Может быть, удалось бы сохранить, после отказа в восстановлении автономии на Волге, и другой, неволжский, вариант для официального рассмотрения. (Сторонники лозунга «Волга или вечная ссылка» обвиняли тех, кто считал главным не место восстановления республики, а саму республику, в том, что они - за республику «irgendwo», т.е. где-нибудь; в ответ они слышали, что их лозунг может привести к тому, что республики не будет «nirgendwo», т.е. нигде, что и произошло потом.) Но получилось то, что получилось: нетерпимость, возможно, и не всегда вредит, но вряд ли когда помогает...

Еще один момент. Несколько лет назад участник первой делегации Г.Михель (во второй делегации он не участвовал), давно живущий в Германии, выступил с воспоминаниями о первой делегации в журнале Землячества немцев из России «Volk auf dem Weg». Там он, в частности, пишет о том, какие страхи испытывал он сам во время этой поездки и, по его мнению, другие члены делегации, особенно после отъезда нашей алма-атинской группы. И вновь высказывает предположение, как и в своём отчете о приёме у Микояна, что алмаатинцы уехали, испугавшись.

Публикация вызвала резкий протест И.Варкентина, который, кстати, немало способствовал как раз утверждению принципиальности и стойкости членов делегации – и своим личным примером, и позицией.

Я тоже откликнулся тогда на эту публикацию, следующим письмом.

«Они были высоким примером»

Спасибо редакции “Volk auf dem Weg” и Георгу Михелю за публикацию “Selbstkritische Rückblicke...” о первой делегации советских немцев. Рад был узнать, что автор – жив, и что он сегодня не в Киргизии; грустно, что и он давно в Германии; видимо, на территории бывшего СССР я остался из участников тех событий один...

Воспоминания показывают сложную атмосферу того времени, в которой приходилось начинать нашу борьбу. Кто тогда мог предположить, что ее придется вести еще долго, по сегодняшний день!

Я бесконечно благодарен моим тогдашним старшим коллегам за мужество, чувство ответственности за судьбу народа и готовность идти до конца. Все они прошли через тяжелейшие репрессии, через трудармию и спецкомендатуру, а некоторые – и через тюрьмы и лагеря (Р. Кельн и в редакции «Нойес Лебен», где работала делегация, ходил по коридору, привычно держа руки за спину). Они показали нам пример, который сыграл большую роль и во второй делегации в том же 1965-м, и в делегациях 1988 г., и вообще в движении российских немцев.

Вспоминая о прошлом, тем более о таких полуподпольных акциях, трудно избежать субъективности. Потому что каждый свое личное отношение к происходящему носил в основном в себе: обсуждалось только общее, главное. И потому, что опасность заставляла всех быть осторожными, недоверчивыми, подозрительными. А так как лишь у победы много отцов, поражение же всегда сирота, то после неудач в 1965 г. немало было взаимных обвинений. Видимо, в тех обстоятельствах это было неизбежно. Однако сегодня, думаю, надо быть очень осторожными в критике тогдашних действий и позиций других.

Да, нас кое-что разделяло: одни считали, что главное – **республика**, другие что главное – республика **на Волге**, но мы сошлись на первом варианте. Было еще одно расхождение: одни считали, что разговор с властями должен идти только о республике, другие готовы были удовлетвориться для начала снятием ограничений в прописке. И опять мы договорились принять первый вариант. То есть мы все исходили из интересов единства и требований по максимуму.

Для меня члены делегации, тем более старшего поколения, были людьми, знавшими, на что они пошли, т.е. готовыми, если надо, пожертвовать собой ради будущего своего народа. Я полагал естественным долгом, если не потребностью, эту готовность к самопожертвованию и у нас, более молодых. Во всяком случае, когда летом того же года и вторая наша делегация не добилась решения вопроса, я серьезно подумывал о том, чтобы сжечь себя на Красной площади перед Кремлем (несколько таких акций было тогда в Юго-Восточной Азии), чтобы таким способом привлечь к нашей проблеме внимание и мировой общественности...»

(Уже после отправки письма, разбирая записные книжки тех лет, я в одной из них обнаружил среди прочих набросков и мыслей такой стихотворный фрагмент:

«...Себя у стен кремлевских сжечь,
вниманье мира чтоб привлечь
к судьбе народа...»

Но далее:)

«...При этом я был уверен, что сделать это готов каждый из членов делегации; мой долг лишь в том, чтобы взять это на себя как наименее ценному для нашего движения.

Знаю, что и позже, в конце 1980-х гг., когда мы были очень близки к восстановлению автономии, среди нас было немало людей, готовых, если надо, отдать за это свою жизнь. Убежден, они есть и сейчас.

Поэтому для меня было совершенно неожиданным предположение автора о том, что группа членов делегации уехала, испугавшись. Особенно алогично предположить такое в отношении Иоганна Варкентина, широко известного и своими прежними отчаянными попытками в этой сфере, и своей принципиальностью, и мужеством, и большим личным вкладом в подготовку и осуществление идеи делегации.

Всё объяснялось просто. И. Варкентин об этом и пишет: мы, группа из Алма-Аты, а также Отто Гертель из Фрунзе, были все преподавателями; 11 января заканчивались зимние каникулы, к которым и была приурочена поездка делегации в Москву – иначе не смогли бы поехать; и вечером этого дня, не зная, будет ли наша делегация кем-то принята, мы вынуждены были улететь. Если бы знали о приеме – пожертвовали бы и работой...

Горько сегодня узнать и то, что на приеме наши коллеги без нас говорили, оказывается, всё же не столько о восстановлении республики, сколько о прописке и прочих второстепенных вопросах. Но не будем судить их за это: вернуться «домой» означало тогда для многих чуть ли не главное, а идея восстановления автономии явочным порядком была жива у нас и в начале 1990-х гг.

Считаю, что Г.Михель поступил очень мужественно, признавшись сегодня в собственных тогдашних опасениях и страхах после нашего отъезда, и в опасениях остальных членов делегации. Это показывает, какой психологический груз испытывали на себе люди, и еще больше возвышает их в наших глазах, ибо они сумели преодолеть все опасения и страхи ради будущего своего народа. Об этом должны знать российские немцы.

Так что еще раз большое спасибо и редакции, и автору за эти воспоминания.

PS: Хотел бы только отметить, кроме гипертрофированного, часто по мелочам, и потому выглядящего нередко показным, «антисоветизма», характерного для многих перебравшихся в Германию авторов (недосягаемая вершина здесь – Рейнгольд Кайль), - некоторые допущенные в публикации неточности, которые можно исправить в дальнейшем.

Правильно фамилия коллеги Иоганна Шелленберга в «Роте Фане» – Фридрих Больгер; он один из известнейших наших писателей.

Зять Н.Хрущева А.Аджубей не занимался экономикой; он был главным редактором «Известий».

Известного нашего прозаика Р.Кельна звали не Рейнгольд, а Рейнгардт, и был он не из Красноярского, а из Краснодарского края.

Призыв-листовку «Убей немца!» написал известный писатель-германофоб Илья Эренбург (не Эренберг).

Автором романа «Молодая гвардия» является не М.Шолохов, а Александр Фадеев.

Первый послевоенный литературный сборник советских немцев назывался не “Harry und Harry”, а “Hand in Hand”.

Неточности вкрались и в отклик И.Варкентина; мы улетели из Москвы не 10 февраля, а 11 января; телеграмма о состоявшемся 12 января приеме пришла в Алма-Ату не 11 февраля, а 13 января. Как секретарь 1-й делегации, я вел хронику, черновики сохранились, поэтому приводимые мною даты можно считать точными.

Гуго Вормсбехер»

К сожалению, редакция журнала не смогла (или не захотела) опубликовать этот отклик. Или он не дошёл? – Ответа не было... Одно из следствий этого – как-то один из молодых российских немцев, проживающих в Германии, в разговоре со мной выразил понимание того, что мы тогда, «как пишет Михель, уехали из опасности...». Надо ли мне было опускаться до самооправданий и объяснять молодому человеку, как было на самом деле? И что мужество не в том, чтобы не бояться опасностей, а в том, чтобы действовать, несмотря на опасности? И что в этом смысле не может быть упреков ни к тем, кто меньше всего думал тогда об опасностях, ни к тем, кто пусть и думал о них, но всё же продолжал действовать? Да и, видимо, не один этот молодой человек воспринял ту публикацию как безупречную правду...

3. Вторая делегация. Подготовка и первые шаги

(июнь 1965 г.)

Информация о поездке первой делегации разошлась достаточно широко для того времени и для тех возможностей – об этом мы позаботились. Естественно, ни по радио, ни в газетах ничего о делегации появиться не могло. «Нойес лебен» тоже не могла ничего опубликовать, кроме фотографии группы, принятой Микояном, назвав ее группой гостей редакции (так же она потом сделала и со второй делегацией). Но многие читатели знали или поняли, что это за «гости» на самом деле.

В некотором замешательстве были партийные и прочие органы: с одной стороны, создания таких «инициативных групп» вроде допускать никак нельзя; с другой – сам

Микоян принял ее и обещал, что преследований не будет. Всё это вызывало у людей ещё больше надежд и активности.

То, что нужна вторая делегация, было ясно многим. Ясны были и цели этой делегации: вновь поставить требование о восстановлении государственности, не дать себя при этом отвлечь на второстепенные вопросы, опровергнуть главный контраргумент о заселенности территории бывшей АССР НП, сделать делегацию гораздо представительней, для чего увеличить ее численность и собрать как можно больше новых подписей, и естественно, быть готовыми к более длительному пребыванию в Москве, а значит, собрать больше средств, предусмотреть смену начального состава делегации после окончания их отпусков следующим составом, и т.д. Вся эта работа в разных регионах и началась как направленная на единую цель.

Но очень скоро выяснилось, что хотя цель у всех у нас в принципе одна, не все хотят добиваться ее вместе. Стало известно, что красноярская группа действует по собственной, не согласованной с другими группами, программе. Ее цель – собрать делегацию только из немцев Поволжья, действовать под лозунгом «Волга или вечная ссылка» (т.е. никаких вариантов), и республика только для немцев Поволжья. Для других немцев – Украины, Крыма, Закавказья – должны быть отдельные требования о восстановлении там всего, что было до выселения, ибо «только восстановление прежнего положения является полной реабилитацией согласно закону».

Выдвигалось опять требование возврата конфискованного имущества. Определен был и срок поездки – 3 июня (наше предложение было – июль, чтобы в делегации могли участвовать преподаватели и студенты). При этом в Москве предполагается допустить в состав делегации только тех, кто письменно подтвердит свое согласие с такой программой, а кто с этим не согласен – враги.

Красноярскую группу, как выяснилось, поддерживала также часть группы из Киргизии во главе с И.Бругом, с которым мы находились, как и с О.Гертелем, в постоянном контакте – он несколько раз приезжал к нам, но ни разу не говорил о своих отношениях с красноярцами. Отсюда вытекало, что и алма-атинскую группу, и Гертеля, и Д.Гольмана, которого в Красноярске уже объявили «предателем» за неприятие раскольнических действий (см. письмо Д.Гольмана от 7.04.1965), и ряд других активистов решили просто обойти.

К чему такие действия могли привести, нетрудно было себе представить. Это могло значительно ослабить представительность делегации: одно дело – быть делегацией всех советских немцев, другое – только немцев Поволжья, которые составляли до войны лишь четверть от общего числа. Такой делегации легче было отказать, мотивируя тем, что если республика на Волге – только для немцев Поволжья, то надо будет, значит, восстанавливать и национальные районы на Украине, в Крыму (куда хотят вернуться и крымские татары и отказать которым после этого будет уже трудно), и на Кавказе, и на Алтае, и в Оренбуржье, и переселять людей в гораздо более заселённые, чем на Волге, места.

Такие действия означали также, что все другие советские немцы должны создавать свои собственные делегации и требовать параллельно с немцами Поволжья восстановления своих прежних национальных районов, отмены запрета на прописку, возвращения в родные места.

Это означало, что даже при полном решении всех требований довоенная территориальная разобщенность советских немцев будет возрождена и сохранена на будущее вместо того, чтобы собрать, наконец, народ вместе, и что по отдельности никто не сможет обеспечить своего национального будущего, а значит, ассимиляция будет неизбежной и скорой.

Это означало, что сепаратными действиями немцы Поволжья могут настроить против себя всех остальных немцев, т.е. большинство, и не только не получают от них поддержки в решении своего вопроса, но могут вызвать в отместку и противодействие этому решению.

Это означало также, что даже подписи и средства предстояло теперь собирать под разными требованиями и для разных делегаций, что вообще вносило полный сумбур во всю подготовительную работу.

А требование возврата имущества, выдвигаемое до принятия политического решения о восстановлении государственности, могло еще больше осложнить его принятие.

(Сегодня мы видим, во что превратился этот «возврат имущества»: каждому репрессированному в отдельности можно получить «материальную компенсацию», но размеры ее таковы, что хлопоты по ее получению дороже самой «компенсации». Вообще, этот вопрос имеет совсем другой масштаб и содержание: у народа незаконно отняли государственность, его общенародную и кооперативную собственность в виде экономической, социальной, культурной, образовательной и т.д. инфраструктуры, а также личную собственность. А требование «возврата имущества» сводит всё к компенсации только за личное имущество. Должно же быть так, чтобы народу, имевшему тогда как минимум равную с другими народами страны социально-экономическую базу, именно эта база, равная с таковой у других народов сегодня, была опять восстановлена, чтобы иметь опять равные же стартовые условия для национального будущего, разрушенные незаконными действиями государства. Только это будет полной реабилитацией народа в экономической сфере.)

Но всё это наших коллег не смущало. Стремление сделать что-то только для себя, игнорируя общие интересы; стремление иметь дело только с теми, кто безоговорочно тебя поддерживает, вместо того, чтобы действовать сообща, учитывать мнения всех и выработать общую позицию – это будет преследовать наше движение и через десятилетия. Наиболее афористично такую политику выразил более чем через 30 лет после первых делегаций ее продолжатель Г.Гроут: «Нам нужны не умные, а преданные», чем обеспечил не только крах всех собственных громких заявлений, но и эффективное противодействие решению общей проблемы...

8 мая мы собрали в Алма-Ате совещание, на котором приняли предложения: республика на Волге должна быть для всех советских немцев, делегация должна быть единой, и ехать надо в июле. Нас поддержали в других регионах (Борнеман и Кельн, которым были посланы материалы совещания, оценили его очень высоко и предложили красноярцам поддержать его итоги, но безрезультатно), однако процесс сепаратизма пошел дальше. И так как красноярцы опережали по времени начала официальных акций остальных, то другим ничего не оставалось, как присоединиться к делегации «волжан», одним с самого начала, другим - позже, когда смогут...

Между тем, не всё было безоблачно и в других сферах. К.Борнеман писал еще 2 февраля, что на Волгу приезжал какой-то представитель из Москвы, ездил по районам, встречался и с ним, но разговора о республике не было. Видимо проверялось, действительно ли нужна рабочая сила в Поволжье, т.е. всё шло в лучшем случае к возможной отмене запрета на прописку (что затем тоже не было сделано).

О.Гертель из Фрунзе сообщал, что его уже дважды приглашали «для крупного разговора» и предупредили, что нельзя заниматься созданием инициативных и прочих групп, нельзя участвовать в них, нельзя собирать подписи и нельзя агитировать «за наш большой вопрос». Хотя от ряда других членов первой делегации (например, с Урала)

поступали сообщения и о том, что по возвращении из Москвы они даже почувствовали «свежий ветер».

И вот 3 июня мы в Москве. Прибыло 28 человек (уже вдвое больше, чем первая делегация) из 15 республик, краев и областей. У всех делегатов с собой письма-полномочия с подписями: всего 3498 подписей (позже подъезжавшие делегаты привозили с собой еще, досылались подписи и по почте). Больше всего было подписей у нашей алма-тинской группы – 568, затем у делегатов Целинного края и Караганды (тоже Казахстан) – 445, затем у представителей Алтая – 443, и у представителей Киргизии – 372.

Разместились мы, с помощью редакции «Нойес лебен», в гостинице «Заря», которая была не очень дорогая (рубль за место в 2-3-местном номере в сутки), и от которой удобно было ехать на электричке – всего две остановки – до редакции, где нас опять приняли. Но на этот раз, как мы могли почувствовать, приняли нас более сдержанно и, конечно, по соответствующему указанию.

Повода для радости у редакции действительно не могло быть. Во-первых, некому было радоваться, потому что в ней практически не было советских немцев. Во-вторых, делегация доставляла много хлопот: опять нужно было выделить ей кабинет для работы, опять печатать бесчисленные материалы (к нам даже специально была прикреплена машинистка – молодая симпатичная Юля Борисова), в коридоре всегда было полно народу, а когда наши делегаты в полном составе шли на обед в столовую, то они резко выделялись на общем фоне и увеличивали очереди для сотрудников редакций журналов «Огонек», «Работница», «Крестьянка», «Здоровье», «Крокодил» и др., находившихся в этом же здании...

4 июня мы собрались на первое заседание. Красноярцы, чувствовалось, провели основательную подготовительную работу, привезли с собой даже готовый проект протокола этого заседания. По предложению бывшего наркома земледелия АССР НП Ф.Фрицлера (в трудармии в лагере ему, наркому, т.е. министру республики, был дан «пост с учетом специальности» - заведующий свинофермой) председателем собрания избрали Ф.Шесслера из Красноярска. Избран был также «Постоянно действующий комитет для разработки и представления материалов в Президиум ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР по вопросу о восстановлении АССР немцев Поволжья и полной реабилитации советских немцев». Председателем этого комитета был избран также Шесслер, а всего в него вошло 8 человек: 4 члена первой делегации – Борнеман, Бруг, Кайзер и я, и 4 новых, но тоже все из немцев Поволжья – Берш, Гельфенбейн, Вельц и Шесслер.

Комитет был избран не только на период работы делегации в Москве, но и для координации затем всей работы на местах: с ним должны были согласовывать свои будущие действия делегаты, причем эти действия должны были *«соответствовать духу положений и решений, выработанных всей делегацией»*; комитет обязывался также *«не допустить различных противоречивых направлений и течений и добиться полного единства действий»*.

На собрании было принято еще одно существенное решение: новые делегаты, прибывающие в Москву, могли включаться в делегацию лишь *«при условии, что они полностью принимают и соглашаются с теми решениями и документами, которые выработала делегация»*. И если учесть, что в первый же день работы делегации все должны были своей подписью *«выразить согласие»* с тем, что делегация будет требовать восстановления только АССР НП, без всяких вариантов, и что делегация и ее руководство состояли в основном из немцев Поволжья, то фактически еще до начала работы делегации были заложены основы диктатуры немцев Поволжья в общей работе. (Через почти

тридцать лет эта ситуация в движении повторилась во время дискуссии о Калининградском варианте, когда анкета, опубликованная в «Литературной газете», принесла ошеломляющее число откликов в пользу создания автономии в Калининградской области, а ряд лидеров «Возрождения» допускали *«только Волгу, и ничего, кроме Волги»*, и тоже начали преследовать имеющих другие мнения как врагов.)

Таким образом, в отличие от первой делегации, вторая уже не допускала дискуссий. *«Волга или вечная ссылка»* и *«кто не с нами, тот против нас»* – эти лозунги жестко, в духе «диктатуры пролетариата», ограничивали не только свободу мнений, но и тематику обсуждений. В определенных ситуациях такая жесткость способствует концентрации сил на главной цели, и в ней есть существенный положительный момент. Сейчас ситуация требовала такой концентрации, но требовала ли она ее ценой безоговорочного подчинения всех позиции одной группы?

Во всяком случае, здесь впервые в нашем движении был создан прецедент установления единства не через согласование разных позиций и выработку единого мнения, а через утверждение одного мнения путем недопущения других мнений...

В этот раз мне пришлось заниматься в основном подготовкой проектов документов, их доработкой после обсуждения, контактами с редакцией для их печатания на машинке, а также записью состоявшихся встреч и подготовкой их текстов. Поэтому работы было не только очень много, но она всегда была и очень срочная, и вести «хронику» для этой делегации мне просто было не под силу. Однако сами документы, их черновики и поправки отражают, на мой взгляд, достаточно полно и процесс работы делегации, и ее исключительное упорство в достижении поставленной цели, и промежуточные и конечные ее результаты, и путь формирования позиции официальных органов власти от начального серьезного изучения вопроса до полного отказа решить его.

Работа шла интенсивно, несмотря на то, что обсуждение вопросов в составе 30 человек, из которых только небольшая часть уже имела опыт работы в первой делегации, требовало очень много времени и сил. Вдобавок заседания проходили в небольшом кабинете, где с трудом удавалось всем разместиться и где часто просто нечем было дышать. Дискуссии нередко проходили весьма остро: во время одного из споров с красноярцами представитель алмаатинцев В.Гинц так стукнул кулаком по столу, что лежащее на нем толстое стекло разлетелось вдребезги.

Уже 5 июня были подготовлены два заявления: одно короткое, с просьбой о приеме, другое более полное, с оценкой положения советских немцев и просьбой о полной реабилитации.

Учитывая, что оба эти документа никогда не публиковались, считаю возможным привести их полностью.

Первому Секретарю ЦК КПСС

тов. Брежневу Л.И.

***от делегатов советских граждан немецкой национальности,
посланных для вторичного ходатайства перед ЦК КПСС
и Президиумом Верховного Совета СССР
о восстановлении АССР НП,***

Заявление.

Просим принять нас по вопросу восстановления Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья и полной реабилитации советских немцев.

Москва, 5 июня 1965 года

Подписи.

Второе заявление было более пространным:

***Первому Секретарю ЦК КПСС
тов. Брежневу Л.И.***

от коммунистов и беспартийных советских граждан

немецкой национальности, вторично посланных советскими немцами из разных областей и районов РСФСР, Казахской ССР, Киргизской ССР по вопросу о полной реабилитации советско-немецкого народа и восстановлении Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья,

Заявление.

Мы, советские немцы, всегда считали и считаем себя необоснованно оклеветанными в преступлении перед советским народом, перед нашей Родиной – Союзом Советских Социалистических Республик, что и подтверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года.

Этот Указ снял с советских немцев огульные обвинения в пособничестве германскому фашизму и, тем самым, признал ликвидацию АССР НП несправедливым, ошибочным актом. С советских немцев ложное обвинение снято, а наказание за это ложное обвинение осталось: их государственная автономия не восстановлена, они разбросаны мелкими группами по различным районам страны, что способствует их насильственной ассимиляции, и по-прежнему не имеют права возвратиться в родные места.

Мы считаем, что даже в том случае, если бы у советских немцев не было своей государственной автономии, ее давно нужно было бы создать, а так как она была, то восстановить ее тем более необходимо.

Ликвидация АССР НП, основанной В.И.Лениным, противоречила всем принципам ленинской национальной политики, Программе КПСС по национальному вопросу, являлась грубым произволом по отношению к целому народу и преступлением перед советскими немцами, перед всем советским народом.

Мы решительно возражаем против объяснения невозможности восстановления АССР НП отсутствием территории для этого. У советских немцев территория была и есть, и мы просим восстановить нашу автономию там, где она была, как это было сделано для калмыцкого, чеченского и ряда других народов, также несправедливо обвиненных и репрессированных.

Нам, как и всем народам Советского Союза, согласно статье 123 Конституции СССР предоставлено право на автономию, и так как мы просим восстановить нашу государственную автономию, то отказ в этом является нарушением Конституции СССР – основного закона нашего государства.

От имени пославших нас советских граждан немецкой национальности, выражающих мнение советско-немецкого народа, мы просим полностью реабилитировать советских немцев, т.е.:

1. Восстановить Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья, основанную В.И.Лениным.

2. Полностью отменить все правовые ограничения по отношению к советским немцам, содержащиеся в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., 26 ноября 1948 г. и 13 декабря 1955 г. с одновременным официальным признанием в широкой печати перед всем советским народом невиновности советских немцев.

Такой правительственный акт устранил все нарушения законности и последствия культа личности не только по отношению к немцам Поволжья, но и по отношению ко всем советским немцам.

Москва, 5 июня 1965 года

Подписи.

8 июня письма были направлены Брежневу и Микояну. К письму Брежневу были приложены и привезенные нами письма-обращения с собранными подписями – 137 листов, 3498 подписей.

Уже на следующее утро, в 10 часов, семь человек – члены избранного делегацией Комитета, были приняты заместителем заведующего приемной Президиума Верховного Совета СССР *А.Н.Копёнкиным*. Поприветствовав нас, он обратился к Борнеману: «Как Ваше здоровье?». Оказалось, что они уже знакомы, видимо, встречались во время приезда Копёнкина на Волгу.

Идя на прием, мы распределили между собой основные темы для выступлений, чтобы не дублировать друг друга и, одновременно, чтобы не упустить ничего существенного.

Шесслер как руководитель делегации говорил первым. Надо отметить, что Шесслер прошел еще более сложный жизненный путь, чем обычные трудармейцы. Он в молодости воевал в Средней Азии против басмачей, в начале войны и до 1945 года был в трудармии, затем - 10 лет тюрьмы, в 1955 – освобожден, через год реабилитирован и восстановлен в КПСС. Он был без одной ноги, ходил на костылях, к тому же довольно крупный и несколько полноват, так что передвигаться ему было нелегко. Возможно, чтобы меньше потеть, он постоянно ходил в темно-серой холщовой рубашке навыпуск, с расстегнутым воротом. Он был совершенно лысый, с почти круглым лицом, заметно заикался, однако очень ясно и четко мыслил и излагал свои мысли.

Он спросил у Копенкина, получил ли тот наше Заявление? – Да, оно у него.

Шесслер изложил цель нашего приезда, сказал, что Указ 1964 года решил наш вопрос не полностью, что вопрос должен быть решен до конца, и это наше обращение должно быть последним, «чтобы ленинская национальная политика целиком и полностью была применена и к нам».

Борнеман сосредоточился на вопросе о территории. Он привел свою любимую цитату из Ленина: *«Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом и неравноправием»*. И продолжил: *«Эти золотые слова направлены против ревизионистов, которые утверждают, что у нас нет территории»*. (Всем присутствующим было хорошо известно, что утверждал это на приеме первой делегации никто иной, как сам Микоян). И далее Борнеман сказал пророческую фразу: *«Ведь после таких утверждений могут появиться мысли о том, что раз у нас нет территории здесь, то пусть нас пустят в другую страну»*. И еще один важный для полемики тезис высказал наш старейший член делегации: *«Нам иногда говорят, что многие немцы не хотят домой... Но мы, коммунисты, не должны ориентироваться на тех, кто потерял надежду»*.

Такие аргументы имели тогда большое значение – пусть не для решения вопроса, но для неувязимости наших требований.

Опровергали мы и тезис о заселенности территории бывшей республики. Приводились конкретные примеры: в родном селе Шесслера было раньше 600 домов, теперь – 47; в селе Штрасбург было 995, сейчас 42; в Мариентале осталась максимум четверть домов; в селе Мессер проживало раньше 10000 человек, сейчас там 25 дворов. Не хватает и рабочих рук, создан отдел по переселению, людей привозят со всей страны, но они не задерживаются, опять уезжают. Рост же населения, который действительно есть на Волге, вызван приростом городского населения; в сельских районах прироста нет. Если огромные деньги, впустую расходуемые на переселение по вербовке, пустить на восстановление республики, толку будет гораздо больше.

Помня опыт первой делегации, я, когда очередь дошла до меня, постарался еще раз, в том числе и для моих коллег, чтобы не слишком опять поддались естественным в такой ситуации чувствам, сосредоточить акценты на нашем главном вопросе:

«Всю нашу боль, все наши обиды не высказать и за неделю. И мы не за этим сюда приехали. И просим мы не доверия к себе, так как не считаем себя виновными. Мы просим восстановить республику на Волге и полностью реабилитировать советских немцев. Мы хотим, чтобы нас признали равноправными в семье советских народов. Доказывать, что мы имеем право быть равными, не нужно. Мы считаем, что Правительство обязано обеспечить наше равноправие».

Вельц закончил свое выступление в этом же духе: *«Дайте нам жить равноправно. Зачем мы здесь? – Полная реабилитация, восстановление республики на Волге. Этим актом будет решен вопрос и о других немцах»*.

Последняя фраза, хотя имела неоднозначное содержание, в данной ситуации была всё же уместна и предупреждала возможные вопросы о других прежних немецких территориях.

После этого говорил **Копёнкин**. Привожу его высказывание целиком, потому что оно позволило многое увидеть и почувствовать, и потому что оно нигде никогда не публиковалось и не цитировалось.

«Давайте подводить нашу беседу к концу. Вы люди грамотные. По вашему вопросу ЦК, Советское Правительство, Президиум Верховного Совета не раз собирались, рассматривали его. На протяжении всех двадцати с лишним лет он неоднократно был предметом рассмотрения. 29 августа 1964 года был издан Указ, где четко и ясно было сказано, что все обвинения, выдвинутые против немцев в условиях культа личности Сталина, в пособничестве фашизму – не обоснованны. И все эти политические обвинения были сняты. Это и есть полная реабилитация советских немцев – вот суть Указа».

Если отдельные граждане и сейчас наносят оскорбления (советским немцам) - это ведь не линия нашей партии. Может, эти граждане многое пережили во время войны. Или это потому, что на местах руководители плохо работают. Но это нельзя возводить (в политику), ведь это (встречается) и среди других наций. Рассматривать Указ, как будто он с одной стороны реабилитирует, а с другой оставляет наказание (нельзя): ведь наказанием было обвинение.

Далее, вопрос о восстановлении национальной автономной республики на Волге. В отношении национальных объединений вы говорите, что одни национальности имеют автономии, другие нет. Вернемся к недалекой истории. На территории (республики) немцев Поволжья на 17 января 1939 года проживало 366 тысяч граждан немецкой национальности. Но ведь на территории СССР проживало (тогда всего) более одного миллиона немцев, и они (остальные) не имели автономии – они имели национальные округа (точнее – национальные районы). Но они жили, работали. Значит, всего 15-17% жило в республике немцев Поволжья, и жили длительное время. (Копенкин прав в том, что большинство советских немцев проживало за пределами республики, но не совсем в ладу с арифметикой: по переписи 1939 года в стране насчитывалось 1 600 624 человека немецкой национальности; 366 тысяч немцев Поволжья составляет почти 23% от этого числа. – Г.В.)

Вопрос о территории и о заселенности. Сейчас на территории (республики) немцев Поволжья живет 678 300 человек, до упразднения республики – 606 532 человека. Так что запустения нет, население увеличилось. Более того, на территории увеличился в несколько раз выпуск продукции, имеется 97 предприятий, 91 колхоз, 89 совхозов. Значит, говорить о запустении нельзя. Мне пришлось исколесить эту территорию, из 10 районов посетил половину. Что же делать с населением, которое там проживает? Не выгонять же его оттуда. Оно же не виновато в том, что были допущены ошибки в период культа личности. Ведь вы же коммунисты. Нужно думать и о государственных интересах.

В Указе говорится – «укоренились». Более всего немцев в Казахстане, много на Алтае и т.д. На территории республики население не уменьшилось. Допустим, что из других областей начнется перемещение на Волгу. Что же, тогда надо переселять людей с Волги? Скажут: что же это происходит?

Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся, честно. И те товарищи в Волгоградской и Саратовской областях, тоже. Тут ничего не скажешь. Люди обустроились.

В отношении равноправия. Нет оснований говорить о неравноправии. Среди граждан немецкой национальности много коммунистов, депутатов местных, союзно-республиканских и Верховного Советов, например, А.Беккер. В этом отношении всё делается, не происходит выделения. Полнейшее равноправие. Много Героев, особенно Социалистического труда.

Связывать ваш вопрос с ГДР и ФРГ – нет оснований.

О национальной культуре: мы совещались, разговаривали с Казахстаном, с Алтаем. В школах в начальных классах введено больше часов (немецкого языка как родного). Есть трудности с преподавателями вообще немецкого языка. Принимаются меры со стороны органов просвещения. Товарищ Микоян по вопросам образования, культуры разговаривал с товарищем Кунаевым, который доложил, что будут приняты меры, чтобы увеличить число часов (немецкого языка как родного в школах). Ведется радиовещание на немецком языке. Есть коллективы художественной самодеятельности. Может быть, этого недостаточно – спору нет. Здесь никто не препятствует (расширению) и не должен препятствовать.

Никому не запрещается писать в ЦК. (Шесслер: «А мне запретили»). В таких случаях мы попросим побеседовать с товарищами. Если некоторые товарищи начинают ущемлять национальные права – это их вина, так нельзя.

Об опубликовании Указа. Он опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР». Так что многие о нем знают. Опубликован в немецкой газете. Почему в русских газетах не опубликован, не знаю.

Мы проинформировали о вашем прибытии товарища Микояна, он читал ваше Заявление. Поручил вас принять. Об этом знает и ЦК.

Шесслер: *Я понимаю так, что Анастас Иванович нас принять не хочет?*

Копёнкин: *Он очень перегружен, не очень хорошо себя чувствует, ничего нового сказать по этому вопросу не может.*

Шесслер: *Тогда разрешите мне... Вы привели факты, с которыми согласиться мы не можем. О заселенности – это за счет трех городов, куда стекаются люди. Так что это не аргумент.*

Вы говорите, нас некуда девать. Ведь нас с позором выгнали...

Копёнкин: *Всё снято...*

Шесслер: *...Мы должны мириться с тем, что нас насильно выгнали? Каждый советский немец хочет вернуться туда, откуда он был выселен.*

Копёнкин: *Не совсем так. Многие реабилитированные остаются там жить, где жили до реабилитации.*

Шесслер: *Это отдельные лица, а тут речь о целом народе. Прошу передать товарищу Микояну, чтобы он нас принял. Разве на два миллиона человек один депутат в Верховном Совете – это равноправие?*

Копёнкин: *Ну, возможно, при новых выборах это поправится.*

Шесслер: *О равноправии... Приведу факт: девушке-немке, окончившей медицинское училище, присвоили звание сержант, всем остальным – лейтенант... Мне лично в Абакане запретили говорить по-немецки...*

Копёнкин: *Но ведь это не линия партии!*

Шесслер: *Это следствие ее!*

Копёнкин: *Эти факты нельзя обобщать. Они имеются и в отношении других национальностей. Эти факты единичны, но в остальном все живут дружно. (Приводит примеры наказания за негативные проявления в межнациональных отношениях).*

Шесслер: *Я считаю, что даже если Анастас Иванович считает так, этими (предложенными) мерами закончить (решение вопроса) – политически неправильно. Когда меня провожали сюда, на вокзал пришло 36 человек, которые просили передать вам, Анастасу Ивановичу их просьбу: люди хотят вернуться туда, где они были. Ваши аргументы необъективны. Решение нашего вопроса должно быть конкретным. Мы не хотим выходить за рамки Конституции. Прошу передать товарищу Микояну, чтобы он нас принял.*

Вельц: *Ваши аргументы меня не убедили. Смешно говорить о самодеятельности. Это не сохранение культуры.*

Борнеман: *Согласно Конституции, все имеют право на свободное перемещение по Союзу, мы этого права лишены. Указы запрещают нам вернуться в родные места – разве это равноправие? Нас по численности в два раза больше, чем киргизов, но они имеют 25*

представителей в Совете Национальностей, а мы ни одного – какое же это равноправие? О культуре я и говорить не хочу. Мы приехали не затем, чтобы говорить о культуре. Наши дети не могут учиться на родном языке. Это явно насильственная ассимиляция, которая является для строителей коммунизма преступлением.

Гельфенбейн: У нас в городе проживает 12 тысяч немцев, это 20% от всего населения, но в городском Совете у нас депутатов нет. Равноправие – формальное. Если нам не восстанавливают республику, значит – нет равноправия. При выселении у нас отобрали всё, а ведь имущество отбирается только у государственных преступников. Никакого равноправия нет.

Кайзер: Вы говорили в рамках Указа. Но вы сами можете допустить, что у немцев нет практической возможности создать немецкие школы? Ведь они все разбросаны. Как можно спасти язык при такой разбросанности? Язык исчезает. Это касается и всей культурной жизни. Некоторые люди боятся, что если они опять будут жить вместе, то их снова выселят, поэтому говорят, что им ничего не надо. Я считаю себя ссыльным. Ведь я не могу поехать на Волгу – в 24 часа выселят. Разве это равноправие? В Верховном Совете – один Беккер. А у 80 тысяч калмыков 11 человек в Совете Национальностей, и столько же – в Совете Союза. Разве это равноправие? Люди, получившие свою государственность, процветают. Об опубликовании указов. Если мы равноправны, то почему не говорить об этом открыто? У нас насильственная ассимиляция, это было государственной политикой – специально разбрасывали весь народ. Автономия снабжала учителями и книгами всех советских немцев...

Вормсбехер: У меня несколько вопросов. Являемся ли мы одним из советских народов? (Копёнкин: «Конечно»). Имеем ли мы право, как один из советских народов, численностью два миллиона человек, занимающий 13-ое место по численности, имеем ли мы согласно Конституции СССР право на самоопределение? (Копёнкин: «Да»). Так почему же у нас нет автономии?

Копёнкин: Сейчас вы более резко ставите вопрос, чем раньше. (Еще одно подтверждение тому, что на приеме первой делегации речь шла в основном не о главном вопросе). Нельзя сводить равноправие только к национальному равноправию. Это и не главный вопрос в марксизме. Равноправие – это одинаковое отношение к производству, результаты распределения продуктов производства, вопросы управления государством. Все граждане СССР имеют право избирать и быть избранными. И везде представители немецкого народа есть. Возьмем Казахстан: там больше русских и украинцев, но управляют казахи. Что же, русские и украинцы там неравноправны? – Нет.

По вопросам национальной культуры, самостоятельности, школы – принимаются меры...

Борнеман: Я понял так, что тов. Микоян поручил вам разъяснить нам Указ. Мы просим передать ему, что мы Указ знаем, и чтобы он принял нас: мы не уедем отсюда без автономии, и люди запретили нам без нее возвращаться.

Копёнкин: Так я продолжу... Ведь если человек живет в Москве и окончит институт, то его по распределению направляют куда-нибудь... (Вряд ли можно было позавидовать Копёнкину, если он вынужден был прибегать к таким жалким «аргументам»).

Шесслер: У меня три ответа на мое письмо, в которых говорится, что меня на Волге не прописывают потому, что находится в действии Указ 1955 года. К кому применяется ссылка? - К государственным преступникам... Мы хотим встретиться с тов. Микояном.

Копёнкин: Он читал вчера ваше письмо, поручил разъяснить вам Указ. Я еще раз доложу ему. Анастас Иванович сказал, что он не имеет возможности принять вас.

Борнеман: Пусть тов. Микоян не боится принять нас, он старый большевик.

Копёнкин: Мы проинформируем тов. Микояна.

Вормсбехер: Один неофициальный вопрос. Мы понимаем, что вы обязаны проводить линию партии и ЦК как работник партии. Но какое ваше личное, человеческое мнение: имеют немцы право на самоопределение или нет?

Копёнкин (пожав плечами): Конституция – закон для всех граждан Советского Союза...

Прием закончился в 13 часов, и мы вернулись в редакцию.

Что можно из сегодняшнего далека сказать об этом приеме?

Во-первых, он показал нам, что власти хотели просто отмахнуться от новой делегации «разъяснением Указа» и опять свести разговор к обещаниям улучшить, поправить, расширить – без решения главного вопроса.

Во-вторых, этот прием не мог не показать властям, что заготовленное ими для нас не может нас удовлетворить – нам нужно восстановление государственности.

В-третьих, негативный опыт первой делегации не прошел для нас даром: мы все сконцентрировали наши выступления на необходимости решения главного вопроса, и не дали себя увести от него.

В-четвертых, мы не только полемизировали с представителем власти, мы его опровергали практически по всем позициям, показывая несостоятельность его аргументов.

В-пятых, мы не защищались, мы вели встречу наступательно, и вынудили защищаться представителя власти.

Одним словом, это была хорошая проверка дееспособности Комитета и хорошая проработка нашей позиции по всем аспектам, которые могут быть затронуты в наших дальнейших встречах. У меня лично Шесслер вызвал после этой встречи несомненное уважение.

Естественно, о состоявшемся разговоре мы проинформировали подробно всю делегацию.

4. ЦК партии «оторвался от ленинизма»

Между тем на наши обращения к Брежневу и Микояну о приеме мы пока не получили ответа, и 11 июня мы направили им телеграммы одинакового содержания:

«Мы, делегация советских немцев из 15 республик и областей в количестве 31 человека, настоятельно просим принять нас согласно нашему Заявлению от восьмого июня сего года».

В качестве подписей в телеграмме были даны фамилии всех 31 членов делегации.

Тогда мы не знали, как будут разворачиваться дальнейшие события. Сегодня, судя по тому, что произошло дальше, судя по сохранившимся документам, можно сказать, что прием у Копёнкина был, видимо, тщательно изучен, и было решено еще раз серьезно подготовить этот вопрос к рассмотрению. Потому что на 15 июня нам была назначена

встреча с группой заместителей заведующих ряда отделов ЦК КПСС. Узнав об этом, руководство «Нойес лебен» поздравило нас, объяснив, что прием в таком составе означает очень серьезный подход к нашему вопросу.

И вот 15 июня, Приемная ЦК КПСС. Далее идет текст записи состоявшейся беседы. Текст этот был подготовлен на основе моей черновой записи, которую каждый из выступавших членов делегации потом просмотрел и внес необходимые поправки. Привожу его полностью.

**Сокращенная запись беседы,
состоявшейся 15 июня 1965 года между представителями ЦК КПСС и
делегацией советских немцев, прибывшей в Москву по вопросу о восстановлении
АССР НП и полной реабилитации советских немцев**

15 июня 1965 года делегация советских немцев в количестве 30 человек была принята группой представителей ЦК КПСС в составе:

- 1. Сквиорцов – зам. зав. отделом партийных органов ЦК КПСС;*
- 2. Грачѳев – зам. зав. отделом административных органов ЦК КПСС;*
- 3. Егоров – зам. зав. идеологическим отделом ЦК КПСС;*
- 4. Полехин – зам. зав. партийным отделом ЦК КПСС по РСФСР.*

При беседе присутствовал тов. Строганов, зав. приемной ЦК КПСС.

Сквиорцов: *Мы ознакомились с вашим письмом. Под ним имеется много подписей, значит то, что изложено в письме, является не только вашим мнением. Мы хотели бы услышать ваши дополнения к письму, только поконкретнее.*

Шесслер: *Все наши обращения в ЦК КПСС оставались почти без внимания. Нас только вызывали в райкомы и говорили: «Автономии у вас не будет». Мы считаем, что после последних съездов (КПСС) так говорить уже больше нельзя.*

Мы не являемся врагами нашей Родины, и свою преданность ей доказали своим трудом. Указ от 29 августа (1964) нас политически реабилитировал, вина с нас снята, но наказание осталось. Наше положение не изменилось, т.к. в действии по-прежнему находятся указы от 1948 и 1955 гг. Я член партии и много сделал для партии. И я не могу больше молчать – я не преступник. Указ от 29 августа 1964 года говорит, что восстановить автономию на Волге нельзя, т.к. нет территории. Наши люди были там, ездили по Волге, и мы считаем это утверждение несостоятельным. Некоторые сѳла там вообще разрушены, другие заселены частично. Население на территории бывшей АССР НП увеличилось не за счет районов, а за счет городов.

Мы считаем, что полная реабилитация – это значит восстановить нашу автономную республику на Волге, что соответствует чаяниям всех советских немцев.

Борнеман: *Я, товарищ Сквиорцов, с вами согласен, что нам говорить сегодня о тех страданиях и горе, что пережили советские немцы, незачем. Да нас прислали сюда и не для этого, а для того, чтобы мы добились восстановления автономии на Волге и отмены всех порочащих нас указов. Указ от 29 августа 1964 г. отменил частично клеветнический указ от 1941 г., но почему этот указ не отменил сразу и другие указы? Обвинение снято, а наказание осталось. По законам всего человечества, если снимается обвинение, то снимается и наказание. Реабилитация значит восстановление прежнего положения. У*

нас же прежнее положение не восстановлено. Мы оказались в крайне абсурдном, двусмысленном положении, которое нужно изменить.

Указ от 29 августа 1964 г. полон противоречий. Там говорится, что немцы укоренились на своих местах жительства, что они живут хорошо и всё у них есть. И поэтому местным властям предлагается и впредь оказывать немцам поддержку в культурном и хозяйственном строительстве. Но что могут сделать местные власти? Наш основной вопрос может решить только Верховный Совет, а он этого не сделал и предлагает местным властям что-то сделать.

С другой стороны, получается, что калмыки, которые не могли «укорениться», премированы за это автономией, а немцы не могут вернуться на свою родину, потому что они «укоренились».

Мы в нашем заявлении говорим, что просим отменить все указы, порочащие советских немцев. Я думаю, что их нужно уничтожить, чтобы они не попали в руки наших потомков, которые осудят нас, строителей коммунизма, за такие указы. Некоторые говорят нам, что у советских немцев нет территории для восстановления их автономии. Это нам обидно. Видно, эти люди оторвались от ленинизма, проверяют правильность ленинской национальной политики. Когда в 1918 г. Ленин подписал декрет, что земля передается крестьянству, он исходил из программы партии, из того, что мы участвовали и в турецкой, и в первой мировой, и в гражданской войнах. Я сам участвовал в гражданской войне и проливал свою кровь.

Немцы, прибыв в Россию, освоили пустые земли, вложили в них много труда, потом и кровью создали сёла и города. Во время коллективизации мы приняли землю по государственному акту. Значит, у нас есть своя земля, своя территория.

Когда помотришь на теперешнее отношение к нам, вспомнишь слова Ленина: «Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признаёт и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнётом и неравноправием». Эти золотые слова относятся как раз к тем, кто утверждает, будто у нас нет территории. Я много раз писал в центральные органы, и мне отвечали, что восстановление АССР НП нецелесообразно. Так может писать только какой-нибудь канцелярист, аппаратчик.

Мы сейчас разбросаны мелкими группами по всему Советскому Союзу. Происходит полная ассимиляция. Дети не могут учить свой родной язык, а старые люди, не знающие русского языка, уже не могут говорить с ними.

Даже если смотреть с количественной точки зрения, то мы по численности стоим на 13 месте в Советском Союзе. Нас больше, чем эстонцев, таджиков и других народов, имеющих союзные республики, а у нас нет даже автономной. Наши дети служат в Советской Армии, они защищают свою Родину. Но когда они демобилизуются и приезжают туда, где они родились, их выселяют за 24 часа. Существующее положение противоречит и нашей Конституции, и национальной политике, и Программе партии.

Если такие указы издаются сверху, то можете себе представить, что делается внизу, местными властями.

Гельфенбейн: Я хочу сказать о зрелости этого вопроса. Республика немцев Поволжья была ликвидирована необоснованно, в результате культа личности Сталина. Подавляющее большинство немецкого населения, высланного с Волги, горячо желает вернуться туда. Верховный Совет, издав Указ от 29 августа 1964 г., сделал один шаг вперед; нужно сделать второй и отменить все указы. Нет оснований опасаться трудностей при восстановлении нашей автономии. То население, которое живет на

территории бывшей АССР НП, пусть там и остается, мы и раньше жили с ним. Мы просим решить наш вопрос и не затягивать его.

Берш: Мы не понимаем, какие могут быть возражения против восстановления республики. В Указе от 29 августа 1964 г. есть пункт о том, что территория бывшей республики заселена. Я живу там, бываю во многих местах и могу правдиво рассказать об этом. Мы не знаем, что тов. Копёнкин доложил Правительству, но из разговора с ним я заключил, что он дезинформировал его. В Волгограде существует переселенческий отдел, значит, там нет перенаселенности. Люди приезжают туда и уезжают, наблюдается большая текучесть кадров.

Приведу несколько фактов о сёлах. Так, например, в бывшем селе Штрасбург до выселения было 995 домов, сейчас около 200; в селе Нойвеймар было 260 домов, осталось 55; в селе Деготт было около 800 домов, осталось 42; некоторые сёла полностью разрушены, в большинстве осталось по 30 % домов и меньше.

До сих пор местные власти хорошо относились к советским немцам, их иногда прописывали, несмотря на большие трудности. Но за последнее время отношение к немцам изменилось, и в прописке вообще отказывают.

Кайзер: Нам говорят, что мы реабилитированы. Но это известно только немцам, которые и так знали, что они невиновны. Ни в одной газете не упоминаются советские немцы.

Антагонизм, создававшийся в течение двух десятилетий, и сейчас имеет место. (Привёл примеры: об Истории СССР под ред. проф. Панкратовой, о романе Коптяевой «Дружба», о книге Подъячих «Население СССР»).

Советские немцы в течение двух лет могут восстановить всё и доказать свою преданность Партии и Правительству.

Восстановление республики в другом месте не является реабилитацией. Это будет ссылкой для наших потомков.

Школы с расширенной программой не могут решить вопрос о сохранении языка, для их существования практически нет условий.

Часто говорят, что среди немцев много верующих, и с этим нужно бороться. В республике это не нужно было делать. А сейчас люди разбросаны, и тяга к общению на родном языке является причиной их религиозности.

Ганштейн: Чтобы у вас не сложилось мнение, будто домой хотят только старики, я хочу сказать, что и молодёжь тоже хочет домой. Наш народ отстал в культурном развитии от других народов Советского Союза примерно на 20 лет. (Приводит пример о проценте людей с высшим образованием среди советских немцев и других народов). Мы просим довести до самого высшего уровня, что мы хотим домой, хотим восстановления республики.

Вельц: Раньше у нас было 5 вузов, 11 техникумов, школы, издательства и т.д., сейчас у нас этого ничего нет. У нас нет и представителей в Верховном Совете. Нам очень больно убеждать кого-то в правоте Ленина. Республика немцев Поволжья была создана одной из первых, и создана Лениным. А теперь получается, что он был неправ.

Мы говорим о равноправии, но если мы приедем на Волгу, нам дадут 24 часа и мы должны уехать.

Нам не дают возможности показать, на что мы способны. Мы просим предоставить нам возможность внести свой весомый вклад в построение коммунизма. 23 года мы находимся в неравноправном положении, но мы остались советскими людьми.

Некоторые товарищи хотят связать наш вопрос с границей. Мы - советские люди, наш вопрос внутренний, и мы не хотим, чтобы его связывали с внешней политикой.

Среди нас есть пишущие люди, но нам негде печатать свои произведения.

Штейнбах: *Я искусствовед, занимаюсь вопросами национальной культуры малых народностей. И мне очень больно и обидно, что я сталкиваюсь с вымиранием национальной культуры целого народа. Это преступление. Мы должны создать условия для развития национальной культуры самых малых народностей. Если и дальше не будет решён наш вопрос, то погибнет одна из высоких культур.*

Вормсбехер: *Я коммунист, и 13 товарищей из сидящих здесь тоже являются членами партии. И мы не можем совместить то, что творится по отношению к советским немцам, ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с Программой КПСС. Как можем мы, коммунисты, смотреть беспартийным товарищам в глаза, как мы можем оправдать линию нашей партии, защитить её авторитет при таком явном, грубом нарушении ленинских принципов по отношению к двум миллионам человек?*

Являемся ли мы советским народом? Думаю, мы являемся таковым. Имеем ли мы как советский народ, стоящий по численности на 13 месте, имеем ли мы согласно Конституции СССР право на автономию? Имеем. Так почему её у нас нет?

Кончак: *Укоренились ли советские немцы? За последнее время, после снятия со спецучёта, советские немцы – волнующееся море. Постоянные переезды. Немцы кочуют. Я был 20 лет в Норильске и верил: воспрянет правда. И все немцы верят, что автономия будет восстановлена.*

Очень отрадно читать, что мордвины, башкиры и другие народы имеют свою культуру, театры, своих писателей. Скоро мы встретим 50-летие Октября. С чем мы придем к нему? Что у нас было и что у нас есть теперь?

За 23 года выпущена всего одна книжка с произведениями советско-немецких писателей.

Эндерс: *Я из Краснотурьинска. Была там трудармия, большинство немцы, которые и внесли основной вклад в его строительство. Сейчас в городе около 20% немцев, но в политической жизни они не участвуют. Нет ни одного ответственного руководителя из советских немцев. В городе 2 дворца культуры, но в них нет и маленькой группы немецкой самодеятельности. В книжных магазинах нет немецких книг. Мы не видим участия немцев в культурной жизни, у них нет возможности учиться дальше. Мой внук не хочет быть немцем, так как его обзывают фашистом. Люди хотят восстановления республики, они собирали по рублю, чтобы мы могли поехать. Первая делегация не получила ответа на свои требования. Как же так, Ленин принимал ходоков и давал конкретный ответ, а тут 13 человекам не сказали ничего. Вот почему здесь вторая делегация. Если и она ничего не добьется, будет третья, четвертая. Мы не успокоимся, пока наш вопрос не будет решен.*

Гиль (дочь шофера Ленина): *У меня 8 детей. Наши дети должны знать родной язык. Мы очень просим восстановить нашу республику.*

Наши дети воспитываются для коммунистического общества. У меня 8 детей, из них семь комсомольцев и одна пионерка. Моя маленькая девочка пришла и плачет. Она сказала: «Мама, почему меня называют фашисткой?»

Я сама была комсомолкой, когда нас выселяли. У меня два сына служат в армии, один из них недавно был в отпуске за хорошую службу. Я горжусь, что мои дети хорошо служат. Но почему они не могут быть равноправными? Мы, женщины, еще раз

убедительно просим восстановить АССР НП, чтобы наши дети могли быть такими же равноправными, как и дети других национальностей.

Хромова: *В народе говорят: у кого что болит, тот о том и говорит. Мы живём здесь 200 лет. Почему мы в таком положении? Вам, наверно, сейчас самим неудобно. Почему вы идёте против своих убеждений?*

Нас обвиняют в национализме. Националист не тот, кто требует свои права, а тот, кто вынуждает людей требовать их. Нельзя допустить, чтобы погибла культура народа. Я верю, правда победит в этом вопросе. Партия должна решить этот вопрос. Мы не можем вступать в коммунизм бесправными и с угнетённой культурой. Мы ничего нового не говорим, мы только принесли вам души людей, их горячее желание.

Мы хотим быть приняты товарищем Брежневым. Указ вышел полгода тому назад, но и то малое, что там говорится, не выполняется.

Мы просим восстановить немецкую республику – наш культурный центр. Мы настаиваем, чтобы тов. Брежнев принял нас. Мы хотим быть на нашей родине, и наш вопрос нельзя связывать с другими странами.

Скворцов: *Мы доложим руководству ваши пожелания. Но этот вопрос уже обсуждался в Правительстве, в результате чего был издан Указ от 29 августа 1964 г., которым все политические обвинения с немцев сняты. Поэтому говорить о неравноправии едва ли правильно. Ссылки на то, что детей называют фашистами и что местное руководство плохо относится к немцам, неосновательны. Не только немецких детей называют фашистами, у других тоже есть прозвища. Дети есть дети. А местные органы – некоторые товарищи, по-видимому, нарушают положения Указа.*

В Указе сказано, что люди укоренились, и вряд ли это можно оспаривать. Население на территории бывшей республики возросло. Вы предлагаете не выселять оттуда людей. Что же получится? Там жило 360 тысяч немцев. Допустим, не все вернутся туда, особенно из южных областей Казахстана и Киргизии, но, видимо, и многие пожелают. Ну пусть таких наберётся 200 тысяч – тогда немцы всё равно не будут составлять большинства и условия примерно останутся такими же, как они сейчас.

Массовые переселения требуют больших затрат и принесут большой урон хозяйству. Проще с сельским хозяйством, но многие ведь работают и в городах. Нужно создавать опять предприятия. И получается, что сейчас действительно нецелесообразно решение этого вопроса.

Эндерс: *Если для одной национальности существует запрет ехать куда-то, является ли это равноправием?*

Скворцов: *В этом отношении нет.*

Полехин: *Нам хорошо известно трудолюбие немецких товарищей. Я хочу вернуться к вопросу: нужно считаться с рядом экономических факторов. Территория бывшей АССР НП действительно заселена. Если возникает вопрос о переселении, значит, нужно думать и о трудоустройстве.*

О правах – последними документами ваши права восстановлены. О депутатах – выборы в Верховный Совет СССР проходили до издания Указа от 29 августа 1964 г. По-видимому, при следующих выборах это будет учтено. В ряде мест немецких товарищей избирают в партийно-советские органы, обратим ещё на это внимание. Трудности с печатанием ваших произведений – мы поможем. Нельзя сводить всё к восстановлению автономии.

Берш: Мы не хотим получать всё по кусочкам. Мы не хотим культурной автономии.

Фрицлер: Вы хотите убедить нас в том, что так должно всё остаться. Говорите об экономических трудностях – национальный вопрос должен стоять выше рублей. В отношении заселенности: я работал наркомом земледелия, я называю это болтовнёй. Это формальный подход, это не ленинское решение вопроса. Вы хотите отговорить нас от нашей цели. Я прошу вас как член партии, чтобы нас принял тов. Брежнев.

Винтер: Может быть, у вас есть справочник, где указано население города Красноярска. Там сейчас жителей в 10-15 раз больше, чем до войны. Поэтому рост населения на территории бывшей АССР НП не должен быть причиной отказа в её восстановлении.

Гаништейн: Почему для калмыков и других народов этот вопрос решили, а для нас нет?

Скворцов: Мы понимаем ваши желания, чувствуем вашу настойчивость. Вы хотите, чтобы этот вопрос был решен. Мы высказали мнение о трудностях, которые возникают при решении этого вопроса. Мы объективно доложим обо всём Правительству.

Грачёв: Есть ли у вас руководитель? Как ваша делегация была сформирована? Были ли собрания, кто вас уполномочил говорить от имени всего народа?

Шесслер: К Заявлению приложено 4000 подписей. В одних местах собирались подписи, в других люди в беседах высказывали желание, чтобы мы поехали.

Грачёв: Но как вы всё-таки представительны?

Штейнбах: Осенью, когда был семинар во Фрунзе по проработке Указа от 29 августа 1964 г., были разработаны мероприятия, которые нужно провести. Я принялась за организацию кружка художественной самодеятельности. Но нас обвинили в сектантстве, национализме. Мы всё-таки кружок организовали, выступали. И люди говорили нам: «Почему вы не ставите вопрос о восстановлении нашей республики?»

Шесслер: Вы хотите свести вопрос к тому, что нужно привезти 300 000 подписей? Мы привезём.

Грачёв: Нет, нам хотелось только узнать, насколько вы представительны.

Скворцов: Если проводятся собрания, то разжигаются страсти. По-партийному ли это? Можно было собраться просто, без подписей, и приехать. Ведь сути дела это не меняет и на решении вопроса не отразится. У меня просьба: не надо действовать так, чтобы разжигать страсти.

Шесслер: Но если бы у нас не было подписей, вы бы сказали, что мы самозванцы.

Скворцов: Нет, мы верим коммунистам. Делайте это так, чтобы не разжигать страсти.

Егоров: Вопрос серьёзный, нужно подойти к нему всесторонне. Всё, что вы сказали – от чистого сердца. Но есть ряд вопросов, которые нужно ещё изучить. Нам нужно доложить о встрече Центральному Комитету. Вопрос о национальных правах – они полностью соблюдаются; не всегда соблюдаются национальные особенности. Местные органы не всегда их учитывают. Но это можно практически решить сейчас. Чтобы кардинально решить проблему, вы ставите вопрос о восстановлении автономии. Нужно учитывать ряд обстоятельств: сложились экономические и культурные связи, немцы хорошо трудятся и выросли в настоящую жизнь. Нам нужно посмотреть, есть ли перенаселение или нет. Вы сами понимаете, что решение проблемы требует затрат.

Нам нужно их подсчитать. Эту работу дайте нам проделать, чтобы обстоятельно доложить ЦК КПСС.

Скворцов: Нужно всё продумать. Сказать, сколько времени для этого потребуется, не могу. Ответ может дать только Правительство и оно должно еще раз собраться.

Эндерс: Мы просим привлечь для этого представителей советско-немецкого населения.

Скворцов: Конечно. О приёме у тов. Брежнева – ведь он всё равно должен получить обстоятельную информацию.

Борнеман: Мы считаемся постоянной делегацией, как нам быть, ожидать ответа здесь или уехать? В июле должна приехать еще одна делегация.

Скворцов: Зачем ехать сюда? Нужно разъяснить людям, что это сейчас не нужно.

Дотиц: Когда мы организовывали уезды на Волге в 1918 году, мы собрали партийный комитет и решили, что присоединимся к Саратову. Я был послан в Москву, попал к Сталину, сказал ему, что мы присоединяемся к Саратову. Он взял меня за плечо и сказал, что есть ленинская национальная политика, мы не можем ее изменить. Почему же сейчас ее изменяют?

Об экономической стороне – а где же ленинская национальная политика? Здесь считаться с рублями нельзя. То, что создал Ленин, ревизии не подлежит.

Шесслер: Я всё-таки не понимаю. Мы не разжигаем страсти. Нас прислал народ, мы приехали не самовольно. Что же мы скажем людям, когда вернёмся? Что остаётся с тем, что было? Нам давно уже говорят, что вопрос рассматривается.

Скворцов: Прежде чем сказать, положительно или не положительно решится вопрос, нужно его хорошо изучить. Когда вы приедете, скажите, что вопрос будет рассмотрен в Правительстве и нужно ждать.

Штейнбах: Но ведь такой же разговор был в январе 1965 года.

Скворцов: Нам поручили разобраться и доложить.

Вельц: Я думаю, если вы доложите так, как вы нам объяснили, то республики не будет.

Скворцов: Мы доложим ваше мнение.

Франке: Я хочу, чтобы с нами поступили так, как с калмыками.

Кончак: Тут наблюдается какой-то бухгалтерский подход. Как вы лично относитесь к этому вопросу?

Скворцов: У вас много убедительных доводов, но вопрос сложный.

Розенталь: Мы приехали, чтобы честно и правильно проинформировать ЦК КПСС по данному вопросу. Мы хотим, чтобы нас хорошо поняли, доложили подробно Президиуму ЦК КПСС и решили этот давно назревший вопрос положительно.

Скворцов: Товарищи, давайте закончим нашу беседу. Мы всё передадим Центральному Комитету. До свидания.

Просматривая сегодня запись этой беседы, не можешь не обратить внимание на то, что никто из принимающих делегацию ответственных работников ЦК КПСС ни разу не задал ни одного вопроса членам делегации кроме как о её представительности. Наоборот, они, пусть и терпеливо, лишь выслушивали всех, а сами говорили только о трудностях,

связанных с решением нашей проблемы, как бы пытаюсь убедить нас в невозможности ее решения. Одновременно они полностью использовали уже наработанный арсенал «мер», которые можно применить для «решения» частных вопросов.

Возникает искушение и всю встречу оценить как очередную попытку свести всё к обещанию этих частных мер. Однако можно рассуждать и по-другому.

Чтобы отказать делегации в ее требованиях, не нужно было организовывать ее прием на уровне руководства ключевых отделов ЦК КПСС; достаточно было на уровне заместителя заведующего приемной Президиума Верховного Совета Копёнкина жестко заявить, что всего несколько месяцев назад одна делегация уже была принята на самом верху, и председатель Президиума Верховного Совета СССР четко изложил позицию руководства страны: республику восстановить невозможно, а меры по улучшению удовлетворения национальных запросов советских немцев будут разработаны. Больше вас никто не примет, так что поезжайте домой. Даём вам на это три дня. Если вы не хотите понимать человеческого языка, будут приняты другие меры и вас всех доставят домой. Но мы не советуем вам дожидаться такого развития событий... (Впоследствии именно так ведь и поступали с теми, кто вновь приезжал в Москву и пытался снова поднять этот вопрос).

Парработникам, принимавшим делегацию, не нужно было и задавать никаких вопросов: во-первых, они, без сомнения, знали каждое слово, сказанное нами на всех встречах первой делегации и на встрече у Копёнкина; во-вторых, мы сами высказали всё достаточно полно. Вполне можно поверить и тому, что прежде чем дать конкретный ответ на такой серьезный вопрос, тем более иной, чем дал в январе Микоян, и прежде чем говорить о встрече у Брежнева, вопрос должен быть детально изучен и ответ этот подготовлен. Причем ответ для встречи с первым руководителем страны должен быть подготовлен положительный – иначе не нужна и встреча.

Конечно, вся встреча проведена и в режиме проверки серьезности намерений делегации: не зря же здесь, как и на встрече у Копёнкина, отмечается, что делегация ставит вопрос более жестко и настойчиво; это, видимо, и не позволило принимавшим делегацию повторить тактику, использованную Микояном – на этот раз члены делегации как один говорили только о восстановлении республики, показывая, что имеющиеся трудности у советских немцев связаны именно с отсутствием у них республики.

И фразы о том, что есть немало трудностей в решении этого вопроса и что нужно его предварительно хорошо изучить, *что решение проблемы требует затрат, нужно их подсчитать, эту работу дайте нам проделать, чтобы обстоятельно доложить ЦК КПСС* и что Правительство должно будет еще раз собраться – эти заявления никак нельзя рассматривать как стремление уйти от поставленных делегацией вопросов. Даже вопрос о представительности делегации производит такое впечатление, будто работникам ЦК больше нужны были конкретные аргументы для информации вышестоящего начальства, чем для себя.

И еще один момент позволяет говорить о серьезности подхода к нашей проблеме. Дело в том, что в текст сделанной тогда записи беседы не вошло то, что когда официально беседа была закончена, она продолжалась еще минут тридцать, но уже стоя, группами, образовавшимися вокруг каждого из работников ЦК. И там они уже задавали вопросы. В той группе, в которой находился я, нам был задан такой вопрос: «А как вы смотрите на то, если создать автономию в другом месте?»

Надо ли говорить, какое значение имел этот вопрос для нашего будущего? Ведь если не решат восстановить республику на Волге, то мы не получим ничего, и народу остается только исчезнуть.

Но те, кто понимал серьезность этого вопроса и допускал такой вариант в случае невозможности иного, был связан обещанием и подписью вести речь *только* о волжском варианте. А те, кто об иных вариантах не допускал и мысли, ответили сразу и четко: нет, только Волга или вечная ссылка...

Обсудив состоявшуюся встречу, мы пришли к выводу, что нужно написать письмо тем, кто нас принимал в ЦК КПСС. Мы хотели, во-первых, еще раз зафиксировать основные моменты высказанной нами позиции по ряду вопросов, и во-вторых, еще раз подтвердить этим письмом нашу настоятельную просьбу о встрече с Брежневым. К тому же о такой записке просил и Егоров уже во время неофициального разговора.

Письмо это никогда не публиковалось и не цитировалось, о нем вряд ли кто вообще еще знает, поэтому приведу его также полностью.

**Центральному Комитету КПСС
товарищам: Скворцову, Егорову, Грачёву, Полехину**

***от делегации советских немцев, прибывшей в Москву
по вопросу о восстановлении АССР немцев Поволжья.***

Мы благодарим ЦК КПСС за деловой прием, который состоялся 15 июня с.г. и дал нам возможность высказать все чаяния и требования советских немцев, пославших нас в Москву. Мы надеемся, что этот прием явится началом конкретного и серьезного подхода к нашему вопросу.

Но 24 года, в течение которых этот вопрос не стоял в центральных органах, являются причиной нашего горячего и настойчивого стремления ускорить, приблизить положительное решение вопроса о восстановлении автономной республики немцев Поволжья.

Выполняя просьбу тов. Егорова, мы ещё раз кратко излагаем наше мнение по отдельным вопросам, возникшим в беседе, и пересылаем вам дополнительный материал, которым мы располагаем.

Несколько замечаний по отдельным вопросам.

1. Об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г.

Этот Указ имеет положительное значение. Он политически реабилитировал советских немцев, сняв с них все клеветнические обвинения в пособничестве германскому фашизму, признав их невиновными перед своей Родиной, но оставил наказание за снятые обвинения.

Кроме отдельных положений, не соответствующих действительности (как, напр., утверждения, что у советских немцев есть свои школы, много депутатов в Верховных и местных Советах), недостаток этого Указа ещё и в том, что он не отменил указы Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., 26 ноября 1948 г. и 13 декабря 1955 г. в части запрета советским немцам возвращаться на прежнее место жительства. Действие этих указов оставляет советских немцев неравноправными гражданами СССР, и поэтому правовые ограничения, содержащиеся в этих указах, должны быть как можно скорее отменены.

Мы хотим еще раз сказать, что отмена этих указов является лишь частью тех мероприятий, которые нужно осуществить для кардинального решения нашего вопроса.

2. Мы хотим ещё раз высказать свои опасения и выразить протест против склонности некоторых товарищей свести наш вопрос к отдельным мероприятиям в области культуры: создать в некоторых районах немецкие школы, увеличить тираж газет, число радиопередач, организовать издательство, художественную самодеятельность и т.д., т.е. свести всё к культурно-национальной автономии, против которой всегда выступали истинные марксисты и теорию которой разбил ещё Ленин.

Во-первых, претворить в жизнь эти мероприятия при существующей разбросанности советско-немецкого населения нет возможности, и все эти «мероприятия» будут фигурировать лишь на бумаге и в отчетах, ни в коей мере не соответствуя действительности.

Во-вторых, даже если бы всё это можно было осуществить, это не является решением нашего вопроса, это неприемлемо для марксистов, для коммунистов-ленинцев, это противоречит нашей Конституции, ленинской национальной политике и Программе КПСС.

Единственно возможным, единственно отвечающим требованиям и чаяниям всех советских немцев решением нашего вопроса может быть только восстановление нашей государственности – бывшей АССР немцев Поволжья. А остальные вопросы могут быть и будут решены лишь при решении нашего главного вопроса.

3. О заселённости территории бывшей АССР НП

В беседе мы уже приводили отдельные факты, говорящие о малочисленности сельского населения в районах бывшей АССР НП. Увеличение населения произошло только за счет расширения городов. Наши товарищи были во многих сёлах и районах, и мы еще раз приводим конкретные факты.

В бывших сёлах: Штрассбург – было 995 домов, осталось 200; Нойвеймар - было 260 домов, осталось 55; Вальтер - было 400 домов, осталось 36; Франк - было 800 домов, осталось 42; Деготт - совершенно разрушено; Зеевальд - осталось 40 домов. И такова картина почти на всей территории бывшей АССР НП. О малонаселенности районов Поволжья свидетельствует и факт существования в Волгограде пункта по переселению.

4. Об экономических затратах.

Мы считаем, что в таком важном государственном акте как восстановление подлинного равноправия двух миллионов человек, имеющем большое политическое значение, экономическая сторона вопроса не должна быть решающей. Но поскольку речь на приёме всё-таки зашла об экономике, мы хотим ещё раз выразить по этому вопросу нашу точку зрения.

а) Мы твёрдо убеждены в том, что затраты, необходимые для восстановления АССР НП, окупятся в течение нескольких лет. Советские немцы любят трудиться и трудятся хорошо. Они горячо примутся за восстановление своего хозяйства и в ближайшее же время начнут приносить государству доход.

б) Среди советских немцев большое число высококвалифицированных работников сельского хозяйства, механизаторов. Своим трудом они восстановят не только сельское хозяйство своей республики, но и окажут братскую помощь соседним областям и районам, способствуя их скорейшему развитию.

в) Районы Поволжья, являющиеся сейчас районами в основном зерновыми, превратятся в высокоразвитые районы с многоотраслевым сельским хозяйством, способствуя более полному удовлетворению потребностей в сельскохозяйственной продукции близлежащих и центральных районов страны.

г) Такой политический акт, как восстановление государственности советских немцев и, следовательно, их полная реабилитация, восстановление их подлинного равноправия, вызовет огромный трудовой подъем и у тех советских немцев, которые не пожелают ехать на Волгу.

Таким образом, кратковременная помощь, которую нужно оказать для восстановления АССР НП, не только не приведёт к неоправданным издержкам, но очень скоро полностью окупится и будет способствовать быстрейшему развитию многих регионов Поволжья.

5. Чтобы ускорить и облегчить решение проблем, связанных с восстановлением АССР НП, мы считаем необходимым образовать организационный комитет и включить в него представителей советских немцев. Это предупредит многие трудности, которые возникнут при восстановлении республики на Волге.

6. Мы считаем, что наш внутренний вопрос о восстановлении АССР НП ни в коей мере нельзя связывать с ГДР и тем более с ФРГ.

7. Мы ещё раз настаиваем на том, чтобы нашу просьбу о приёме передали тов. Брежневу.

Москва, 17 июня 1965 г.

Подписи членов делегации.

Приложения:

1. Коллективные письма с подписями 608 советских граждан немецкой национальности в дополнение к подписям, приложенным к Заявлению от 8 июня 1965 г.

2. Переписка советских граждан Грефенштейн, Шютц и Райс с органами власти (на 15 листах).

5. Прием у Микояна

*(Глава Советского Правительства – «не марксист
и даже не демократ...»)*

Время шло, ответа по существу наших обращений и заявлений всё не было. С одной стороны, мы понимали, что быстрым ответом может быть только отрицательный ответ; с другой - у членов делегации заканчивались отпуска и деньги, неясно было, сколько еще ждать, и никаких больше встреч и приёмов тоже не было. Часть делегатов вынуждена была уехать, им на смену приехали новые, среди них и получивший, наконец, преподавательский отпуск И.Варкентин. Его приезд вызывал обоюдную настороженность, но всё обошлось: содержанием проведенных встреч и документов он тоже мог быть доволен, если не считать исключенности других территориальных вариантов; но и тут неизвестно, что лучше: стоять в своих требованиях твердо на одном,

положенном «по закону», или дать властям возможность избежать принятия решения по основному варианту и утопить затем всё в бесконечных согласованиях с регионами других вариантов.

Между тем финансовый вопрос, по крайней мере, у алма-атинской группы, всё больше обострялся (Варкентин перед нашей поездкой даже продал аккордеон своего сына, чтобы набралась необходимая на первый случай сумма). Красноярцы в этом отношении были лучше подготовлены к длительному пребыванию в Москве, но желания поддержать других не выражали. В редакции ситуация эта тоже была известна, и заведующий отделом пропаганды В.Полянский, который курировал и литературную страницу, и культуру, и детскую полосу – предложил мне написать что-нибудь для газеты, чтобы у редакции было основание поддержать «голодающих немцев Поволжья». За пару вечеров я написал свой первый рассказ – «Дом для тебя», который сыграл большую роль в моей дальнейшей судьбе. Рассказ в редакции понравился, и мне авансом выплатили хороший гонорар, позволявший еще пару недель прожить в Москве и приобрести к тому же обратный билет...

В конце месяца мы решили напомнить о себе – всё слишком, на наш взгляд, затянулось. 30 июня мы дали А.И.Микояну еще одну телеграмму, следующего содержания (публикуется тоже впервые).

Москва Кремль
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
товарищу Микояну Анастасу Ивановичу

от делегатов советских немцев посланных
для вторичного ходатайства перед ЦК КПСС
и Президиумом Верховного Совета СССР
о восстановлении АССР НП

ЗАЯВЛЕНИЕ

В течение месяца мы находимся в Москве о нашем вопросе мы доложили ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР но до сих пор не получили ещё ответа мы ещё раз настаиваем на том чтобы Вы лично приняли нас по вопросу о восстановлении Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья и полной реабилитации советских немцев

30 июня 1965 года

Москва

Подписи – Шесслер Борнеман Кайзер Вельц Лерх Вормсбехер ГФ
Варкентин Хромова Сиптиц Фогель Штейнбах Гинц
Вормсбехер ГГ

(Знаков препинания в тексте нет, потому что их не было в телеграмме – чтобы сэкономить деньги).

По этому списку уже видно, что нас оставалось немного. Сможет ли кто-нибудь еще подъехать? Мы решили также попытаться найти в Москве, кто мог бы присоединиться к нашей делегации. Связались ещё раз с Александром Дотцем, старым большевиком (ему было за 80, в январе он не смог быть с нами по состоянию здоровья), первым председателем городского Совета в Маркштадте; он согласился, если будет прием и здоровье позволит, пойти с нами. Разыскали в Подмосковье в Доме старых большевиков

Анну Пауль-Хорст, комсомолку 20-х годов, бывшего ректора Немпединститута в АССР НП. Она оказалась совсем не старой – ей тогда было лет 65, с короткой стрижкой времен ее комсомольской юности, но вся седая - она тоже прошла годы репрессий. Несмотря на пережитое, она сохранила удивительный заряд энергии и жизнелюбия. Позже о ней писали, что, будучи ректором, она, почти не отличаясь по возрасту от своих студентов, страстно играла с ними в волейбол и вообще была среди них «своя».

Она быстро со всеми перезнакомилась, говорила громко – видимо привыкла, что ее слушали; мне она предложила пойти с ней в воскресенье на знаменитое Новодевичье кладбище, она хотела посетить там чью-то могилу. По дороге она много рассказывала, в том числе о своей комсомольской юности, как она ездила по сёлам, проводила митинги иногда по два-три в день, выступала, агитировала всех «За мир без аннексий и контрибуций!», хотя сама тогда не знала, ни что такое аннексия, ни что такое контрибуция – но было задание, надо было выполнять. На Новодевичьем она запомнилась мне еще и тем, что у могилы Маяковского, постояв, вдруг прочитала вслух его стихи:

*Мне и рубля не накопили строчки.
...И кроме свежесвымытой сорочки,
Скажу по совести, мне ничего не надо.*

Видимо, Маяковский был в пору ее юности идейным примером для многих из ее поколения, и бесребренничество было в те голодные годы не только неизбежностью, но и моральной нормой. А может быть, скудная жизнь требовала иногда и весомых аргументов для ее оправдания – иначе вряд ли она запомнила бы эти строчки. (Позже, уже в 2001, приехав пораньше на Новодевичье кладбище, чтобы посмотреть, насколько подготовлена там могила для похорон академика Б.В.Раушенбаха, я сходил и к могиле Маяковского, погузвившись в то далекое уже время).

Решили мы также попытаться через газеты и журналы добиться какой-нибудь публикации о проблемах советских немцев. В частности, мы с Варкентиним сходили в редакцию популярнейшего тогда журнала «Новый мир», нас приняла Г.Койранская, очень красивая женщина лет 40, сотрудница отдела критики, который возглавлял блистательный В.Лакшин. Она встретила нас очень просто, предложила нам кофе, тепло поговорила с нами, потом отвела к заместителю главного редактора А.Кондратовичу. Выслушав нас, тот сказал, что редакция сама выступить по такому вопросу не может, но если у нас есть что-то подходящее для публикации, пусть и художественное произведение, то журнал готов помочь. У нас, конечно, ничего не было, и договорившись, что когда будет что-то написано, мы это пришлем, мы расстались.

Проходя мимо раскрытого кабинета главного редактора, А.Твардовского, мы были поражены его маленькими размерами: там от силы было 6 кв. метров. И это в таком журнале, у такого известного советского поэта! Даже у главного редактора «Нойес лебен» кабинет был раза в три больше.

(Через четыре года мне еще раз пришлось побывать в «Новом мире» и встретиться с Г.Койранской. Я тогда внимательно следил за смертельной схваткой между «Новым миром» и «Октябрём», был, естественно, на стороне «Нового мира», протестная позиция и аргументы которого мне казались гораздо убедительнее. И когда в «Октябре» был опубликован очерк Елены Микулиной, знаменитой еще тем, что одну из ее первых публицистических работ поддержал сам Сталин, - очерк, направленный против набиравшего тогда популярность и противников А.Солженицына, я попытался в форме рецензии-памфлета показать несостоятельность аргументов Е.Микулиной. Койранская прямо при мне прочитала рецензию, сказала, что «это написано в нашем духе», и хотя журнал и упрекают в тенденциозности, она будет готовить её к публикации. Однако публикация так и не состоялась: вскоре в полемику между журналами вмешался ЦК, и

цензура ничего подобного уже просто не пропускала. Даже в институте, когда я предложил декану в качестве темы моей дипломной работы «Полемика между «Новым миром» и «Октябрем»: убедительность аргументов», то встретил резкий отказ: «Нам только этого ещё не хватало!». Времена настали другие...)

6 июля нам стало известно, что 7-го нас примет Микоян. Мария Фогель после обеда передала куда-то по телефону, диктуя по буквам и волнуясь, список фамилий членов делегации. Ответственный секретарь газеты Н.Федоров поздравил нас с ожидавшимся приемом, но в этом поздравлении что-то не ощущалось той искренней радости, которая была перед приемом в ЦК. Случайность? Или усталость от нашего длительного пребывания в редакции? Или что-то уже известно?..

На следующий день было очень жарко, а прием был назначен на 14 часов. Вдобавок трехуровневая транспортная развязка у Савеловского вокзала напротив редакции тогда только еще строилась, и всё движение в тот день было перекрыто. Поэтому нам пришлось идти пешком по раскаленной улице Новослободской, а путь наш лежал до Кремля, и со стороны мы производили, наверное, очень необычное впечатление. Нас было 19 человек; мужчины, несмотря на жару, были в костюмах и галстуках; выглядели мы явно не по-московски.

Но центральной фигурой в нашей растянувшейся веренице был, конечно, Шесслер – на костылях, в своей серой, навыпуск, местами тёмной от пота, рубашке, с блестящим лысым черепом и спокойным упорным взглядом чуть исподлобья детски чистых, ясных, не знающих сомнения, голубых глаз. Еще двое наших держали под руки с двух сторон престарелого А.Дотца, которому вряд ли было легче идти, чем Шесслеру. И только один среди нас не выделялся в московской толпе, но зато выделялся в нашей группе – это сотрудник «Нойес лебен» Курт Видмайер, который тоже подключился к делегации: он был в изрядно мятых брюках, клетчатой рубашке с короткими рукавами и в сандалиях на босу ногу.

Когда мы прошли уже через Спасскую башню в Кремль и, повернув направо, оказались перед высоким металлическим забором, где у калитки началась еще одна проверка наших документов, обнаружилось, что с нами прошел в Кремль какой-то лишний молодой человек, которого тут же куда-то увели. Видмайер тоже вызвал большое подозрение у охраны, и только когда мы единодушно подтвердили, что он действительно с нами, его пропустили дальше.

Нас привели всех в очень большой кабинет, предложили сесть за длинный стол, стоявший ближе к стене с окнами. Мы расселись, за нами вдоль стен сели несколько плечистых молодых людей, нам незнакомых. Наступила напряженная и почему-то тревожная тишина. Неужели нам могли еще раз назначить прием у Микояна, чтобы вторично сказать «нет»?!

В этой гнетущей тишине вдруг раздался громкий голос А.Пауль-Хорст: «Не робей, ребята! Mir welle polutschaje, was uns polagajetse!». Поняли ли сидящие за нами, почему вдруг все не очень весело засмеялись?

Вскоре зашел тот, кто должен был нам объявить дальнейшую судьбу нашего народа. Сухонький, серенький, он просто и спокойно поздоровался и сразу перешел к делу. Во время всего разговора он ни разу не присел – всё ходил по кабинету: подражание Сталину или просто естественная потребность в движении при малоподвижной работе? С ним вошло еще несколько человек, которые заняли места за столом, стоявшим поперек нашего длинного стола.

Далее – *Сокращенная запись состоявшейся беседы.*

Микоян: *Здравствуйте, товарищи. Кто желает высказаться?*

Шесслер: *Анастас Иванович, нового я ничего не расскажу. Из наших писем вам уже известно, что мы неоднократно обращались в Президиум Верховного Совета и ЦК КПСС по вопросу о восстановлении АССР НП. Конкретных ответов нет. Были ответы, что время не настало, что сейчас нецелесообразно и т.д. Считаю эти ответы необоснованными.*

Несмотря на то, что издан Указ, которым обвинение с нас снято, наказание всё-таки осталось, т.к. в действии остались предыдущие указы, и в основном потому, что наша автономия не восстановлена. Мы понимаем, во время войны было не до этого, но сейчас дальше нельзя допускать такого положения. Нам говорят, что у нас не стало территории. Я не могу с этим согласиться. Наша территория, освоенная с 1764 года, окупалась нашей кровью. Наши предки заплатили за неё выкуп 4 миллиона рублей. Надо вспомнить, что в 1918 г. мы вместе с другими народами, вместе с русским народом воевали за Советскую власть. Мы составили не один полк, а дивизию. При Советской власти земля была передана нам по государственному акту, значит, у нас была территория. В отношении того, что теперь территория заселена, хочу сказать, что сельские районы заселены на 25-30%. Большинство сёл разрушено. Нам говорят, что население там увеличилось, но это увеличение произошло за счёт роста городов.

Думаю, наш вопрос должен быть сегодня решен. Хотелось бы, чтобы его не сводили на монеты, чтобы он был решен объективно, чтобы была восстановлена республика и отменены порочащие нас указы. Другое нас не реабилитирует. Нам иногда говорят о восстановлении республики в других местах, не на Волге. Это не будет реабилитацией.

Наша Конституция за нас, Программа КПСС за нас. Республика немцев Поволжья должна быть восстановлена. Только такой шаг может избавить нас от позора и недоверия. Ведь на местах до сих пор говорят: если бы за вами не было грехов, к вам бы Правительство относилось иначе.

Борнеман: *Я из Волгоградской области, из Котово.*

Микоян: *Сколько там немцев сейчас живёт?*

Борнеман: *Семьдесят... Я сегодня не буду говорить о том горе, которое советские немцы пережили за 23 года. Мы приехали, чтобы поставить вопрос о восстановлении нашей незаконно ликвидированной республики и отмене указов. Правда, Указ от 29 августа 1964 года частично отменил Указ от 28 августа 1941 года, но почему он не отменил и другие указы? Согласно закону, если снимается обвинение, то снимается и наказание. Реабилитация означает не только восстановление чести, но и прежнего положения, т.е. должна быть восстановлена республика на Волге и национальное равновесие.*

В Указе от 29 августа 1964 года местным властям предлагается оказывать немцам поддержку в культурном и хозяйственном строительстве. Но наш вопрос может решить только Президиум Верховного Совета. В Указе говорится, что немцы укоренились на новых местах жительства. Получается, что калмыки и другие кавказские народы, которые не могли «укорениться», получили опять свою автономию, а немцам, которые хорошо трудились и «укоренились», запрещают возвращаться в родные места. Наш народ очень недоволен, что Указ не опубликован в русских газетах. Когда мы были здесь зимой, мы прочитали Указ в немецкой газете из ГДР, а нашей немецкой газете не разрешали печатать этот Указ. Мы хотим, чтобы люди знали правду о советских немцах.

В отношении территории. Ленин, когда подписал декрет в 1918 году, учёл, что поколения немцев жили там, освоили эти земли, участвовали в войнах, защищая Россию. Земля была передана немцам по государственному акту. А теперь нам говорят, что у нас нет территории. Хочу вспомнить слова Ленина, который сказал: «Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признаёт и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнётом и неравноправием». Эти золотые слова прямо направлены против тех, кто утверждает, будто у советских немцев нет территории.

(Надо отметить, что это был очень жесткий выпад: ведь не только мы все знали, но и Микоян не мог забыть, что в январе именно он на приеме первой делегации мотивировал отказ в восстановлении республики тем, что у советских немцев якобы нет своей территории. И сказать ему теперь, да еще «золотыми словами Ленина», что он не только не марксист, но даже не демократ, могло быть воспринято им как прямое оскорбление. Однако не поэтому, конечно, отказал он нам и во второй раз...)

Вормсбехер: *До войны республика немцев Поволжья была одной из самых передовых республик как в хозяйственном отношении, так и в области культуры. А что у нас имеется теперь? У нас всего две газеты, нет ни одной школы. Такого положения не было у немцев и в царской России.*

Все народы Советского Союза имеют свою государственность, только советские немцы не имеют её. Закономерно возникает вопрос: являемся ли мы советским народом? Мы – советские люди, и мы не хотим, чтобы нас смешивали с западными немцами. Согласно Конституции СССР мы имеем право на автономию. Почему же ее у нас нет? Почему в отношении всех советских народов соблюдаются положения ленинской национальной политики, только в отношении советских немцев они нарушаются? Выходит, в ленинское учение нужно внести поправку: все нации равноправны, кроме советских немцев?

Мы не можем совместить положение советских немцев ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с Программой КПСС.

Дотц: *Я один из организаторов республики немцев Поволжья. Мы создавали её в трудных условиях. Вы знаете тогдашнее положение. Очень тяжело было с продовольствием, продовольственный вопрос становился главным. И мы очень много помогали (Центру) хлебом. Мы выполняли все приказы о продовольствии, и выполняли досрочно. Нам не нужно было применять силу, чтобы собирать хлеб. Достаточно было написать только записку, и люди отдавали всё. Была высокая дисциплина. Мы принимали участие и в гражданской войне. Были организованы целые полки. Немцы очень активно участвовали в установлении Советской власти, а теперь они лишены автономии. Я прошу восстановить республику немцев Поволжья.*

Кайзер: *Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года огульные и вымышленные обвинения всех советских немцев в пособничестве фашистским захватчикам, предъявленные им клеветническим Указом от 28 августа 1941 года, сняты и отменены. Узнав об этом, советские немцы радостно всколыхнулись. Нам говорят, что советские немцы политически полностью реабилитированы. Но какая это реабилитация, когда русские, украинцы и все народы нашей страны об этом ничего не знают, когда в центральных, республиканских, областных газетах об этом Указе от 29 августа 1964 года ничего не сказано, как это было сделано при реабилитации ранее также невинно репрессированных чеченцев, ингушей, калмыков и других народов.*

Указом от 29 августа 1964 года все тяжкие обвинения с советских немцев Поволжья сняты и отменены, все тяжкие наказания за них полностью оставлены в силе. Этими незаслуженными наказаниями являются: упразднение самоуправления, т.е.

национальной государственности АССР немцев Поволжья; три порочащих советских немцев указа: часть вторая Указа от 28 августа 1941 г. в части насильственного выселения советских немцев Поволжья; от 26 ноября 1948 г. о вечном переселении из родных мест с наказанием их каторжными работами до 20 лет, если они покидают места поселения; и от 13 декабря 1955 г. о запрещении советским немцам возвращаться в родные места, откуда они невинно выселены, и о конфискации их общественного и личного имущества. Таким образом, Указ от 29 августа 1964 г. в национально-неравноправном положении ничего не изменил.

Элементарная логика нам подсказывает, что невинных не наказывают. Поэтому для полной реабилитации всех советских немцев и восстановления их полного национально-политического равноправия наравне со всеми нациями и народами СССР просим: восстановить нашу незаконно ликвидированную АССР НП на Волге, где она была в 1918 г. создана великим Лениным; полностью отменить порочащие и невинно наказывающие советских немцев три указа: от 28 августа 1941 г., часть вторая, от 26 ноября 1948 г. и 13 декабря 1955 г. Только восстановлением нашей национальной государственности АССР НП и полной отменой вышеуказанных указов могут быть восстановлены грубо нарушенные в годы культа личности Сталина принципы ленинской национальной политики.

Утверждение в части второй Указа от 29 августа 1964 г., что советские немцы в новых местах жительства укоренились, что они якобы нашли там вторую родину, не соответствует действительности. Это не соответствует чаяниям и горячим стремлениям советских немцев вернуться в родные места, откуда они были невинно выселены. Насильственным изгнанием люди не укореняются.

Великий русский писатель Л.Н.Толстой сказал: «Я себе не мыслю своей родины без Ясной Поляны», а мы, советские немцы, не мыслим себе своей родины без берегов родной Волги и места, откуда мы насильственно выселены. Поэтому мы говорим: «наша родина там, где любят нас и верят нам». Но в созданном уже в течение 24 лет для советских немцев национально-неравноправном и опороченном положении не проявлены ни любовь, ни доверие к ним, а наоборот, неуважение и политическое недоверие к ним. Иначе с них сняли бы без особых индивидуальных и массовых ходатайств незаслуженные наказания.

Создание же где-либо в новых местах жительства (в Казахстане, на Алтае и др.), т.е. в местах ссылки, АССР для советских немцев было бы не реабилитацией, а вечным изгнанием и ссылкой всех их потомков. Национального равноправия наравне со всеми гражданами СССР у советских немцев нет, потому что они лишены своего национального государства – АССР НП, которая стала бы снова в случае её восстановления культурным центром для всех советских немцев.

В связи с преднамеренной разбросанностью мелкими группами во многих областях СССР, лишением национальной государственности, советские немцы не могут иметь своих депутатов в Совете Национальностей и Совете Союза. По этим причинам мы лишены своего национального, культурного и экономического развития и обречены на исчезновение как национальность.

Территория для восстановления АССР немцев Поволжья на Волге есть. Она освоена в вековом тяжком и честном труде нашими предками. Она нам дана Великой Октябрьской революцией, где немцы Поволжья установили Советскую власть, где Лениным 19 октября 1918 г. была создана первая в РСФСР немецкая автономия. Эта территория по государственному акту на вечные времена была передана колхозникам немцев Поволжья. Поэтому мы еще раз просим восстановить нашу АССР НП и полностью отменить порочащие всех советских немцев вышеперечисленные три указа. Только после этого советские немцы могут чувствовать себя равноправными гражданами СССР и полностью реабилитированными.

(Это выступление – пример того, как нулевой информацией может быть отнято очень много времени. Нулевая информация – потому что практически всё, что сказал Кайзер, было уже сказано другими более коротко, или представляло собой избыточную информацию. Слушал ли вообще Микоян, если не прерывал этот монолог? Или его тактика была дать высказаться всем, а потом сообщить уже принятое решение?)

Вельц: *Люблю Россию, знайте, немцы-братья,
И пусть я немец, сотни тысяч раз
Труд, сердце, песню – всё готов отдать я
России, каждый день и каждый час!*

Это гимн Стране Советов, который я написал, это чувства всего нашего народа, а не только мои чувства.

Мы жили на нашей территории 200 лет. У нас были все признаки нации. Но мы должны были оставить эту территорию. Республика наша была ликвидирована. Из 48 лет Советской власти немцы 24 года живут в неравноправном положении. У нас было 11 депутатов в Совете Национальностей, 3 в Совете Союза. У нас было 5 вузов, 400 средних и начальных школ, национальный театр, издательство, 5 республиканских и около 20 районных газет и журналов. А теперь у нас нет ни одной школы.

Микоян: *Школ нет? (Какой многозначный вопрос!)*

Вельц: *Ни одной. За все годы мы могли добиться выпуска лишь одной книжки на немецком языке. Мы имеем одну газету в Москве, но там не работают немцы, им не доверяют. (Имеется в виду «Нойес лебен», корреспондентом которой в Целинограде работал поэт К.Вельц. Эта фраза сыграла потом большую роль – через 7 лет в газете работало уже поровну треть русских, треть евреев и треть советских немцев).*

Есть такие философы, которые связывают нас с границей. Мы – советские немцы. Хотя нам и не разрешили воевать, но из тех немногих немцев, которые всё-таки были на фронте, у нас два Героя Советского Союза. (Позже, когда об участии советских немцев в войне уже удавалось что-то опубликовать, постепенно выяснилось, что Героев у нас не меньше 11, в т.ч. партизаны, разведчики, подпольщики и те, кто воевал под чужим именем, потому что немцев с фронта к концу 1941 года согласно приказу всех сняли и направили в трудармию).

Мы не можем понять, почему в большой семье советских народов только немцы находятся в неравноправном положении.

Анастас Иванович! Длинных речей держать неудобно. Но поймите нас – мы всё стерпели. Есть семьи советских немцев, которые были переселены по 6-8 раз. Было время, когда на партсобрания нас водили под конвоем. Но никто не может истребить в нас нашу великую веру в нашу Партию. Мы хотим, чтобы восстановили то, что было. Единственно правильным решением нашего вопроса может быть только восстановление АССР НП и отмена всех дискриминирующих нас указов.

Берш: *Не думайте, Анастас Иванович, что восстановления республики хочет только какая-то группа людей, интеллигентов. У нас есть с собой подписи, и если бы нужно было, мы довели бы их число до миллиона. Решить нашу проблему нужно именно сейчас, не только потому, что мы этого хотим, - это и в интересах Советского государства, и советские немцы заслужили это. Несмотря на такие репрессии и гонения, которым подвергались советские немцы, они не потеряли веру в Партию и Правительство.*

Хочу сказать несколько слов о положении на Волге. От вас был направлен человек на Волгу. Судя по приёму у тов. Копёнкина и в ЦК, я сделал вывод, что он неправильно информировал вас. Я с левобережья Волги. Там очень много сёл разрушено и почти не

заселено. О малочисленности населения там свидетельствует факт существования в Волгограде переселенческого отдела. Но те, кто приезжает туда, быстро уезжает опять. Если так восстанавливать хозяйство, нужно еще 100 лет. А мы за несколько лет восстановили бы всё. До сих пор немцев не прописывают на Волге.

Микоян: Разве не прописывают? (Проверенный способ перевести опять разговор на частные вопросы? Ведь не мог Микоян, которому об этом говорили в январе и который обещал разрешить прописку на Волге, что так обрадовало тогда делегатов, не знать, что ничего так и не было сделано. И даже если бы он забыл, о чем была речь в январе, эти вопросы везде поднимала и вторая делегация, и, готовясь к встрече с нами, он не мог не быть проинформирован об этом).

Берш: Нет. Еще раз прошу учесть всё это. Не будьте безразличными к нашей проблеме.

Хромова: Дорогой Анастас Иванович! Я мать, у меня есть дети, и я отношусь к ним одинаково. Партия и наше Правительство – наша мать, наш отец. Они не имеют права относиться по-разному к своим детям. Но вы относитесь к нам как к пасынкам. Мы же ваши, и мы пришли вам напомнить, что мы не можем дальше жить неравноправными гражданами. Мы верим в свою Партию и Правительство, верили и в те тяжкие годы, когда нас хотели сделать предателями на бумаге, но мы ими не стали и никогда не станем. Мы стойко перенесли все репрессии и лишения.

Наш внутренний вопрос давно надо было решить. Ни в коем случае нельзя смешивать его с внешним международным вопросом. Только восстановление ленинских норм национального равноправия будет правильным решением этого вопроса. Мы не можем вступать в коммунизм с разными национальными правами. Мы просим восстановить республику советских немцев на Волге, созданную великим Лениным. На нашей стороне Конституция, Программа партии и ленинские принципы национального равноправия. Никто не имеет права ими пренебрегать. Чем мы хуже всех остальных, здесь сидящих? Чем? Почему вы продолжаете нас обижать, почему живы еще все пункты указов, наказывающих нас, когда мы ни в чём не провинились?

Микоян: Обижают? (Из этого вопроса можно заключить, что слушал он действительно не очень внимательно). Какие у вас факты?

Хромова: Одному из наших членов делегации, уехавшему уже домой – закончился отпуск – сейчас предлагают отказаться от своего святого стремления восстановить АССР НП. В противном случае будет уволен с работы. Преподавателя Руль из Новосибирской области таким же образом обрабатывают. То немногое, что обещано в Указе от 29 августа 1964 г., на местах не выполняется. Нас обвиняют в национализме, но националист не тот, кто вынужден требовать свои национальные права, а тот, кто их отнимает, кто их нам не даёт. Не может быть подлинного гражданского равноправия без национального равноправия.

Мы верим: ленинские национальные принципы будут восстановлены, это будет восстановление автономной республики советских немцев на Волге.

Варкентин: Вы предлагаете назвать конкретные примеры дискриминации. Но перечислить отдельные случаи дискриминации всегда рискованно.

Микоян: Здесь никакого риска нет. (Опять это однолинейное восприятие многозначных слов. Может быть, это типично для высоких государственных деятелей, привыкших к тому, что высказывания должны иметь только одно конкретное значение? Или это всё тот же приём увода разговора в сторону? Или общие рассуждения о справедливости ему, знающему, с чем он к нам пришел, уже скучны, и он хочет услышать что-то поинтереснее?).

Варкентин: Извините, Анастас Иванович, я не в том смысле. Рискованно это потому, что, сколько бы ни называлось конкретных фактов, они всегда могут быть восприняты как единичные, нехарактерные случаи. Как печальное исключение.

Микоян: Назовите несколько типичных примеров.

Варкентин: Пожалуйста. Алма-Ата, октябрь 1964. Молодой человек сдаёт вступительные экзамены в аспирантуру. В комиссии 4 профессора. Вопросы: «Вы немец? А ваш отец был фашистом? А посылки из ФРГ он получает?». Один из членов комиссии уговаривает коллег не задавать подобных вопросов, но без особого успеха.

Другой пример. Город Ош, Киргизия. Июль 1964. В ответ на просьбу некоторых немецких товарищей как-то отметить 200-летний юбилей жизни наших немцев в России в горкоме партии раздаются обвинения в шовинизме и угрозы увольнения с работы.

Декабрь 1964, Фрунзе. Такие же угрозы в адрес Хромовой и ряда других товарищей за подготовку к поездке первой нашей делегации в Москву. По этому же поводу серьёзные предупреждения в Алма-Ате.

Май 1965, Барнаул. Сносу подлежит старый барак. Все спокойно ждут переселения в новый дом. Только за одной немецкой семьей приезжает машина, чтобы перевезти ее в другой барак. Дочь на работе. Несмотря на протесты старухи, вещи насильно грузят и увозят.

Апрель 1965, Кантский район, Киргизия. У учительницы Ган изъяли подшивку с ленинским декретом об образовании АССР НП и другими официальными документами и пригрозили снять с работы.

Июнь 1965, Фрунзе. Учитель Гертель снят с работы за участие в первой делегации и подготовку к поездке второй.

Июнь 1965, Караганда. Шахтёру Гаништейну по возвращении из Москвы, где он участвовал во второй делегации, угрожают увольнением с работы.

Эти несколько фактов, хотя касаются отдельных лиц, порождены определённой политической атмосферой. А вот как создается атмосфера.

Года три тому назад в «Казахстанской правде» появилась статья «Убийца или убийцы?».

Микоян: Расскажите об этой статье поподробнее.

Варкентин: Южный Казахстан. Немец-шофёр везёт с поля школьников. На железнодорожном переезде глохнет мотор. Поезд на полном ходу сбивает машину. Убитые, искалеченные. Шофёр и учительница в кабине чудом уцелели.

Микоян: Это могло случиться и с русским или казахом.

Варкентин: Конечно, но статья называется «Убийца или убийцы?». В ней целый рад немецких фамилий. Это члены какой-то секты. Итак, коллективно задуманное убийство? Ничего в статье не доказано. Существует ли в природе секта, промышляющая детоубийством? Был ли этот шофёр вообще сектантом? Хотел ли он покончить жизнь самоубийством? И т.д.

Статья эта через столько-то месяцев, кажется, была осуждена, но ни один читатель ничего об этом не узнал. А автор «упал вверх по лестнице» – получил повышение. Будучи уже редактором республиканской газеты, напечатал статью «Набат» с подзаголовком «памфлет». Смысл этих двух слов ясен без комментариев. Автор разыскал во всём Казахстане четырёх старух, получающих из ФРГ пенсию за мужей, которые когда-то служили в фашистской армии. Явление безобразное, мерзкое,

и сами дети этих женщин гневно осуждают такое недостойное поведение. Но как написан этот «Набат»! Какая ненависть нагнетается во вступительной части, и как рядовому читателю отличить правых от виноватых!

Ещё один пример общего характера. Совсем недавно Министерство просвещения Казахстана разослало всем отделам народного образования циркуляр о возможности создания немецких школ по желанию родителей. Есть в этом документе такие слова: «Учитывая, что в Советском Союзе нет вузов с преподаванием на немецком языке...» Директора, конечно, ухватились за эту фразу, т.к. они против таких школ. В ход пускались даже самые негодные средства и аргументы. В результате, видимо, целый миллион казахстанских немцев единодушно откажется от создания подобных школ. Не позор ли это?

История народа – это не только его далёкое прошлое. Это и сегодняшний день его, и судьба в грядущем. От нынешнего состава ЦК партии, от нынешних членов Правительства и в значительной степени и от вас лично зависит, быть или не быть советско-немецкому народу. Вы знали Ленина лично, и мы вас знаем как крупного государственного деятеля. Если своим активным содействием вы поможете положительному разрешению нашего вопроса, в сердцах двух миллионов людей ваше имя навеки сохранится рядом с нетленным именем Ильича.

(Тут надо сказать, что когда мы надеялись еще на встречу с Брежневым, главный редактор «Нойес лебен» как-то выразил мнение, что если эта встреча состоится, не помешает, если будет сказана фраза типа той, которой завершил свое выступление Варкентин. Потому что Леонид Ильич не очень возражал, чтобы его ассоциировали с Владимиром Ильичом не только из-за одинакового отчества. Но встречи с Брежневым не получилось, и заготовленная фраза прозвучала для более равнодушных ушей).

Микоян: Думаю, высказываний было достаточно. Советские немцы вели себя хорошо во время войны, после войны, и ведут себя хорошо сейчас. Они хорошо работают. Сейчас в Целинном крае (тогда ряд областей Северного и Центрального Казахстана) без немцев вести сельское хозяйство невозможно.

У вас есть депутаты. В Верховном Совете Беккер. (Александр Беккер, тракторист, Герой Социалистического труда с Целины. Был избран, естественно, не как немец и не как представитель советских немцев, от которых он старался, по многим свидетельствам, затем дистанцироваться, а как Герой и как тракторист). Конечно, этого мало, теперь будет увеличено их число.

Указы публикуются в «Ведомостях», ведь Указ от 28 августа 1941 г. тоже не был опубликован в газетах. (Указ был опубликован как минимум в республиканских газетах АССР НП «Нахрихтен» на немецком языке и «Большевик» на русском языке). Полная реабилитация немцев есть. Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Мы хорошо понимаем, что это было бы лучшим решением вашего вопроса. Но это невозможно, т.к. нужно взять полмиллиона человек и переселить их.

Нельзя считать, что немцы не могут жить без республики. Ведь две трети немцев до войны жили не в республике (Опять неточность: за пределами АССР НП проживало более, чем три четверти немцев.) и жили хорошо. Мы не можем сейчас восстановить республику. Это связано с большими трудностями. Не всё исправимо, что допущено в истории. Что касается школ, газет – этого, конечно, мало. Будем создавать самодеятельность, издавать газеты, создавать школы.

Вас никто не смешивает с западными немцами, вы – советские граждане и имеете право на газеты, школы. О том, что намечается сделать, будут говорить представители разных министерств.

(Это был, конечно, сокрушительный удар по нашим ожиданиям. Всё-таки после двух серьезных встреч, особенно после встречи в ЦК, после такой массовой делегации и такого долгого пребывания в Москве мы надеялись, что вопрос будет решен. Да и как можно было предположить, что Микоян примет представителей советских немцев второй раз, чтобы опять отказать? Хуже: результат второй встречи был даже меньше, чем у первой делегации – там он обещал и снятие запрета на прописку, и публикацию Указа, пусть в изложении, в русских газетах. Мы сидели убитые, и то, что говорили «представители министерств», почти уже не имело значения).

Боголюбов (Госкомитет по печати Совета Министров СССР): Мы решили создать в Казахстане специальную немецкую редакцию при издательстве, привлечь туда знающих товарищей немецкой национальности. У нас есть советские немецкие писатели. Думаем, что они могут найти выход через русские издательства.

Микоян: Их не интересуют русские издательства, их интересуют немецкие.

Боголюбов: Можно будет начать выпуск двух сборников-альманахов ежегодно. О распространении книг: нужно выявлять запросы и через книжные магазины продавать. По линии Министерства культуры организуем самодеятельность, концертные бригады, наметим репертуар, учитывая национальные особенности.

Прокофьев (Министерство высшего образования): В Барнауле при пединституте имеется немецкое отделение. Решено его сделать головным (факультетом) и поручить ему разработать программы и учебники для всех остальных немецких отделений в других городах. Будут расширены немецкие отделения в Новосибирске, Оренбурге, Кокчетаве, Алма-Ате, Караганде. Славгородское педучилище будет сделано опорным, усилено кадрами и материальной базой, чтобы оно помогало другим педучилищам... Проводится работа по опросу родителей о расширенной программе преподавания немецкого языка как родного в 9-10 классах. С 1 сентября 1966 г. при наличии доброй воли родителей в областях будут созданы начальные школы и классы по обучению детей немецкой национальности на родном языке.

Рапохин (Радио): В течение многих лет ведутся немецкие передачи из Алма-Аты, Москвы, Фрунзе. Необходимо разнообразить передачи. Создаётся фонд кинокартин на немецком языке – фильмы из ГДР. Ежегодно будет дублироваться не менее 20 кинокартин документального характера.

Микоян: Можно и художественные... Мы не можем пойти на восстановление республики на Волге при существующем положении, потому что это вызовет огромные экономические затраты, но в отношении культурных потребностей мы пойдём навстречу. Что касается отдельных беззаконий – в аппаратах есть неправильно действующие люди. Если у вас есть факты плохого отношения к вам, здесь сидит товарищ, можете передать ему. Мы будем вмешиваться.

Мы думаем, что вы приложите все усилия, чтобы помочь нам в этих культурных мероприятиях. Желаю вам успехов. До свидания.

(Приём начался в 14.35 и закончился в 16.15, длился 1 час 40 минут)

...Прошли десятилетия после того приема. И за два дня до того, как я начал писать о нём, у меня состоялась встреча с В.А.Михайловым, бывшим министром по делам национальностей Российской Федерации, с которым мы знакомы еще со времени его работы в ЦК КПСС, когда он стал первым работником ЦК, которому были поручены тогда, в годы перестройки, национальные вопросы. Ученый, доктор наук, знакомый с проблемой российских немцев, пожалуй, лучше всех из официальных лиц России, он

много помогал нам и тогда, и позже, когда после нескольких лет отключенности от дел за своё «партийное прошлое» был опять привлечен как специалист и возглавил Миннац. Я затронул тему, которой как раз был занят; в частности, о приемах двух делегаций Микояном. Михайлов рассказал по этому поводу следующее.

В 1960-х годах он был очень близко знаком с А.Аджубеем, зятем Хрущева. Они часто встречались, были вроде даже соседями по даче. Аджубей был очень умный и интересный человек, так что ходившее тогда выражение «Не имей сто рублей, а женись как Аджубей», не соответствовало характеру этого человека: он был самодостаточен как личность и значителен сам по себе, без высокого тестя.

Михайлов по своей работе в Казахстане был знаком с немецкой проблемой, и как-то спросил Аджубея, почему же советские немцы не были реабилитированы вместе со всеми? Аджубей ответил, что в проекте указа были все, но в вышедшем указе советских немцев уже не было. Оказалось, Хрущева отговорил вернуть республику немцам... Микоян.

Какие аргументы нашел тогда Микоян, теперь можно только предполагать. Были ли это экономические причины – не лишать промышленность и сельское хозяйство Сибири и Казахстана очень нужных там немецких рабочих рук; были ли это опасения, что немцы, вернувшись к своим домам, которые не в пример домам калмыков, чеченцев, ингушей и др. были заселены гораздо основательнее, не удержатся от эмоций; или сказались незабытая боль: его второй сын-летчик Володя, едва достигший совершеннолетия, в первом же бою был сбит немцами и погиб; или это были воспоминания о каком-нибудь неприятном инциденте молодости в общении с кем-нибудь из российских немцев в многогранной и туманно-изворотливой жизни всегда остававшегося на плаву политика, – вряд ли уже когда-нибудь прояснятся.

Есть еще один любопытный момент. В конце 2002 г. с задержкой на целый год вышел, наконец, второй том книги А.Солженицина «Двести лет вместе», охватывающий советский период истории еврейства в России. В нем приведена интересная информация о том, что наряду с проектом создания еврейской республики в Крыму (эта идея 20-х годов была активизирована особенно после выселения крымских татар; была ли она и в какой-то степени причиной их выселения, об этом в книге ничего не говорится), «в Еврейском Антифашистском Комитете был и другой проект: основать Еврейскую республику на месте высланной республики немцев Поволжья (где... образовались еврейские поселения после ссылки немцев). – Эстер Маркиш, вдова члена ЕАК Переца Маркиша, подтверждает, что Маркиш подавал письмо – «по поводу передачи евреям бывшей республики немцев Поволжья» (стр. 394).

Могли ли сказаться эти планы на невосстановлении АССР НП, на запрете немцам возвращаться на Волгу, просуществовавшем официально до 1972 года, а на практике и много лет после этого? В частности, оставались ли после войны, и как долго, «еврейские поселения» в бывших селах выселенной немецкой республики? Над этими вопросами могли бы поработать историки. Как и над тем, мог ли повлиять каким-либо образом этот неожиданный для нас аспект на позицию Микояна в 1957, а затем и в 1965 году.

Во всяком случае, то, что именно противник реабилитации советских немцев и восстановления их автономии Микоян принимал обе делегации советских немцев (по поручению? или по собственной инициативе, чтобы не допустить иного решения, чем обеспечил он в 1957 и затем закрепил в январе 1965? или из опасения, что Брежнев мог и пойти на такой шаг? Ведь после приема делегации в ЦК это не было исключено, и тогда Микоян выглядел бы очень непрезентабельно), позволяет сегодня сказать, что другого исхода и не могло быть.

Собственно, если повнимательнее отнестись к тому, как обе делегации доходили до Микояна, то может возникнуть немало вопросов. Так, первая делегация сдала своё Заявление на имя Брежнева и Микояна 9 января. 10 января было воскресенье. А 11-го, самое позднее после обеда, было уже принято решение о приёме у Микояна 12-го утром, и делегатов разыскивали вечером в гостиницах, чтобы этот приём состоялся. Чем можно объяснить такую спешку? Нужна ли она была властям в нормальной ситуации? Тем более, чтобы дать отрицательный ответ? И на высшем уровне? Ведь на высшем уровне ходяков, чтобы отказать, не принимают.

Вопросы возникают и в связи с приёмом второй делегации. В самом деле, чтобы дать отказ, не нужен был на таком уровне даже первый приём, а тут снова принимают на этом же уровне, лишь чтобы повторить данный ранее отказ. Такого в политике не бывает. Для этого второй приём вообще был не нужен. Не нужен был и самому Микояну: глава государства - не сотрудник приемной, чтобы снова и снова часами выслушивать одно и то же от назойливых посетителей и устало повторять им: «нельзя».

Но прием очень нужен был Микояну в том случае, и только в том, если он действительно опасался, что кто-то другой из руководства страны мог поддержать идею восстановления нашей автономии. И тут лучшим способом не допустить этого было, конечно, принять делегации самому. Потому что если бы отказ был дан на низшем уровне, то делегации могли добиваться приёма дальше, в том числе в ЦК и у Брежнева, где, как правило, и решались все вопросы. Приём же у Микояна означал фактически прием на высшем уровне и, таким образом, лишал делегации возможности еще какого-либо приема, даже у Брежнева. В этом смысле оба приёма выглядят даже как-то нечистоплотно.

Однако существовала ли реальная «опасность» восстановления республики? Трудно сегодня об этом говорить. Но судя по тому, *где и как* принимали делегации и *что* при этом говорилось, исключать возможность положительного рассмотрения этого вопроса никак нельзя.

Вспомним, какая разница в уровне и содержании встреч была по линии Микояна – линии Президиума Верховного Совета, и по линии ЦК КПСС. Если в Президиуме дальше Приёмной никто с делегатами не говорил, и только в «рамках Указа», то первая же встреча в ЦК была на уровне руководства ряда ведущих отделов! И ответ, который там дали делегатам, тоже никак нельзя было воспринимать как отказ: «нужно изучить вопрос», «нужно посчитать расходы» (на восстановление республики), «Правительство должно еще раз собраться», «для этого потребуется время», «дайте нам время». Чтобы отказать, в ЦК тем более могли ограничиться уровнем Приёмной.

Не было ли такое «уважение» Микояна к немцам, по которым только что вышел Указ, где «всё сказано», обусловлено именно тем, что по линии ЦК проявлялся серьезный подход? И даже «оперативность» Микояна, особенно с приёмом первой делегации - была бы она такой, если бы мы не обратились параллельно в ЦК?

Конечно, то, что делегации дважды принял именно Микоян, исключало возможность приема у Брежнева. Но мог ли Микоян единолично принимать решение по такому вопросу; ведь тогда без согласования с ЦК никто решений не принимал? Но и тут особых проблем не было: многоопытный в интригах Анастас Иванович мог, как в своё время Хрущеву, убедительно объяснить и Брежневу, например, что восстанавливать АССР НП никак нельзя, потому что тогда полмиллиона немцев уедет из Целинного края, и героическое дело освоения Целины, в которое дорогой товарищ Леонид Ильич вложил, будучи секретарем ЦК КП Казахстана, так много сил и дальновидной мудрости, тогда рухнет, что очень повредит высокому и заслуженному авторитету любимого всеми Леонида Ильича...

6. Ответ Микояну

«Мы неоспоримо правы...»

Но это сейчас, спустя столько лет, можно пытаться логически рассуждать о том, что было. Тогда же нас не покидало чувство оплётанности, оскорбленности и – алогичности происшедшего, противоречия всему, чем руководствовались мы и чем должно было руководствоваться государство. Мы решили написать Микояну письмо. Мы не могли просто так уехать, не написав ему – это значило бы молча утереться. Мы понимали также, что оскорбление нанесено всем советским немцам, и оставить это без ответа мы не имеем права – это угнетающе подействует на весь наш народ.

Подготовить проект письма было, «согласно обязанностям», поручено мне. На следующее утро я прямо в гостинице начал писать. Тогда в таких гостиницах практически не было одноместных номеров, и ни у кого из нас не было отдельного номера: жили вдвоем, втроем, иногда вчетвером в одном номере. Мы жили в одном номере с Варкентиним. Когда я начал писать, он что-то стал читать, потом тоже взял листок бумаги. После того, как я написал три страницы, мы сделали перерыв. Выяснилось, что Варкентин тоже готовил вариант письма, и когда мы просмотрели оба наброска, оказалось, что у него готова фактически вторая половина письма. Мы сложили всё вместе, и поехали в редакцию. После некоторых незначительных поправок текст письма был всеми одобрен, отпечатан на машинке, и на следующий день мы его отправили сразу в несколько адресов. Привожу этот текст также полностью.

***Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Тов. Микояну А.И.***

***Копии: т.т. Брежневу Л.И., Сулову М.А., Шелепину А.Н.,
Косыгину А.Н., Пейве Я.В.***

*от делегации советских немцев, принятой 7 июля 1965 г.
по вопросу о восстановлении АССР НП.*

Уважаемый Анастас Иванович!

Так как на приёме мы были лишены возможности выразить своё мнение в ответ на Ваши слова, мы решили сделать это письменно.

Мы ни в коей мере не удовлетворены результатами приёма. Народ послал нас к Правительству не за газетами, не за кружками самодеятельности, а добиваться полной реабилитации двух миллионов человек, установления их равноправия с другими гражданами СССР и восстановления их государственности – бывшей Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья. Ни на одно из этих требований мы ответа не получили.

Вы сказали, что Указ от 29 августа 1964 года сделал советских немцев равноправными гражданами СССР. Это утверждение не соответствует действительности, т.к. мы ставим вопрос не о правах отдельных граждан, а о равноправии национальном, без которого не может быть подлинного гражданского равноправия.

Указ от 29 августа 1964 года вносит лишь изменения в Указ от 28 августа 1941 года и снимает с советских немцев клеветнические обвинения в пособничестве фашизму, на основании которых ликвидация Республики немцев Поволжья была актом грубого произвола и преступлением перед советско-немецким народом.

Указ снял политическое обвинение с советских немцев, но не изменил их положения и полностью оставил наказание за мнимую вину. Ни один из указов, на основании которых невинный народ подвергался репрессии, ещё не отменен. Согласно Указу от 26 ноября 1948 года мы являемся вечными ссыльными, согласно Указу от 13 декабря 1955 года мы не имеем права возвращаться в родные места. Где же здесь равноправие?

Если передать смысл Указа от 29 августа 1964 года образно, получится так: человеку, осужденному за самое тяжкое преступление и сидящему в тюрьме уже 23 года, говорят: «Ты осуждён по ошибке, ты не виноват. Но так как ты привык быть здесь, «укоренился», то и оставайся тут».

Разве это реабилитация? Разве это восстановление в правах?

Вы сказали нам, что немцы всегда трудились и трудятся хорошо, но республика немцев Поволжья не может быть восстановлена, так как отъездом немцев из районов, где они сейчас работают, будет нанесён урон народному хозяйству. Таким образом, два миллиона человек, отдающих все силы на укрепление своего государства, обрекаются этим государством на вымирание как национальность. Из них хотят выхолостить всё, что ещё указывает на их принадлежность к нации, так как это будто бы мешает их работе.

Отсюда можно сделать только один вывод: к советским немцам относятся потребительски, пренебрегая их национальными чаяниями.

То, что записано в Конституции СССР и Программе КПСС о равноправии наций и языков, к советским немцам не применяется, так как это «может нанести урон экономике».

Ленинская национальная политика к советским немцам не применяется, так как это «может нанести урон экономике».

Вы сказали, что две трети советских немцев жили вне автономной республики и жили хорошо, следовательно, не обязательно советским немцам иметь теперь свою автономию. Но разве не ясно, что немцы, жившие вне республики, жили хорошо только потому, что такая республика была, что у них было своё государство, которое всесторонне заботилось и о них, помогая им в вопросах культуры и образования, в хозяйственном строительстве? Республика немцев Поволжья была кузницей кадров для всех остальных немецких районов, была живым воплощением политического равноправия советских немцев.

Что означает ряд жалких мероприятий, проектируемых в области культуры и просвещения?

Во-первых, при нынешней разбросанности советских немцев эти мероприятия обречены на провал.

Во-вторых, даже при наиболее полном их осуществлении они в лучшем случае явились бы лишь частью программы культурно-национальной автономии. А нам нужна не культурно-национальная автономия, а государство. Мы – советские люди, коммунисты, а не бундовцы, и бундовская программа по национальному вопросу нам не нужна.

Такова юридическая основа политического неравноправия одной из советских национальностей. Но повседневный быт советских немцев, отношение к ним других народов нашей страны определяются не только антиленинскими, геноцидными указами от 1941, 1948 и 1955 годов, но и психологическим наследием военных лет вообще. Никогда советские люди не забудут жертв Великой Отечественной войны, никогда не простят жутких злодеяний фашизма. И не должны простить! Но этот праведный гнев, эта великая ненависть необоснованно направляются и против советских немцев.

И так будет до тех пор, пока не последует акт о восстановлении нашей советской национальной государственности. Тут не помогут ни жалкие кружки самодеятельности, ни центральная газета на немецком языке. Вот уже восемь лет этот орган, помимо выполнения своих прямых функций, пытается бороться против тех или иных случаев грубого произвола, взятых каждый раз в отдельности. Но эти попытки остаются и останутся дон-кихотской борьбой с ветряными мельницами, ибо это – борьба с отдельными проявлениями зла, с единичными результатами постоянно действующих причин. А корень зла в противоречивости, в ложности положения советских немцев:

1. В то время, как ГДР с момента её образования обласкана Советским Союзом всяческим вниманием и заботами, советские немцы до сих пор расхлёбывают моральные последствия войны. Можно подумать, что фашисты были не в Германии, а среди советских немцев.

2. Время от времени, например, по поводу посылок из-за границы, на местах организуются шумные кампании под девизом: «Они – наши, свои, советские». Между тем как вот уже четверть века ни в одном русском печатном издании, в том числе и в полусекретном Указе от 29 августа 1964 года, наши немцы не признаются советским народом. Центральная печать вообще забыла о нашем существовании, если не считать двух безобразных статей в газете «Труд» (от 31.01.1965 г. и от 22.06.1965 г.).

3. Все народы, огульно обвиненные и репрессированные во время Отечественной войны, были полностью реабилитированы XX съездом. Почему же советские немцы до сих пор остаются пасынками?

4. Для зарубежных туристов и журналистов возводятся разные потемкинские деревни, вплоть до лживого утверждения о том, что все немецкие дети у нас учатся в национальных школах, а на деле с молчаливого согласия высоких инстанций повсеместно умышленно срывается осуществление даже самых куцых полумер.

5. Устами Председателя Президиума Верховного Совета СССР воздаётся высокая хвала трудолюбию, сознательности и дисциплине советских немцев, а между тем именно эти исторически сложившиеся традиции разрушаются повседневно, сознательно и весьма эффективно. Ведь разложение, распад любого народа неизбежно сопровождается его моральной деградацией.

6. Сотни тысяч людей обращают взоры, полные надежды и веры в правду, к Кремлю, ибо стоит роковой вопрос: быть или не быть одному из советских народов, а в ответ совершенно официально предлагается убогая «программа» культуртрегерства, которая к тому же пестрит формулировками вроде: «намечается», «при наличии возможности», «по желанию». Мы-то знаем цену этим оговоркам!

7. Делегация советских немцев принимается в ЦК партии и в Президиуме Верховного Совета СССР, а члены делегации и помощники её на местах

подвергаются открытым угрозам и даже увольнению «за разжигание национальных страстей».

Но чему бы Вы, Анастас Иванович, посвятили свою жизнь, если бы Берия в один из чёрных дней своего всевластия разогнал Армению?

Пока мы будем считать и чувствовать себя советскими людьми, пока мы не утратили своей веры в Партию, в торжество исторической справедливости, в полную победу ленинских начал нашей жизни, до тех самых пор мы, советские немцы, не признаем нынешнего положения правомерным, нормальным или хотя бы терпимым и будем считать своим гражданским долгом до конца отстаивать принципы ленинской национальной политики.

Мы не виноваты в людоедстве Гитлера, не виноваты в реваншизме его последышей, не виноваты в бесконечных осложнениях международного положения. Мы также не повинны в хронической лихорадке, которая трясёт наше сельское хозяйство, не повинны в том, что восстановление республики упирается, как нам было заявлено с предельной откровенностью, в проблему экономических расходов. Не мы создали эту проблему, да и совершенно ясно, что не она должна быть определяющей в социалистической национальной политике. А уж если говорить об этой проблеме, то ясно также и то, что все затраты на восстановление АССР НП за несколько лет окупятся с лихвой.

Мы совершенно и неоспоримо правы в своём требовании, и Вы, Анастас Иванович, сами признали это. Ведь Вы нам сказали, что наши «стремления вполне понятны», и что восстановление автономии «было бы лучшим выходом». Так кто же согласится с Вашим утверждением, что не все ошибки, допущенные историей, могут быть исправлены? Да, по отношению к мёртвым, к бессмысленно загубленным, ошибки не исправишь. Но жива и будет жить Советская власть! И пока жив народ, с которым обошлись несправедливо, допущенную ошибку можно и нужно исправить.

Единственно справедливым решением нашего вопроса является отмена всех порочащих нас указов и возрождение нашей национальной государственности, т.е. восстановление автономной республики немцев Поволжья.

Ленинская правда восторжествует – мы верим в это!

Москва, 9 июля 1965 года.

Подписи: Шесслер, Вормсбехер Г.Ф., Кайзер, Лерх, Фогель, Вельц, Гинц, Вормсбехер Г.Г., Хромова, Штейнбах, Сиптиц, Варкентин, Гиришфельд, Гребер.

В течение того же дня было подготовлено 6 первых экземпляров этого письма (нельзя же было посылать высшему руководству страны вторые экземпляры!), и на следующий день, 10 июля, оно было отправлено.

(Проявила ли редакция «Нойес лебен» сама такое мужество, чтобы отпечатать у себя это письмо, или согласовала с соответствующими органами, что вероятнее – нам точно известно не было. Но размножить это письмо редакция отказалась – дала только по экземпляру участникам встречи. Нужно также сказать, что в процессе отношений между делегацией и редакцией – а это было в основном моей обязанностью – при печатании наших документов нам несколько раз настоятельно советовали снять резкости, чтобы не ставить редакцию под удар. Позже, когда мы начали готовить новую делегацию, нам стало известно, что редакции запретили принимать очередную делегацию, предоставлять

ей помещение для работы и помогать ей даже с машинописью. Значит, для первых двух делегаций разрешение, или указание, было?)

Письмо это имело большое значение не только для нас, членов делегации, для нашего чувства собственного достоинства, самоуважения, для осознания того, что мы не стерпели молча самоуверенную бесцеремонность пусть и главы государства по отношению к людям, с искренней верой в справедливость приехавшим к руководству страны по поручению своего народа. Это письмо позволило нам еще раз, максимально концентрированно, показать, что наша позиция, наши требования не только не противоречат официальной идеологии и законодательству, но полностью им соответствуют, являются фактически их выражением. Что наша позиция и наши требования полностью соответствуют и неприкосновенным тогда ленинским принципам национальной политики, и основному закону государства – Конституции, и идеологии монополюльно правящей партии, Программе КПСС.

Более того. Письмо позволило показать, что политика официальных властей по отношению к советским немцам, и даже аргументы главы государства, не только не соответствуют законам государства, официальной идеологии правящей партии и декларируемым основополагающим принципам ее политики, но и кричаще противоречат им, являются их грубейшим нарушением. Логика доказательства этого несоответствия, аргументы, приведенные членами делегации, были фактически неопровержимы. Эти аргументы, будучи теперь выражены и зафиксированы в Письме, укрепили и нас самих в сознании собственной правоты, что после такого приема тоже имело немалое значение: вместо подавленности, депрессии, вместо чувства бессилия и безнадежности, которые без сомнения могли после этого приёма овладеть и нами, и советскими немцами на местах, мы смогли мобилизоваться и выработать прочную основу для дальнейших наших действий.

Мы «проиграли сражение», но еще не проиграли «войну» и не были сломлены духом. Мы вышли из этого «сражения» более опытными, умелыми, стойкими и еще более убежденными в своей правоте и правильности своих действий. Мы даже добились признания правильности наших требований на высшем уровне. Более того, мы добились прямых доказательств противозаконности игнорирования властями наших требований. И теперь каждый, прочитав материалы делегаций или хотя бы это письмо, мог придти к выводу о том, что требование восстановления нашей государственности является законным, что восстановление ее признается самим руководством страны «лучшим выходом» и что участие в движении за восстановление государственности не должно преследоваться, о чём было тоже сказано на высшем уровне.

Можно сказать, что это письмо, это выражение единой боли и единого протеста всей делегации, этот обогащенный уран всех остальных материалов делегаций - стало как бы ядерным топливом для нашего национального движения в дальнейшем: содержащиеся в нём глубокая и горячая тревога о будущем народа, уверенность в своей правоте и законности своих действий, мощный протест против нарушений властью собственных законов и правил – помогли потом многим, вселяя энергию и уверенность в трудные минуты, зовя к действию.

Даже на представителей советских и партийных органов, которым приходилось потом заниматься членами делегации и нашей проблемой, письмо это неизменно производило впечатление. Недаром же фактически два месяца после нашего возвращения из Москвы, нас, например, в Алма-Ате, практически не трогали, хотя мы сразу передали все материалы делегации в ЦК КП Казахстана и там состоялся с нами вполне нормальный, даже заинтересованный, разговор.

Мы имели, благодаря этому письму, и право честно смотреть в глаза тем людям, которые помогали в подготовке делегации, которые ждали 56 дней результатов, перед

которыми нам приходилось теперь выступать: они видели, что их интересы, их честь члены делегации защищали достойно.

И пусть сегодня никого не смущает такое эмоциональное выражение в письме веры в ленинские принципы, в советскую власть, в дело партии.

Во-первых, эти фундаментальные для той системы положения были прочной опорой и для наших требований.

Во-вторых, именно этим основам государства противоречило противодействие самого государства решению нашего вопроса.

В-третьих, эти принципы, эти идеи, эти основы, которые были оружием власти, мы сделали нашим самым сильным и неотразимым оружием против власти.

В-четвертых, в те времена, в той системе никто не мог действовать, тем более в национальном вопросе, с других позиций. Наша сила, наша убедительность, наша неопровержимость были как раз в том, что *мы были правы с точки зрения самого государства*, что мы действовали в рамках его законов и идеологии, вполне достаточных для оправдания наших действий. И протест наш, наши аргументы тоже опирались на идеологические, политические и законодательные основы самого государства.

Можно даже сказать, что мы выступили фактически как защитники этих государственных основ от их несоблюдения и нарушения руководством страны. И эти нарушения мы теперь в нашем письме во многом персонифицировали в одной личности – Микояне, формально не обвиняя всю политическую систему, не трогая других руководителей государства, а даже как бы обращаясь к ним за поддержкой и защитой этих основ...

21 июля мы написали еще одно письмо, наверное, больше для того, чтобы не оставить неиспользованной ни одну возможность.

**Члену Президиума и Секретарю ЦК КПСС
тов. Сулову М.А.**

Уважаемый Михаил Андреевич!

К Вам обращается делегация советских немцев, принятая 7 июля с.г. тов. Микояном А.И. по вопросу о политической реабилитации советских немцев и восстановлении АССР НП.

Из направленной в Ваш адрес копии письма тов. Микояну А.И. Вы уже знаете, почему мы совершенно не удовлетворены результатами этого долгожданного приёма.

Мы очень просим Вас, видного теоретика партии, принять и выслушать нас и по возможности разъяснить нам не обусловленное временной экономической конъюнктурой сегодняшнее мнение и принципиальную установку Партии и Правительства относительно возможности распространения на нас, на один из советских народов, принципов ленинской национальной политики, законов Советской Конституции, положений Программы КПСС – юридических и нравственных норм советской жизни.

Пожалуйста, ответьте нам возможно скорее, потому что мы находимся в Москве уже более полутора месяцев.

По поручению делегации советских немцев

*Шесслер Г.Ф., Кайзер Г.Ф., Фогель М.И., Хромова Т.Х., Варкентин И.А.,
Вормсбехер Г.Г.*

Москва, 21 июля 1965 года.

27 июля последние делегаты разъехались по домам, договорившись о дальнейших действиях и о том, что если до предстоявшего в начале следующего года Пленума ЦК КПСС наш вопрос не будет решен, то будет организована третья делегация.

Третья делегация состоялась лишь через 23 года...

7. О значении делегаций

Когда усилия, даже огромные, не приносят нужного результата, о них часто говорят критически, или вообще не говорят, или стараются забыть (у победы много отцов, поражение – всегда сирота, говорил Наполеон). Это очень несправедливо. Потому что за этими усилиями – вера, надежда, самопожертвование, нередко драмы и трагедии сотен и тысяч людей, их исковерканное будущее, сломанные души.

В итоге усилий наших двух делегаций не было только тех, кто был бы счастлив. Ни одного. И это тем более должно бы вызывать уважение к людям, знавшим, на что они шли, знавшим, что их ожидает, и, тем не менее, пошедшим на это.

Достоинство особого уважения то, что члены делегации, несмотря на пережитые репрессии, несмотря на свой иногда очень немолодой возраст и далеко не цветущее здоровье, с таким высоким чувством ответственности боролись за общее дело, когда многие и многие осторожно наблюдали за их действиями издалека.

Мы не имеем нашей республики и сегодня, через 40 лет, прошедших с того времени. И естественно возникает вопрос: а стоило ли всем этим тогда заниматься? Стоило ли ставить снова под удар понемногу успокоившуюся жизнь «укоренившихся» в местах высылки немцев? Стоило ли опять привлекать внимание к ним – к людям, которые внутренне еще не отошли ни от репрессий, ни от ужасов трудармии, ни от спецкомендатуры, и пугливо озирались при любом громком слове? Ведь в том, что о них забыли, что они могли без конвоя ходить на работу, что они могли даже ездить теперь в гости друг к другу, постепенно находя своих родственников, раскиданных выселением и трудармией, было по сравнению с еще совсем недавними годами определенное счастье.

И пусть продолжалась жесткая дискриминация по национальному признаку, пусть выше колхозного бригадира немцу трудно было подняться в своей «карьере», пусть получить высшее образование немцу было в десять раз труднее, чем представителям других национальностей, пусть поколение отцов и дедов, общаясь с младшим поколением по-немецки, получало теперь ответы только по-русски, пусть не было немецких школ, книг, газет, театров, общественной и национальной жизни – всё же никто немцев никуда больше не выселял, открыто не преследовал, никто не умирал с голоду, дети могли ходить в школу, всё больше отдалявшую их от своего народа, и даже в разбросанности проживания и отсюда в межнациональных браках и быстрой ассимиляции можно было при желании найти и что-то «положительное»: детей из этих браков можно было записать русскими и таким образом избавить от дискриминации в будущем – «лучше быть с русским именем, чем вечно преследуемым». И вот теперь этот процесс ухода из-под надзора опять нарушен, опять внимание властей привлечено к «этим немцам»...

Но многие хорошо понимали, что если ничего не изменится, то через одно-два поколения с российскими немцами будет покончено. Многие не могли и смириться с той

несправедливостью, с теми оскорблениями, которые выпали на долю народа – на каждого его представителя, от глубокого старика до грудного младенца. Чувство собственного достоинства, стремление к справедливости, горячее желание избавиться от незаслуженного клейма предателя родины, стремление добиться равноправия с другими советскими людьми, чтобы не быть вечно хуже всех, чтобы не жить вечно с втянутой в плечи головой, под подозрительными взглядами соседей и товарищей по работе – для многих это было не менее, а часто и более важно, чем потихоньку налаживающаяся вегетативная жизнь.

Главное же – речь шла о будущем народа. И ***для народа было бы национальным позором, если бы среди него не нашлось никого, кто выступил бы за восстановление справедливости по отношению к нему, за полную его реабилитацию, за его будущее!*** Тем более после реабилитации других репрессированных народов и после снятия несправедливых обвинений с самих советских немцев!

Поэтому оставим вопрос о том, стоило или не стоило начинать тогда (как и потом) эту борьбу. Оставим этот вопрос тем, для кого всё имеет лишь тогда смысл, когда приносит им личную выгоду. Для тех же, кто не может мириться с унижением своего народа, кто не представляет своего будущего без будущего своего народа, этот вопрос никогда не стоит, и выбора для них никогда нет; категорический императив всегда только один – действовать!

Две первые делегации, даже не приведя к нужной цели, имели большое значение.

1. Делегации показали, что в народе есть силы, готовые бороться за его будущее, за восстановление справедливости по отношению к нему, за его полную реабилитацию.

2. Делегации однозначно утвердили мнение, что у народа не может быть будущего без того, чтобы ему опять быть вместе, без восстановления его государственности.

3. Делегации не были организованы сверху или извне, они были порождены самим народом, они вышли из самых низов (впрочем, верхов у народа и не было), несмотря даже на огромную разбросанность всех немцев по стране. Идея делегаций возникла одновременно в ряде регионов.

4. Делегации, несмотря на очень нелегкие тогда времена, были существенно поддержаны народом: и морально, и подписями под обращениями, и материально, - без чего они не могли бы состояться. То есть это были делегации самого народа.

5. Вторая делегация, необычайно массовая и длительная для того времени и для тех возможностей (56 человек, 43 дня), впервые так организованно, так упорно, так жестко и так грамотно ставила и отстаивала вопросы полной реабилитации народа.

6. Делегации наработали очень ценный опыт, выработали эффективные формы действий, чёткую позицию и убедительные аргументы, причем в рамках самой официальной идеологии, что позволило в *полемике* с властью одержать несомненную победу.

7. Делегации показали неопровержимую правоту своих требований, что имело большое значение в дальнейшем и наверняка смягчило последовавшие репрессии.

8. Делегации выявили полное отсутствие убедительных аргументов у властей против восстановления государственности советских немцев, против требований народа; вместо аргументов, власти вынуждены были использовать более привычный им метод решения споров – силой.

9. И первая, и вторая делегации заставили власти ещё раз заняться изучением проблемы советских немцев, ещё раз рассмотреть возможность восстановления АССР НП.

10. Делегации дали советским немцам богатый и ценный материал для грамотных действий в будущем; размноженный и распространенный, этот материал также сыграл большую роль.

11. Хотя делегации и не добились решения главного вопроса – восстановления государственности, они всё же добились принятия ряда мер, имевших в то время существенное значение: большего внимания к изучению немецкого языка как родного, расширения подготовки учителей родного языка, выпуска учебников, открытия издательства в Казахстане, создания новой, ежедневной, газеты («Фройндшафт») в Казахстане, пополнения редакции газеты «Нойес лебен» национальными кадрами, расширения радиопередач на немецком языке, выпуска книг немецких писателей и поэтов, публикации Указа от 29 августа 1964 года в «Нойес лебен». Пусть мы на приёмах и в наших документах отвергали всё это как полумеры и элементы национально-культурной автономии, но мы отвергали это как предлагаемое *вместо* республики; когда же вообще нет ничего, то такие «полумеры» тоже имеют значение – хотя бы для формирования национального кадрового потенциала, необходимого для дальнейшей борьбы.

12. Делегации показали, что слежка и надзор за нами, прежде предполагаемые, являются постоянными и жесткими, поэтому если мы впредь намечаем что-либо предпринять, это нужно было серьезно учитывать.

13. Из сегодняшнего времени можно с полным основанием сказать, что первая и вторая делегации (а их, по-моему, нельзя разделять – это единый по идеологии, цели, содержанию и во многом по участникам процесс, занимавший по времени отрезок с ноября 1964 по конец 1965 года) - это был наивысший в национальном движении за все прошедшие с тех пор 40 лет взлёт:

- по убежденности и единству участников делегаций в главной цели;
- по их чувству ответственности за будущее народа;
- по их стойкости, мужеству, готовности к самопожертвованию;
- по их способности подняться над личными интересами ради интересов народа;
- по уровню организованности обеих делегаций, особенно второй;
- по живой, мощной связи делегаций с еще недалеко ушедшим прошлым и живым настоящим народа;
- по широте и мощи оказанной делегациям народной поддержки;
- по политической грамотности подготовленных документов и выступлений, по высокому уровню выражения в них интересов и чаяний народа;
- по уровню достигнутых официальных встреч;
- по значению и количеству вырванных у властей решений;
- и даже по широте, масштабности и протяженности во времени последовавших после делегаций репрессий.

Ни одна из последующих трех делегаций по всем этим характеристикам не сопоставима с первыми двумя. Даже всё национальное движение, причем в совсем других, неопасных условиях, не достигало таких результатов, хотя позже имело и официально зарегистрированные массовые организации, и постоянно расположенные в Москве офисы и штатных сотрудников, и выборные представительные органы, и собственные средства массовой информации, и немалую материальную поддержку (уже не от народа).

Только один еще орган в проблеме советских немцев смог сыграть роль, во многом не уступающую, а по результатам превосходящую первые две делегации – это так долго обливавшийся грязью и так последовательно замалчиваемый в движении российских немцев Оргкомитет по подготовке первого Съезда советских немцев. Может быть, кому-нибудь когда-нибудь удастся написать и о нём.

Но – Оргкомитет не был органом движения советских немцев, он не был и делегацией. Он был структурой, в которой большинство представителей от движения российских немцев были сторонниками конструктивного направления. Структурой, которая, с одной стороны, упорно преследовала главную цель – восстановление государственности советских немцев, не отступая от неё ни на шаг и не позволяя себя увести от неё; с другой – вынуждена была бороться против мощного, небывалого противодействия центральных и региональных властей; и одновременно, - что было во много раз сложнее и труднее – выдерживать невиданный разгул демагогии и клеветы, организованный против Оргкомитета другой частью тогдашнего руководства «Видергебурт» во главе с Г.Гроутом и под руководством «друга российских немцев» подполковника КГБ А.Кичихина, которые, если бы действительно болели за будущее народа, должны были бы всемерно поддерживать Оргкомитет, и тогда бы мы успели, до развала СССР, получить если не саму республику, то хотя бы мощную базу национального государственно-общественного самоуправления, которая вполне позволила бы сегодня иметь и свою государственность...

Две первые делегации можно сравнить с протуберанцами – выбросами раскаленной плазмы на Солнце, которые излучаемой энергией вызывают магнитные бури и изменения погоды на Земле. Протуберанцы народного мужества и надежд достигли самого Кремля, вызвав там заметные колебания и реакции. Их излучение, небывало мощное тогда, сильно влияло на движение российских немцев и потом, доходит и до сегодняшнего времени. В их плазме одни участники сгорели дотла, другие получили облучение и ожоги на всю жизнь, третьи еще больше закалились для будущих действий на благо своего народа, а некоторые, потеряв надежду, перебрались из зоны облучения на более спокойные и благополучные территории...

Как же развивались события дальше?

Вернувшись домой, члены делегации привезли с собой и материалы делегаций. Везде проходили встречи делегатов с немецким населением. Везде, несмотря на нерешение делегацией главного вопроса, приходили к выводу, что надо действовать дальше, надо готовить третью делегацию, и готовить ее еще лучше. Комитет рекомендовал членам делегации ознакомить с материалами делегаций местные партийные и советские органы, проинформировать их о работе делегаций, о состоявшихся официальных встречах – нам нужно было показать, что мы действуем открыто, что нам нечего скрывать от официальных властей.

Власти нам на первых порах не мешали. Видимо, они просто не знали, как им на всё это реагировать. С одной стороны, такая инициативность в таком щекотливом вопросе без каких-либо указаний сверху недопустима; с другой - люди дважды ездили в Москву, были приняты в ЦК и самим Председателем Президиума Верховного Совета, им хоть и не дали республику, но пообещали многое сделать, и их даже заверили в том, что никаких преследований на местах за участие в делегациях и за их поддержку не будет.

Но так было лишь на первых порах: видимо, в Москве еще не выработали позицию по этому вопросу и не подготовили установки на места. Вскоре всё пошло иначе.

От некоторых делегатов стали поступать письма, что их приглашали «для серьезного разговора», что участие в делегациях, сбор подписей и средств были расценены как впредь недопустимые, звучали обвинения в национализме и пр. Вскоре это всё пришлось услышать и лично нам в Алма-Ате.

3 октября 1965 года я зашёл в очередной раз к И.Варкентину, он был заметно озабочен. Оказалось, что его вызывают к Генеральному прокурору Казахстана, и ему

надо уже фактически идти. Я предложил пойти вместе, он не возражал. Так и я получил возможность побеседовать с прокурором – его фамилия была Кудрявцев.

Оказалось, что он в этот день был во Фрунзе (видимо, знакомился с опытом Прокуратуры Киргизии в этом вопросе), и на обратном пути заехал в поселок, где жил и преподавал в школе наш самый молодой член делегации Яша Ольферт. Как выяснилось, Яша в пылу революционной борьбы за правое дело своего народа подготовил и разбросал в своей школе какую-то листовку соответствующего содержания. Об этом и стало сразу известно «компетентным органам» и прокурору республики, почему он и решил пообщаться с Яшей. Общался он с ним целых три часа, и узнал от него много нового: что должен быть создан фронт национального спасения, что нужен революционный комитет, что не помешает демонстрация на 7 ноября и т.д. Сегодня можно только поражаться тому, как 19-летний мальчик решился на такие совершенно самоубийственные шаги и высказывания. Можно только догадываться, что творилось у него в душе и сердце, и это еще одно доказательство того, что и молодежь в нашем движении была готова к самопожертвованию ради достижения справедливости для своего народа.

Но прокурору, надо полагать, было не до сантиментов, и после такого содержательного разговора с Яшей он и захотел, видимо, встретиться с Варкентиним, не без оснований полагая, что его жизненный опыт позволяет рассчитывать на более продуманные и ответственные действия.

Прокурор, хотя и выразил удивление по поводу моего «добровольного прихода», возражать против моего участия в разговоре не стал. А разговор он вёл профессионально. Внешне вроде всё было достаточно интеллигентно, но мы хорошо чувствовали, как постепенно всё больше и больше нагнетается атмосфера, и когда уже становилось трудно дышать, он разряжал её какой-нибудь человеческой фразой или даже шуткой, чтобы затем снова, нагнетая её, показать, какие последствия могут иметь те противоправные действия, которые теперь за нами уже неотъемлемо числятся.

Несколько выводов мы должны были запомнить хорошо. Он согласен, что наши требования вполне естественны и законны, но хочет предупредить нас, чтобы мы и действовали в рамках законности. Ездить без разрешения по таким вопросам в Москву – законом не запрещено, но нежелательно. И работа с населением без ведома официальных органов – это нарушение. И собирание подписей под разными обращениями и воззваниями, проведение собраний и встреч с населением – это фактически организация массовых нарушений порядка. А собирание денег у людей на поездку делегаций – за это можно привлечь к уголовной ответственности. Как и за распространение неофициальных материалов и листовок, за подготовку несанкционированных демонстраций. Ну и т.д.

Но основное, что отпечаталось в сознании на всю жизнь – это его тезис о том, что никаких инициатив и никакого собирания подписей, никаких делегаций в общем-то в принципе не нужно. Потому что такие вопросы решаются совсем иначе.

«Неужели вы думаете, что руководству страны нужны ваши подписи и делегации? Если оно решит, что восстановить республику нужно, оно примет необходимое решение, и уже завтра все газеты сообщат, что советские немцы как один с благодарностью одобряют это решение».

Хотел ли он этой циничной откровенностью деморализовать нас, показать бессмысленность всех наших усилий? Или он из сочувствия, чтобы мы не навредили себе в будущем, пытался освободить нас от иллюзий?

«Беседа» – а говорил практически только он – длилась 4 часа 40 минут. На улицу мы вышли измочаленные – мы побывали у профессионала...

А через несколько дней я был вызван в райком партии, в кабинет первого секретаря – как и положено было в Казахстане, казаха. Хозяин кабинета начал «разговор» с обыденных вещей: как жизнь, как работа, как здоровье? Надо полагать, это не было соблюдением казахского этикета по отношению к гостю – в кабинет один за другим вошло еще несколько человек и молча расселись. Я, уже несколько привыкший к тому, что на приемах время нужно ценить, не без иронии предложил: «Может быть, перейдем сразу к делу?» - «К какому делу?», как бы удивился секретарь. – «Ну, вы пригласили меня ведь не для того, чтобы спросить о здоровье?» - «А для чего мы вас пригласили?» - «Вы пригласили меня, чтобы проработать за поездку в составе делегации в Москву», без особого партийного пиетета высказал я «догадку», зная, что в других местах такие встречи уже идут полным ходом.

Возможно, я был с самого начала излишне настроен на отпор и самозащиту, потому что после встреч в Москве и письма Микояну воспринимал любое, даже предполагаемое, осуждение наших дел как подмену аргументов силовыми действиями.

Очень скоро выяснилось, что аргументов у «принимающей стороны» не было и здесь. Видимо, задание всем было спущено одинаковое: подавить движение и не допустить новых делегаций, но убедительных аргументов для этого спущено не было, и на местах партийные и прочие органы вынуждены были сами искать средства, чтобы выполнить задание.

Меня попытались убедить в том, что я без предварительного согласования со своей парторганизацией, с райкомом партии сразу поехал в Москву, т.е. действовал «за спиной партии». Мне пришлось возразить, что, во-первых, вопросы реабилитации народа и восстановления его государственности не решаются на уровне парторганизации или райкома; во-вторых, если бы я и пришел в райком с таким вопросом, мне без сомнения запретили бы обращаться с ним выше; и в-третьих, обращение в ЦК партии, на что по уставу имеет право каждый член партии, вряд ли может квалифицироваться как «действия за спиной партии».

В таком духе продолжался наш разговор около двух часов. Сегодня мне более понятно, какая нелегкая и неблагодарная задача стояла тогда перед райкомом, но тогда мне важно было защитить наши действия от каких-либо обвинений вообще. Расстались мы довольно напряженно. На прощание я оставил секретарю райкома некоторые материалы делегаций, а также подборку наиболее ярких цитат из сборника работ Ленина по национальному вопросу, которую я подготовил для подпольной брошюры с материалами делегаций – некоторые из этих цитат мне пришлось использовать и в нашем разговоре, и они тоже ставили партийного секретаря в неловкое положение, так как его высказывания далеко не всегда совпадали с тем, что говорил Ленин.

Конечно, сегодня мне более понятно, что ставить полновластного партийного хозяина целого района, да еще казаха, да еще в присутствии его подчиненных, в неловкое положение – значит вызвать у него стремление взять реванш другими методами. Но тогда мы к этому были готовы, это было неизбежно, а потому для нас оставалась только одна позиция, которая, согласно тому же Ленину, всегда и есть самая удобная – принципиальная...

Через много лет я встретился с человеком, который тоже был тогда в этом кабинете. Он был там от райкома комсомола, и так как он был по национальности немец, то видимо был прислан лишь потому, что отсутствовал первый секретарь. Мы с ним быстро нашли общий язык, и в годы после перестройки он играл в Алма-Ате довольно заметную роль в движении российских немцев.

Варкентина как беспартийного прорабатывали по месту работы и на заседании месткома профсоюза. Видимо, он тоже не смог посмотреть на происходящее из далекого

будущего, или нашел еще более неудобные для принимающей стороны аргументы в пользу правильности своих действий; во всяком случае, с ситуацией на работе у него становилось всё сложнее.

Меня после райкома ни в партбюро, ни в местком школы уже не прорабатывали, однако отношение коллег ко мне заметно изменилось. Отняли у меня преподавание физкультуры, т.е. почти половину уроков, что сразу лишило меня и семью возможности нормально существовать.

В ноябре 1965 г. в Алма-Ату приехал из Москвы А.Шмелев (позже он сменил фамилию на Дебольский), который был назначен главным редактором создаваемой в Казахстане обещанной нам ежедневной газеты «Фройндшафт». В «Нойес лебен» ему для новой редакции был среди прочих рекомендован и я. Шмелёв пригласил меня для разговора и предложил перейти в газету, которая будет размещена в Целинограде, где после снятия Хрущева был расформирован Целинный край и освобождалось много помещений. Мы договорились, что я как можно быстрее увольняюсь из школы и переезжаю в Целиноград, потому что газета должна выходить уже с 1 января, и работы будет много.

Препятствий моему увольнению, как ни странно, не было, хотя найти во время учебного года учителя немецкого языка, да еще в школу в небольшом посёлке в горах, в десяти километрах от города, было почти невозможно. И когда я уже уволился, и заказал уже контейнер для вещей, в Алма-Ату вновь приехал Шмелёв и снова пригласил меня к себе, в гостиницу, где он остановился. Встретил он меня без прежней приветливости, сел около приемника, включил какую-то музыку и предложил мне тоже сесть поближе. Он сказал, что, к сожалению, не сможет взять меня в редакцию, потому что есть возражения местных властей.

Для меня это был катастрофический удар: я уже без работы, жена тоже, у нас семья четыре человека; две комнаты, которые нам от школы дали в бараке после отъезда семьи реабилитированных балкарцев, предстояло освободить; обратно в школу меня не возьмут; никаких средств в запасе нет.

Шмелев о чем-то еще говорил, но главное было уже сказано. Вдобавок мне мешала музыка, я воспринимал её как неуважение к себе. Я попытался выключить приёмник, но Шмелев, хотя и вполне тактично, не позволил.

Через некоторое время я собрался уходить, и Шмелев, к моему удивлению, пошел меня провожать. Уже когда мы шли одни по темной улице, он извинился за включенный приёмник – «ведь всё прослушивается», и сказал, что я могу гордиться: сегодня обо мне целых полчаса спорили на заседании Президиума ЦК КП Казахстана. Шмелёву не разрешили взять в редакцию такого «автономиста и националиста», который «будет ездить в командировки за счёт редакции и собирать подписи за восстановление автономии»...

Прошло еще какое-то время. Положение становилось всё сложнее: и оставаться больше нельзя, и уехать некуда. Полагать, что мне опять удастся устроиться где-то учителем, после разговора в райкоме партии и после решения высшей партийной инстанции Казахстана, было тоже наивно. Обсудив ситуацию с Варкентиним, мы пришли к выводу, что надо обратиться в отдел пропаганды ЦК КП Казахстана, где мы после возвращения из Москвы имели довольно деловую беседу. Принял меня русский сотрудник отдела, П.Н.Константинов, лет тридцати пяти, интеллигентный и приветливый. Оказалось, что у заведующей отделом как раз были похороны отца, поэтому Константинов и принимал меня вместо неё.

Выслушав меня, он выразил готовность решить этот вопрос под свою ответственность, только ему нужно для этого от меня заявление как основание для

принятия решения. Однако мой вариант заявления ему, видимо, показался недостаточно убедительным для оправдания решения, которое он готов был принять, и он сам подготовил проект заявления, в котором содержалось и обещание во время работы в редакции не собирать подписей для новой делегации. Помня о том формальном значении, которое, по словам генпрокурора Казахстана, имеют в глазах государства такие подписи, я счел возможным такое «обещание вести себя хорошо» дать. К тому же было понятно: если будет возможна новая делегация, значит, будут и другие времена, значит, будут и другие условия для сбора подписей, если они опять понадобятся... Так неожиданно была решена моя дальнейшая судьба, позволившая мне остаться на всю жизнь в проблематике советских немцев и через много лет вновь принять самое активное участие в нашем возродившемся движении.

Позже я узнал от Константинова, что заведующая отделом была очень недовольна тем, что он подставил отдел, приняв решение, противоречившее решению Президиума ЦК, но менять уже ничего не стала. И через несколько дней мы встретились в Целинограде со Шмелевым.

Но перед самым отъездом выяснился еще один любопытный момент: когда я зашел попрощаться в школу, старая учительница математики, выбрав минуту, когда мы остались наедине, призналась, что ей было предложено подслушивать, о чём я буду говорить по телефону (у нас в школе был единственный для всего посёлка телефон, по которому можно было позвонить в Алма-Ату и по которому я говорил часто с Варкентинном), но она отказалась. Для такого отказа тогда тоже требовалось мужество. Значит, согласился кто-то другой...

Я написал так подробно о своих злоключениях не потому, что они были такие уж драматичные – у других было не лучше, и далеко не всегда им встречался человек типа Константинова, - а потому, что даже на моем примере можно проследить, как начали преследовать членов делегации вопреки обещаниям в ЦК и у Микояна. Может быть, это было следствием нашего письма Микояну?

Коротко о судьбе ряда других членов делегаций.

Шесслера после возвращения из Москвы как-то вызвали в горком партии, туда же были приглашены несколько соответственно подготовленных немцев, которые выступили с обвинениями против него, его исключили из партии. Произвели также дома у него обыск, установили за ним и его квартирой строгий надзор – кто приходит, с кем встречается, и т.д. В последнее время Шесслер с трудом передвигался на костылях, часто падал, жене было трудно ухаживать за ним, и он попросился в дом инвалидов, где и умер. Жена потом вынуждена была попроситься в дом престарелых, где тоже умерла.

Кайзер, когда Шесслера исключали из партии, был тяжело болен, долго лежал в больнице, возможно, поэтому у него не был произведен обыск. Но надзор за домом, за супругой Кайзера был такой, что даже через 4 года после его смерти жена его, помогавшая в автономистских делах, вынуждена была продать всё и уехать. (Уехала она к известному нашему писателю, А.Заксу – тот, насколько мне известно, был женат на ее сестре, и когда к тому времени его жена умерла, они создали новую семью).

Хромова и ряд других активистов из Киргизии, после получения отказа в восстановлении республики, решили добиваться выезда в ФРГ. Они составили обращение в ООН, копию в Верховный Совет СССР и, несмотря на запрет КГБ, нелегально поехали в Москву, чтобы добиться приёма по этому вопросу. В Москве после передачи ими Обращения в Приёмную Президиума Верховного Совета СССР их всех арестовали на квартире, где они остановились, подогнали автобус, отвезли в одиночные камеры, раздели догола, обыскали. В Киргизию их всех привезли обратно в

сопровождении сотрудников милиции. Позже они всё-таки выехали в ФРГ. Это было, видимо, в середине 70-х годов; перед отъездом она заходила в Москве попрощаться к нам с Варкентином, где мы к тому времени работали в редакции «Нойес лебен».

В Германию также выехали О.Гертель (стал там со временем директором крупной образцовой средней школы, был награжден орденом, умер 26 апреля 1999 г. на 80-м году жизни), М.Штейнбах, Г.Михель, Я.Ольферт, значительно позже К.Видмайер.

К.Винтера, с его слов, «почти полгода таскали и в госбезопасность, и в прокуратуру, и в партийные органы Красноярска. При обыске изъяли все документы, даже фотографии».

Р.Кёльн «за неправильное понимание национальной политики» был исключен из партии, но продолжал и дальше «неправильно понимать», активно писал в Москву, требуя реабилитации советских немцев. За два месяца до смерти в 1988 году он в ответ на приглашение принять участие в очередной делегации написал, что, к сожалению, сам не может поехать, т.к. лежит в больнице; вместо него поедет другой. «Как долго я ещё пробуду в больнице, неизвестно. Пишите мне, какие будут новости, моя дочь приносит мне все письма. Я очень надеюсь на успех в нашем святом деле. Желая бодрости и удачи». Ему было 88 лет.

К.Вельц в конце 1965 года также был принят в редакцию газеты «Фройндшафт», где мы с ним некоторое время работали вместе в отделе литературы. Умер 9 июня 1991 года в возрасте 80 лет.

И.Варкентин вынужден был уйти из Академии наук Казахстана, где работал преподавателем; он переехал в Уфу, но и там с работой у него не наладилось; потом он был приглашен в редакцию «Нойес лебен», которой после 2-й делегации по решению ЦК было разрешено пригласить в Москву кадры немецкой национальности и было даже выделено для этого 5 квартир; после очень долгого «испытательного срока», понадобившегося редакции, надо полагать, чтобы преодолеть противодействие «компетентных органов», он всё же был принят в штат и проработал в газете до выхода на пенсию, затем уехал в ГДР, живет сегодня в Берлине, активно занят литературным трудом.

В.Шнайдер несколько раз, приезжая в Москву, заходил ко мне; он возглавлял где-то в Сибири или в Казахстане какую-то электростанцию. В последний свой приезд он был заметно болен и всё говорил о какой-то математической формуле, которую изобрел и по которой может точно определить судьбу каждого человека. С тех пор прошло лет 15, больше вестей о нем ко мне не поступало.

В.Гинц имел серьезные проблемы по работе в Контрольно-ревизионном управлении Минфина Казахстана, где он был ревизором. Его даже поместили в психиатрическую больницу, но через свою жену он переправил мне в Москву заявление в ЦК о том, как поступили с ним; мне удалось передать письмо по назначению, он был выпущен, приехал ко мне, чтобы пройти в Москве обследование для опровержения местных диагнозов, жил у меня около месяца, мы написали с ним два письма Л.И.Брежневу о восстановлении государственности советских немцев. Вскоре после этого он переехал в ГДР, где ему психологически тоже было очень нелегко, и через некоторое время умер там от сердечного приступа.

Я проработал в газете «Фройндшафт» пять лет, иногда публикуясь и в «Нойес лебен». Приезжая на экзамены в Москву (я учился заочно), я заходил иногда в редакцию «Нойес лебен», где к тому времени уже работали бывшие члены делегаций К.Видмайер и И.Варкентин, а также Эдуард Шмидт и Лора Реймер, Сергей и Ирина Генке, - принятые как национальные кадры. Неожиданно В.Полянский, через которого прошел не только тот первый мой рассказ, но и ряд других материалов за последние пять лет, предложил и

мне перейти на работу в «Нойес лебен». У меня, однако, были другие планы, и я дважды отказывался. На третий раз я по ряду возникших новых обстоятельств всё же согласился. Так я оказался последним из тех, кто был приглашен в «Нойес лебен» «по национальному признаку». В редакции я проработал до конца перестройки, последние десять лет редактором первого после войны нашего литературно-художественного и общественно-политического журнала – альманаха «Хайматлихе вайтен»; с началом второй волны в движении российских немцев полностью перешел на работу в это движение, проблемами которого занят до сих пор.

Вместо эпилога

На территории бывшего СССР я остался вроде один живой из участников первых двух делегаций 1965 года, поэтому считал своим долгом рассказать о событиях и о людях, проявивших тогда большое мужество, чтобы добиться восстановления справедливости для своего народа.

Представители старшего поколения в делегациях были тогда как корни народного дерева, вырванного еще недавно из родной почвы. Эти корни были еще наполнены соками родной земли, и этих соков ещё хватало на то, чтобы поддерживать в дереве затухающую жизнь, но уже не хватало, чтобы сохранить дерево растущим и цветущим. И эти корни пытались любым путем - пусть хотя бы добившись разрешения вернуться «домой» - добраться опять до родной почвы, зацепиться за нее, слиться с ней, чтобы ожить самим и оживить, спасти всё дерево. Но этого им тогда не удалось.

Хватит ли теперь сил у полужасохшего дерева, лишившегося и многих ветвей, и листьев, и многих-многих корней, - чтобы вновь обрести почву и ожить?

Впрочем, вопрос должен быть поставлен иначе: что нужно сегодняшнему поколению, чтобы уже совсем в других, безопасных условиях, уже ничем не рискуя! - добиться, наконец, восстановления справедливости и равноправия для своего народа? Добиться того, чего не удалось добиться в закостенелой системе закостенелой идеологии; не удалось добиться в ходе крушения этой системы; не удалось в процессе оголтелого мародёрского разграбления великой страны; не удалось во время пребывания страны в состоянии клинической смерти при Ельцине?

Что нужно, чтобы сегодня, когда всё больше восстанавливаются опять жизненные функции государства и всё больше укрепляется фундамент его будущего, добиться, наконец, решения и одного из принципиальнейших для многонациональной страны вопросов – национального равноправия целого народа?

Кто сегодня возьмет на себя ответственность за будущее своего народа? Или и дальше главными действующими лицами в нашей проблеме будут лишь работники проектно-ритуальных услуг, цинично вздыхающие о «многострадальном народе» при выбивании средств и деловито исполняющие затем весь перечень оплачиваемых для этого народа ритуальных услуг? Работники, с лопатами наготове расчетливо ждущие последней рваческой mzды, чтобы приступить к главному акту: навсегда укрыть национальное прошлое, настоящее и будущее народа – не той землёй, которая дает жизнь, а той, которая ее завершает?

Надеюсь, что у народа найдутся еще сыны, достойные его мужественной и трагической истории. К ним я и обращаю эти воспоминания об одном из высоких примеров, оставленном их отцами.

2003-2004 гг.